PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

Krasnyi Arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

1 (74)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Семьдесят пять лет назад.— Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема.— Из истории Уральских заводов.—Аграрное движение в Смоленской губ. в 1905 — 1906 гг. — Из истории освоения Северного морского пути. — Из дневника Л. Тихомирова. — Бисмарк о положении в Европе в 1868 г. — Московский университет в октябрьские дни 1905 г. —Н. Г. Чернышевский в Вилюйске. — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и царская цензура.

19 • ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ • 36

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Семьдесят пять лет назад. *С предисловием И. Кузнецова* 3
Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема. *С предисловием М. Лурье* 3
Из истории Уральских заводов. *С предисловием Евг. Гольдич* 6
Аграрное движение в Смоленской губернии в 1905 — 1906 гг. *С предисловием И. Кузнецова* 9
Из истории освоения Северного морского пути 14
Из дневника Л. Тихомирова 16

Из записной книжки архивиста

Бисмарк о положении в Европе в 1868 г. *С предисловием А. Е.* 19
Московский университет в октябрьские дни 1905 г. *С предисловием А. Сыромятникова* 19
Н. Г. Чернышевский в Вилюйске *С предисловием Н. А.* 20
«Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и царская цензура. *С предисловием В. Далаго* 21

По недосмотру типографии вкрались следующие опечатки:

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
23	1 снизу	сделать уступку дворянству и так сказать задобрить его, пожертвовав	сколько желание, достигнув главной цели, поставив на своем дело, —
38	15 снизу	этих настроений,	этих нестроений,
148	3 снизу	Мастеровые люди для строения судов по требованию его, капитана	Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ-
149	27 сверху	Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ-	Мастеровые люди для строения судов по требованию его, капитана

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

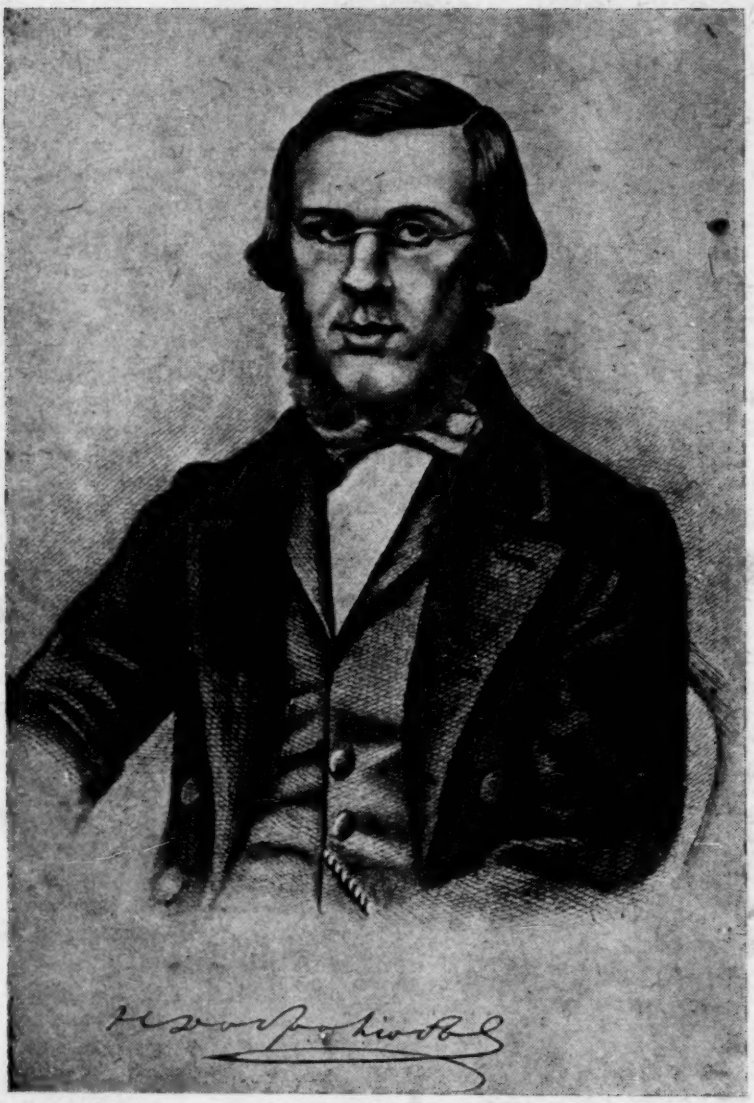
ТОМ ПЕРВЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Сдано в производство 14—20/I 1936 г. Подписано к печати 20/II 1936 г.
Статфор. Б 1/16×250 13 1/4 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 6 Зак. 114
Уполн. Главлита Б—16644 Выпускающий А. Налимов Тираж 3 250

Тип. изд-ва „Крестьянская газета", Москва, Сущевская ул., 21.



Н. А. Добролюбов
(1836—1936)

UNIV. OF MICH.

Семьдесят пять лет назад

(19 февраля 1861 г.)

„В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами", и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян „освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители" ТАК повели дело, что крестьяне вышли „на свободу" ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики „освобождали" так, что СВЫШЕ ПЯТОЙ ДОЛИ крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить ВЫКУП, то есть ДАНЬ вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крестьянам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне В БОЛЬШИНСТВЕ губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения „низшим" сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения" такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу".

ЛЕНИН. Соч., т. XV, стр. 108—109.

„Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением „великой реформы" 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т.-е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений совета объединенного дворянства — ту истину классовой борьбы, что „реформы", проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что „реформы" на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно „дающий" на выбор: крепостнические „реформы" или свергающая крепостников народная революция.

19-е февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать „мирной" реформой только потому, что революционное ДВИЖЕНИЕ в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного КЛАССА среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июля 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания, но либералы НЕ МОГУТ представить ее „мирной" реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, напр., в „Русской мысли" это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный КЛАСС — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши".

ЛЕНИН, Соч., т. XV. стр. 141—142.

После манифеста

Публикуемые документы представляют собою выборки из перлюстрированной частной переписки, отражающей настроение провинции и деревни после реформы 1861 года. Они рисуют яркую картину недовольства крестьян при объявлении манифеста. Так, например, в письме из Нижнего Новгорода некто Ужумецкий-Гринцевич пишет: «Прошедшее воскресенье у нас объявили свободу крестьянам; народа было немного и те выслушали эту новость с необычайным равнодушием, как будто это до них не касалось нисколько». В другом письме из Киева М. Буцковский сообщает, что при обнародовании манифеста «ни на одной физиономии я не заметил радости». Однако не одним равнодушием реагировало крестьянство на манифест. Во многих губерниях начались крестьянские волнения. Приведенные документы дают на этот счет весьма интересный материал по ряду местностей. Этот материал может явиться существенным дополнением к тем официальным данным, которые опубликованы в сборнике Центрархива «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.» и в других изданиях.

Публикуемые ниже письма вскрывают всю жестокость помещиков в их расправах с крестьянством, о чем, понятно, официальные донесения не распространяются. Естественно, что публикуемые письма не в состоянии полностью вскрыть характера и особенностей реформы 1861 г., прежде всего потому, что мы имеем перед собой письма либералов и крепостников. Сюда не вошли письма тех революционных демократов, к которым принадлежал прежде всего Н. Г. Чернышевский. Но и в данных письмах ярко выявляется негодование крестьянства — угнетенного, бессильного, неспособного самостоятельно найти путь к своему освобождению, и, с другой стороны, хладнокровная жестокость помещиков и генералитета, карательными экспедициями и розгами отвечающих на борьбу крестьян против помещиков. Крестьянство отвечало стихийными волнениями. Крупнейшим волнением этого периода было так называемое Бездненское дело. Официальные данные III отделения сообщают, что убитых было до 70 человек, раненых более 100 человек, из которых 21 умерло. Приводимые письма существенно пополняют картину расправы с крестьянством села Бездны и соседних сел Спасского и других уездов Казанской губернии.

Волнения крестьян, выявляя их недовольство крепостнической реформой, в то же время ярко обнаруживают ее прогрессивное значение. Миллионы вчерашних рабов почувствовали потребность бороться за свои права, за свою свободу. «Темное царство», с которым вели непримиримую борьбу революционные демократы — Добролюбов и Чернышевский, — поколебалось в своей основе, но оно еще имело достаточно сил, чтобы усмирять крестьянские восстания. Еще не вырос рабочий класс, способный повести трудящийся народ к революции.

Несмотря на узость взглядов и классовую ограниченность большинства авторов писем, несмотря на однобокое освещение событий, — факты, приводимые в письмах, ярки и определенны, — и рисуют нам картину деревни после реформы 1861 года. «Освобожденная» деревня, которую, по требованию помещиков, усмиряют и секут царские жандармы и офицеры, встает перед нами в этих письмах жутким образом прошлого, навсегда сметенного Великой Октябрьской социалистической революцией.

И. Кузнецов.

I. Встреча манифеста на местах[1].

Выписка из письма М. Буцковского из Киева от 9 марта 1861 г. к Владимиру Ниловичу Лаврову в С.-Петербург[2].

Сегодня у нас было обнародование манифеста о свободе крестьян, который они должно быть не поняли, потому что ни на одной физиономии я не заметил радости. Зато помещики очень довольны положением; они никак не ожидали такого выгодного для них разрешения этого дела. Любопытно знать, что у вас делается и говорят? Пробежав наскоро Положение, я не понимаю, из-за чего было так много толков и неудовольствия в петербургских жителях.

Выписка из письма И. Никитина[3] из Воронежа от 13 марта 1861 г. к Николаю Ивановичу Второву[4] в С.-Петербург.

10 марта у нас был объявлен ожидаемый так давно и с таким нетерпением высочайший манифест об освобождении крестьян. Вы, без сомнения, спросите: Ну, что? Какое впечатление произвел он на народ? — Равно никакого. Мужики поняли из него только то, что им еще остается два года ожидания. В два года, говорят они, много утечет воды. Большая часть дворовых будто бы горюет, что им некуда будет деваться без земли; что ремеслам они не обучались, стало быть, положение их в будущем ничем не обеспечивается. Это равнодушие народа в такую минуту весьма понятно по двум причинам: во-первых, он еще не знает, как он устроится, станет ли ему легче в том положении, которое ему предоставляется, с теми средствами, которые он имеет в своих руках в настоящее время, — а ведь эти средства так скудны; во-вторых, он до того привык к тому воздуху, которым дышал доселе, что теперь, когда пахнул на него новый, более свежий, не чувствует его живительной силы, не успел даже и понять, есть ли в этом новом воздухе живительная сила.

Выписка из письма Ужумецкого-Грицевича из Нижнего Новгорода от 14 марта 1861 г. к А. И. Ужумецкому-Грицевичу[5] в С.-Петербург.

Прошедшее воскресенье у нас объявили свободу крестьянам; народа было не много, и те выслушали эту новость с необыкновенным равнодушием, как будто это до них не касалось нисколько. Муравьев[6] вся-

---

[1] Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве революции РСФСР, в фонде III отделения с. е. и. в. к., II секретного архива, картоны №№ 12 и 13—письма (перлюстрации).

Документы подготовлены к печати А. Спировой.

[2] Заголовки приводятся по подлинным делам.

[3] Никитин, Иван Саввич (1824—1861), известный народный поэт.

[4] Второв, Н. И. (1818—1865), писатель, будучи в Воронеже, стоял во главе кружка местных интеллигентов, принимал близкое участие в жизни И. С. Никитина.

[5] Ужумецкий-Грицевич А. И. — тов. председателя Петербургской управы благочиния.

[6] Муравьев, А. Н. (1792—1863), нижегородский губернатор, привлекался по делу декабристов и был сослан в 1826 г. в Якутск, но вскоре возвращен, после чего занимал ряд административных должностей. При проведении крестьянской реформы в Нижнем Муравьев вел энергичную борьбу с реакционной частью дворянства. С приходом Валуева на пост министра внутренних дел, Муравьев был смещен, получив назначение в сенат.

чески хлопотал и надеялся, что объявление это произведет страшный восторг, и был до крайности огорчен этим непостижимым равнодушием. Его сын и несколько чиновников особых поручений бросились в толпу, чтоб кричать и подбивать крестьян «ура», но их никто не слушал; одни смеялись над этим предложением, а другие делали замечания, подобно этому: «Эта воля, пожалуй, будет хуже неволи». Несколько местных передовых людей, нижегородских либералов, по окончании чтения пустились объяснять дарованные им права, но их слушали не только без увлечения, а с каким-то недоверием, с которым привык наш народ не ждать ничего путного от своего правительства. Сегодня я видел управляющего откупом, который жаловался на свои обманутые надежды. «Ни одной лишней чарки не выпито, — говорил он с отчаянием, — а мы ждали, ждали этого дня, думали — вот запьют: и несмотря на воскресный день на конце первой недели продажа была менее, чем в чистый понедельник». Муравьев велел выставить у себя окно, пригласить фотографиста с тем, чтобы снять вид в то время, когда будут читать с крыльца собора стоящему на площади народу манифест. Фотографист явился, сделал снимок весьма удачный; но опять горе: дворян не повестили о предстоящем чтении манифеста, и они не поехали; чиновники тоже разочли, что им нет надобности быть при этой процессии, и таким образом на крыльце собора оказались: чтец манифеста и Муравьев, окруженный своими барышнями, старыми княжнами, Марфой, Елизаветой, Клеопатрой и Прасковьей Михайловной и пр., а в стороне князь Шаховской, свиты его величества генерал-майор, привезший известие.

Портреты этих барынь вышли замечательно хорошо, и они оказались главными лицами в этой церемонии. Сначала они, может быть, и довольны были фигурировать на главном плане, но потом им намекнули, и они сами спохватились, что и без того все толкуют, что они ворочат губернией и стариком. А потому фотографисту послали приказание сделать из этих дам чиновников. Фотографу не совсем понравилось пачкать свой рисунок, а потому он оставил негатив как он есть, а для желающих он рядит княжен во всевозможные формы русской армии.

Дворяне написали письмо губернскому предводителю, что губернатор не хотел их известить об этом чтении манифеста и тем устранил их от столь радостного события, о чем они просили известить министра внутренних дел. Таким образом вышли все недовольны, и все не удалось, даже самое чтение. Чтоб прочесть манифест, выбрали для этого брандмейстера, имеющего голос страшной силы, но брандмейстер вдруг сконфузился, начал врать, а потом говорит, что у него в глазах до того зарябило, что у него надо было вырвать манифест и поручить чтение другому, чтоб только кончить. Начал читать младший полицеймейстер, но в это время понамарь ударил в колокола и опять все пропало. Впрочем, кроме всех этих мелочей, у нас все обстоит благополучно. Идеи развиваются, даже старики жаждут реформ и преобразований; но ваш Питер огорчает своими шагами вперед и назад.

Выписка из письма с подписью: А. С.... из Орла от 14 марта 1861 г. к Николаю Ивановичу Розанову[1] в С.-Петербург.

19 февраля, несмотря на все предупреждения, народ беспокойно ожидал манифеста, а подленькие помещики тряслись за свои животы и посему запаслись револьверами, но день прошел спокойно, только собор был наполнен и около него собралась толпа черного народа, но полиция вела себя благоразумно, и потому все кончилось одним только говором. Вскоре разнесся слух о приезде графа Толя[2], который, действительно, явился 7 марта. Начались приготовления; манифест сделался гласным из-под руки. 9 марта прочли его по церквам, а в соборе торжественно при многочисленном стечении народа; некоторые же из благоразумных помещиков сами отправились в имения объявить о том крестьянам. Сии последние, забитые своим безответным положением, приняли манифест апатично, и как бы не верили своим ушам, но вслушавшись в два года беспрекословного повиновения помещикам, выразились оригинально: «Чтож, говорят, голова-то наша, а ж..а помещиков»; не правда ли метко, хоть и не совсем справедливо, вникнувши в смысл манифеста и Положения.

Выписка из письма Том: из Сморгон, Виленской губернии, от 15 марта к Зенону Антоновичу Сушицкому в Москву.

(Перевод с польского.)

В четверг, 9 марта, в Минске читали манифест, и так как этот день был будничный и не было слушателей, то сотники и десятники сгоняли с улиц в собор мужиков, продававших дрова, говоря им: «Бросьте, это не ваше, а господское». Собранные мужики слушали, слушали и, прослушав, сказали: «Провались вы с вашей вольной: паны подкупили, и не дают еще настоящей». Неудовольствие мужиков большое, в особенности к помещикам, а г. г. обыватели, собственно говоря, рады такому обороту дела, хотя и не все открыто выказывают свое неудовольствие.

Выписка из письма с подписью: Р. М., из Тулы от 16 марта 1861 г., к Михаилу Александровичу Философову[3] в С.-Петербург.

Чтение манифеста последовало в Туле 5 марта, а в деревнях 12 марта и на народ никакого впечатления не произвело; крестьяне, как водится, не поняли манифеста и начали по своему перетолковывать, давая себе небывалые преимущества. Когда прочли манифест в Стубленской церкви, то народ, именно Стубленский, начал негодовать на нашего священника, что он неправильно читал манифест; они говорили, что земля должна оставаться в их собственности, а не собственностью

[1] Розанов, Н. И.. чиновник, служил в различных учреждениях, с 1838 г.—член мануфактурного совета при департаменте мануфактур.

[2] Толь, Н. К, ген.-майор свиты его величества, командированный для объявления манифеста и для сохранения при этом „спокойствия и порядка". Такого рода царские посланники, с особыми полномочиями, были командированы во все губернии и о своих действиях доносили лично царю.

[3] Философов, М. А., полковник Николаевской академии.

помещика и что барщины никакой не должно быть. Священник убеждал их сколько мог, но они оставили это в подозрении. Наши же крестьяне на второй день после объявления, без всякого дозволения, отправились в Тулу для работ, разбранили старосту, что он им ничего не может говорить теперь, и женам даже запретили выходить на барщину, и работают по настоящее время, не знаю где. Староста хотел их собрать и скрыть от меня об этом случае, но только некоторые из них явились, а остальные не хотят ничего знать. Поэтому вчера староста приехал ко мне и сообщил об этом. Сегодня я посылаю становому письмо, в котором прошу водворить порядок, и не знаю, как он там распорядится. Сумеет ли что-нибудь сделать! При нашем уездном начальстве и с нашими мужиками просто нужно с ума сойти. Если бы мне дозволили какую-угодно сделать жертву, чтобы теперь же развязаться с ними, то я с удовольствием исполнил бы это, потому что спокойствие и здоровье дороже всего.

Выписка из письма Кочерова из Саратова от 16 марта 1861 г. к Владимиру Николаевичу Струкову в С.-Петербург.

Самый животрепещущий современный вопрос — это крестьянский, и я думаю вам не безинтересно будет узнать о результатах объявления здесь манифеста. 13 числа он прочитан был с неизбежным молебствием во всех церквах и кроме того на площадях. Помещики, большая часть коих осталась в городе за распутицей, как нельзя более рады дарованному разрешению, но крестьянам, которые ожидали надела их землею на вотчинном праве, и дворовым людям, ожидавшим полной свободы без всяких сроков, оно крепко не понравилось. Впрочем дело обошлось без всяких оваций и манифестаций, совершенно спокойно, по наружности даже незаметно. В течение трех вечеров, 13, 14, 15 чисел, город, т. е. главные улицы и публичные здания, по приглашению полиции, были иллюминованы плошками, только в первый день дома губернского предводителя и дворянского собрания остались неиллюминованными по какому-то необъясненному стечению обстоятельств. Не было ни буйств, ни пьянства, и правительство, заготовивши для Саратовской губернии 100 т. ведер вина, собственно на случай большого спроса, немного ошиблось в расчете. Как дело пойдет в уездах, это другой вопрос, но, по мнению помещиков, и там все обойдется благополучно.

Выписка из письма Екатерины Елагиной[1] из Орла от 17 марта к Ивану Сергеевичу Аксакову[2] в Москву.

Сегодня прочли у нас манифест о свободе. Увы, мало произвел он радости в народе. Мужики заметно повесили носы, когда поняли, что им от помещика земли не прирезывается, а напротив, еще с той части, что теперь имеют, плати оброк, или барщину тяни.

Василий позвал их к себе, чтобы потолковать и расспросить, как и что они поняли и что думают делать; иные думают, что раздел между

[1] Елагина, Екатерина, помещица Орловской губернии.

[2] Аксаков, И. С (1823—1886), публицист, славянофил, издатель газет: „Парус", „День", „Русь".

ними барской земли, без всякого с них налога, выкупа или оброка, отложен на два года, а покуда по-старому тяни барщину. Другие пессимисты, кажется, убедились, что ничего не будет, и полагают, что лучше уж оставить по-старому, т. е. работать, как работали. Барщина легче станет, прочие помещики не осилят обрабатывать своей земли и станут в наем ее отдавать, а они будут задешево нанимать, на своего же помещика работать два дня в неделю.

Нет, жажды свободы, чисто бескорыстных видов, в нашей стороне не было. Авось еще выработается она, а теперь покуда, ожидание и желание ее было просто нарушением X заповеди, т. е. желание села ближнего своего. Если помещика можно назвать ближним, не обижай ни помещика, по его понятиям, ни мужика.

В Орле после прочтения манифеста, 9 марта, народ разошелся с убеждением, что это не та, а на днях пришлют другую, настоящую вольную.

Много во всем этом разочарования для мужиков, но все думала, что не до такой степени повесят носы. После обедни пришел к нам старик конторщик, кланяется в землю и просит, чтобы между нами с ним осталось по-старому. Он служит уже лет 40 и испугался, что теперь будет иметь дело со становым, мужики тоже просили, чтобы мы попрежнему заступались за них пред становым или другими, какие будут теперь, чиновниками; а все же года через три и подумать нельзя будет взять назад то, что даровано сегодня, вырвать то, что сейчас посеяно.

Но как бы ни было, все же нынче посеяны семена свободы, года через три, а может быть и меньше, пустят могучие корни.

Дай бог рости.

И все же этот день — счастливый, великий день.

Выписка из письма Михаила Дмитриева из Сызрани (Симб. губ.) от 17 марта к Федору Мих. Дмитриеву[1] в Москву.

11 марта у нас был торжественно объявлен манифест. Часа в два пополудни я получил от исправника, приехавшего в село, приглашение в церковь. Я был болен и отвечал исправнику, что поручил быть при чтении и молебне жене моей. Народу собралось столько, что церковь не могла вместить всех. Священники наши, оба люди умные, читали внятно и ударяли особенно на тех местах, где сказано, чтобы быть в повиновении. При этом пробежал ропот. За молебном стояли молча и никто не молился. После молебна исправник спросил мужиков: «Поняли ли они манифест?». Один отвечал — «Чай, поняли, ваше благородие»; а другие, в несколько голосов, прибавили: «Где нам понять!». Затем он собрал их у съезжей избы, дал им на оба села по экземпляру манифеста, чтобы сами читали, и при этом прибавил в заключение, что в случае их неповиновения и бунтов теперь с ними будет поступлено строже, чем прежде. — Молчали, хотя и заметен был ропот, неудовольствие. Крестьянин Фрол Александров, который недавно сделан мною выборным, подумавши, сказал: «Видно, точно это

[1] Дмитриев, Ф. М. (1823—1894), историк русского права, профессор Московского университета.

правда, что последние времена приходят». «Почему же?» — спросил исправник. — «Да по всему; все новое, да все преобразования; это уж и видно, что последние времена».

В Сызрани и Симбирске в день объявления манифеста были заперты кабаки на весь день, чтобы не проснулся русский дух. Народ был тих.

Известие, сообщенное «Северною пчелою» и повторенное в московских газетах о скором преставлении света, распространилось здесь в народе, получило всеобщую веру, соединилось с понятием о нововведениях и превратилось вот в какую легенду, которая может быть небезопасною, если через шесть лет ее вспомнят: рассказывают, что в кабинете у государя появилась девица, собой красавица; стоит она в углу все на одном месте, ничего не говорит и только просит пить; вывести ее не могут никакими силами. Чтобы узнать от нее, зачем она тут, ее напоили сонными каплями. После этого она стала говорить и рассказала, что через 6 лет будет преставление света; что придет антихрист и сядет на место нашего царя, и будет точно он, так что никто и знать не будет, что это антихрист, и будет он обращать народ в свою веру; а наш царь совсем пропадет и никто не узнает куда. А девица, как только рассказала, так и пропала, и сколько ее не искали, не могли найти [1].

Все это показывает степень понятий того народа, который такими сказками готовится к свободе, и показывает степень его благодарности к такому благодеянию.

Выписка из письма Ив. М., из Торжка, Тверской губернии, от 18 марта к Михаилу Владимировичу Неронову в Москву.

Наконец, объявление свободы совершилось. Теперь пока еще не расчухали, в чем дело, все смирно. Не дай бог, — чего я и ожидаю, — чтобы они, не поняв дела, пребывали рабски покорны до тех пор, пока найдутся люди, которые серьезно об них подумают, признав всю нелепость положения. Надо думать, что помещики не так легко расстанутся с барщиною, как мы об этом думали: хоть два года, а все попользуются во вред и себе и интересам своих патриархальных сынов. Думаю так потому, что очень мало вижу в соседстве приготовления к переводу на свободный труд.

Сколько я мог заметить из разговоров наших крестьян, они сильно желают выкупа, хотя не могут понять, за что на них царь рассердился и не дал им земли.

А в положении, увы! — выкупу суждено пройти такими мытарствами в бюрократической семье, что поневоле задумаешься и скажешь: «Вишь, бедный, как тебе тяжело»...

Да если к этому прибавить сомнительный гонорарий за землю, то на конец концов выходит трубелетная система. Гадко, брат, грустно, друг!

---

[1] Это — народная передача средневековой легенды о Соломоне, у которого похитил власть его названный брат Китоврас.

Выписка из письма Е. Дрентельна из Рязани от 22 марта 1861 г. к его прев. Александру Романовичу Дрентельну[1] в С.-Петербург.

Я спешил в деревню для того, чтобы на другой день из нее выехать и сидеть теперь в Рязани. Крестьяне от работы отказались, повиноваться и слушать меня не хотят; в разговоре со мной толпа была дерзка до крайности. Хорошо, что на селе нет кабака и что в разговоре с мужиками я сохранил равнодушие к их глупостям. Беречь помещичье имущество они отказались; устроили свое управление и на прежних начальников, ими же выбранных, смотреть не хотят. На некоторых из крестьян, которые остались ко мне в добрых отношениях, остальные, называя их изменниками миру, нападают и грозят повесить, уничтожить. Я объявил губернатору, что в имение поеду тогда, когда там будет порядок, указанный Положением, но вижу, что достигнуть добра будет трудно. Местные власти, желая показать перед правительством свою мудрость, творят чепуху. Граф Крейц, присланный сюда для этого дела, сидит у губернатора и курит папиросы, а может быть, и доносит в эту минуту, что везде восторг.

Выписка из письма В. Фрибеса[2] из Белостока от 24 марта 1861 г. к Александру Викентьевичу Фрибесу в С.-Петербург.

(Перевод с польского.)

Скверно у нас! Крестьяне бунтуют, не хотят отправлять барщину, собираются толпами. Флигель-адъютант с попом, предводителем, стряпчим, исправником, батальонным командиром и офицерами разъезжают по имениям, а им вслед несколько сот мужиков кричат: «Не пойдем, мы вольные, не позволим бить наших!» Губернатор ничего не делает, а флигель-адъютант Нарышкин[3], как видно, в подобных делах еще не бывал, не знает, что делать с толпой; войска здесь мало; попа мужики обругали пьяницей; Нарышкину сказали, что он не флигель-адъютант, что помещики его переодели в адъютантский мундир и выдают за флигель-адъютанта! Жизнь помещиков не в безопасности; я хотел уехать в Белосток, но боюсь оставить свой дом, потому что и дворовые люди разбегутся, а мужики готовы все сжечь. Вот как понимают Положение! Если бы просто объявили личную свободу, землю оставили бы за помещиками, не назначая вовсе земли крестьянам в постоянное пользование, ничего бы и произойти не могло; каждый помещик сговорился бы с своими крестьянами, а те, которым не понравились бы предлагаемые условия, те пошли бы к другому помещику, а вместо их являлись бы или другие мужики или вольные поселенцы. Если бы, по крайней мере, правительство разрешило помещикам нанимать рабочих из государственных крестьян за установленную плату, и то было бы лучше, а теперь одному богу известно, чем это кончится! Положение помещиков чрезвычайно грустное — все духом упали.

---

[1] Дрентельн, А. Р. (1820—1888), генерал-адъютант, после убийства генерала Мезенцова в 1878 г. был главным начальником III отделения царской канцелярии.

[2] Фрибес, В., помещик Белостокского уезда, Гродненской губернии.

[3] Нарышкин, командированный из Петербурга для объявления манифеста.

Выписка из письма без подписи из Камышина, Саратовской губернии, от 15 апреля к Михаилу Петровичу Погодину[1] в Москву.

В слободе Рудне, Камышинского уезда, в имении малолетних князей Четвертинских, главноуправляющий В. В. Вебер, на другой день по прочтении манифеста, — принятого крестьянами со слезами на глазах и молитвой,—потребовал их на барщину. Крестьяне отказались не потому, что они, вместо благодарности за свободу, хотели ответить положительным неповиновением властям, но потому, что Вебер по предусмотрительности уже успел их, изнуренных тяжкими египетскими работами, ограбить дочиста — до крайней нищеты. На угрозы полиции несчастные кротко объясняли, что у них нет уже ни рабочей скотины, ни овцы, ни зерна хлеба; все главноуправляющий забрал в пользу помещиков, скотину на барский двор, а хлеб на винокуренные заводы, захватил даже всю их мирскую денежную сумму. Г. исправник (из помещиков), всегда ублаготворяемый и ныне в особенности ублаготворенный Вебером, донес губернатору о бунте крестьян, вследствие отрицания требуемой барщины. Вскоре приезжает губернатор на место происшествия с флигель-адъютантом, губернским предводителем дворянства и приходят 2 500 солдат 17 пехотной дивизии в полной боевой аммуниции на экзекуцию... Созвали крестьян (все они малороссияне), которые на вопрос о причине неповиновения ссылались на истощение материальных и физических сил, на совершенное разорение и разрушение сельского хозяйства и в доказательство представляли свою видимую нищету и наготу. Однакож власти не уважили справедливой и вопиющей претензии. Крестьяне, в замену барщины, обещались даже не искать того, что всецело у них отнято, навсегда отрекались от своих прадедовских усадьб и той земли, которая следует им для надела в собственность с условием выкупа. Казалось, эти уступки от крестьян были слишком выгодны, но не того желал жестокосердный и мстительный Вебер. Ему сочувствовал и начальник губернии с прочею братиею. Они порешили на истязании и кровопролитии крестьян. Так и сделали. Губернатор, отвергши претензии крестьян, шепнул: стрелять для страху в народ из ружей холостыми зарядами, а потом говорунов-стариков беспощадно сечь — кого палками, кого розгами. Слышно, из числа этих мучеников за свободу один уже умер, а другие очень близки к смерти. При таких варварских мерах беззащитные крестьяне уступили силе и согласились отбывать барщину. Вебер, обрадовавшись успеху, немедленно распорядился мнимопокорившимся крестьянам выдать из барских арсеналов всю земледельческую аммуницию, дать волов и лошадей с провиантом и фуражем и за конвоем вооруженных солдат отправил их распахивать необозримые помещичьи степи — 98 тысяч десятин земли. Какова должна быть картина сочетания плугов с ружьями, боевыми патронами и штыками! Какой-то успех примет эта крестьянско-военная демонстрация!..

---

[1] Погодин, М. П. (1800—1875), реакционный историк николаевской эпохи, профессор Московского университета, академик.

Выписка из письма К. Руд. из Одессы от 20 апреля к Ивану Ивановичу Ордынскому[1] в Москву.

Меня на прошлой неделе посылали сделать объезд по нескольким деревням в окрестностях города, где, по донесению дворянского предводителя, крестьяне, не поняв темного смысла манифеста, решительно отказались от работ на своих помещиков. Конечно, все это представлено было в виде ужасном, угрожающем всей России и названо громким именем бунта. Дали предводителю четыре роты Волынского полка, силою которых молодец этот, без совести и стыда, старался внушать крестьянам их долг различными истязаниями. Недоумевающие мужички еще больше были удивлены, как стали требовать от них выдачи зачинщиков. Несмотря на логичные их ссылки на то, что смысл манифеста, будто бы предоставляющий им выбор ходить или не ходить на барские работы, — был поясняем так попами и некоторыми управляющими, — подобные представления не принимались, и несчастных лупили напропалую. Крики: «Секи нас всех, мы все виноваты одинаково» — также не подействовали. Уездный предводитель дворянства Свечин, будучи сам помещик, прикрываясь властью своей, действовал весьма решительно; в пяти или шести деревнях произвел экзекуции... Сейчас получены новые известия о новых истязаниях в уездах: Тираспольском, Ананьевском и Ольвиопольском; здесь говорят, отличился и Голынский. Бедные мужички, за них слова никто не промолвит.

Выписка из письма Юрия Самарина[2] из Самары от 22 апреля 1861 г. к Ивану Павловичу Арапетову[3] в С.-Петербург.

В течение одного месяца мы здесь пережили два периода, и теперь вступаем в третий. Период грустного разочарования начался с обнародования манифеста. Затем наступил период выжидательного сопротивления или пассивного уклонения от исполнения повинностей. Были поводы опасаться, что единовременные и почти повсеместные попытки (большей частью совершенно безнаказанные) вовсе не выходить на работу перейдут в общую стачку; но этому помешали многие обстоятельства, между прочими: отдаленность селений друг от друга, трудность сообщений, распутица и т. д. Теперь, к а ж е т с я, начинает проникать в сознание крестьян убеждение, что повинности не отменены. Они говорят: «Помещики у п р о с и л и царя еще на два года дать им попользоваться, а там объявят н а с т о я щ у ю волю. Нечего делать, два года потерпим». Теперь весь вопрос в том: в эти два года настолько ли улучшится положение крестьян, чтоб убедить их в возможности правильного и законного хода реформы до полного выкупа земли и заставить их отказаться от надежды на „coup d'état".

Теперь все толкуют в деревнях Положение, каждый по своему, и потому едва ли кому-нибудь удастся около себя сгруппировать целую

---

[1] Ордынский, И. И., младший капитан управления генерального штаба.

[2] Самарин, Ю. Ф. (1819—1876), крупный помещик, славянофильский историк и общественный деятель эпохи освобождения крестьян, член редакционных комиссий.

[3] Арапетов, И. П. (1811—1887), тайный советник, член редакционных комиссий.

массу. Гораздо важнее другое явление, конечно не новое, не неожиданное, но которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, pour tout ce qui est constitué, то есть ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу, как власть, т. е. передает приказания и требует послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, разуверять. Мы встретились с народным убеждением, и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, хоть один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самосданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образе пьяного дьячка или бессрочноотпускного. Вот до чего довела нас история последних полутораста лет, и в которой так называемая наука восхищается нормальностью прогресса. Конечно, в глазах наших профессоров и журналистов, вожатых общественного мнения, все это дрянь и мелочь, о которой нечего и говорить, когда другие явления ослепляют глаза своим блеском. Например, учреждается новая кафедра римских древностей, за гробом Мартынова [1] валит толпа, в воскресные школы заглядывают праздные студенты и в журналах гласность берет свое, т. е. никому неизвестные господа друг друга обличают во лжи и рассказывают скандалы про своих приятелей!

Выписка из письма И. Унковского [2] из Чернигова от 30 апреля 1861 г. к Федору Семеновичу Унковскому в С.-Петербург.

Саша пишет, что во всех губерниях почти беспорядки; в таком случае неутешительно, если я скажу, что черниговские беспорядки сравнительно вздор. Казачий полк, проходивший через Новгород-Северск по назначению в Царство Польское, свалился к нам, как манна небесная. Он помог успокоить 9 тысяч душ в этом уезде, 3 тысячи — в Кролевецком, в имениях генерала Соломки и 5 тысяч душ — в Стародубском. Реакция благотворная произошла по случаю 4-х дневной задержки казаков в Новгород-Северском уезде, с которыми я в это время обошел 25 поместий — 180 верст и одним устрашением водворил спокойствие. На 9 тысяч душ, наказанных розгами, от 10 до 30 ударов, около 50 человек, единственно для усиления власти земской полиции, которая изумительно утратилась с получением Поло-

[1] Мартынов, А. Е. (1816—1860), талантливый актер русской драматической сцены.
[2] Унковский, И. С., контр-адмирал, усмиритель крестьянских волнений в Черниговской губ., командированный из Петербурга для объявления манифеста.

жения, так что крестьяне стали без всякого надзора, и если бы оставить их еще на некоторое время в безначалии, то я не сомневаюсь в вероятии кровавого междоусобия. Затем 36 человек закованных заключены в острог; сии последние, как подстрекатели и ложные толкователи манифеста, крайне опасны по своему нравственному влиянию на толпу дикую до изумления; из них один такой гусь, у которого найдено несколько сочинений Герцена, самых возмутительных. Таким образом в продолжение трех недель мне пришлось в четырех уездах успокоить до 19 тысяч душ, включая Нежинских, при содействии военной силы. Дело обошлось так благополучно, что не было ни одного несчастного случая. Пробовал я один говорить с миром и положительно убедился, что увещания, не поддержанные силой, не только бесполезны, но даже вредны, ибо после продолжительного разговора хамы начинают фамильярничать, что крайне опасно относительно утраты должного на них влияния, которое благотворно содействует умеренности в наказаниях.

Весьма непрактично предоставлена Положением власть мировых посредников уездным предводителям на время переходное, безначальное, до образования сельских и волостных обществ и до назначения мировых посредников. Естественно ли, чтобы уездный предводитель, при административных занятиях, имел время разъезжать по уезду для бесплодного увещания неповинующихся крестьян, особенно с тех пор, когда крестьяне, получив личные преимущества гражданских прав, в несколько минут почувствовали себя равными с их бывшими властелинами-деспотами. Возможно ли, с падением крепостной зависимости, сохранить уездным предводителям, стоящим во главе помещиков, нравственное влияние на крестьян, которые в настоящее время смотрят на бывших владельцев своих, как на кандалы, тяготившие их сотни лет и сброшенные по особенной над ними благодати промысла? Свежий опыт внушил мне несомненную уверенность, что поводом к беспорядкам, возникнувшим в Черниговской, вероятно, и в других губерниях, было ограничение власти земской полиции по обнародовании манифеста. Я знаю, что за несколько дней до манифеста исправникам было приказано избегать взысканий с крестьян, в особенности телесного наказания. Нелепость таких распоряжений, на основания Положения исполненная, очевидна в настоящее время. Много нужно было энергии, [чтобы] поднять власть исправников, и лишь только она начала действовать по силе должного влияния, лишь только крестьяне поняли, что свобода не есть безначалие, — волнение между ними стало заметно утихать без особенных насилий. Плохо, если бы вместо обыкновенных и в благоразумной умеренности полицейских мер пришлось водворять спокойствие кнутами палачей и висельницами.

Завтра еду в Мглинский, Новозыбковский и Городненский уезды, где всего до 7 тысяч душ неповинующихся; но, кажется, нет такого упорства, как было в первых.

Выписка из письма с подписью: «Весь твой Иван»[1] из Орла от 1 мая 1861 г. к Василию Матвеевичу Лазаревскому[2] в С.-Петербург.

Наши члены все разъехались, а потому и заседаний нет; а теперь-то они и нужны. Вице-губернатор, ужасно нерешительный человек, без присутствия боится сделать шаг, а между тем почти каждый день получаются известия, что крестьяне не спокойны, хотя до сих пор и не было ничего особенного, все оканчивалось по стародавнему обычаю — розгами. Сколько теперь секут мужиков! Страшно подумать! И что всего досаднее, так это то, что во всех случаях волнений, которые были тут, всегда виноваты помещики, а секут крестьян. Как-то поведет это дело Левашов?[3] На него мало возлагают тут надежд.

Выписка из письма Карла Красков... из Старого Оскола, Курск. губ., от 10 мая к Михаилу Илларионовичу Бибикову[4], в Москву.

У нас пока все по-старому, но будущее неутешительно. С одной стороны, Положение о крестьянах, довольно неопределенное, брошено как-то неловко людям, неумеющим понимать свободы без своеволия, людям, о нравственности которых теперь уже не печется никто, ибо хотя синод и разослал циркуляр, чтобы священники поучали народ, но это останется мертвой буквой; с другой, плантаторство не отстает от своих закоснелых привычек, а напротив того, изыскивает средства более и более дразнить народ, так что становится грустно, слыша разные проделки во многих местах. Между тем народ, почувствовав свои силы, начинает проявлять их и уже безнаказанно не позволяет над собой издеваться, а между тем, поддержки не находит ни в ком и нигде; это дает повод к большому своевольству, а оно заражает и тех, которые не имеют причин жаловаться. В Бирюченском уезде, кроме некоторых довольно многочисленных мелких случаев, общего движения масс еще не было, но в Волочанском имении князя Трубецкого разыгралась пренеприятная драма. Имение это замечательно огромным количеством писарей и разных должностных лиц, которые беспощадно грабят народ; а управляющий, человек негодный во всех отношениях, некто Лебедев, не обращает на это внимания потому, что сам не чист совестью. Крестьяне на шестой неделе поста в огромном количестве явились к нему с жалобой на этих «Пилатов», как они говорят, и для переговора о разных своих нуждах. Управляющий не только не хотел их выслушать, но разругавшись, велел гнать со двора. Те, справедливо обидевшись, отказались от повиновения. Разумеется, явился становой — и ничего не сделал. Исправник — тоже; прибыл, наконец, и предводитель с временным отделением да эскадроном гусар — ничто не помогло; крестьяне говорят о своих обидах — их не слушают, а требуют только выдачи зачинщиков, требование это, конечно, не исполняется, и вследствие сего, к стыду человечества, заставляют гусар переловить говорунов арканами!!. Досадно мне это тем более, что предводителем там отличнейший человек — Дмитрий Иванович Бекарюков, и я не понимаю: как он решился на такие меры!..

[1] Лазаревский, Иван Матвеевич, помещик Орловской губернии, секретарь губернского присутствия по крестьянским делам.

[2] Лазаревский, В. М., чиновник министерства внутренних дел.

[3] Левашов, Н. В., граф, ген.-майор свиты его величества, назначенный губернатором в Орловскую губернию.

[4] Бибиков, М. И., штабс-капитан гвардейского корпуса.

Выписка из письма Мих. Дмитриева из Сызрани, Симб. губ., 11 мая к Федору Михайлов. Дмитриеву в Москву.

Верстах в 20 от нас, в имении девицы Кротковой (отца которой во время холеры крестьяне сожгли живого), в селе Шигонах крестьяне отказались совсем от работы. Приведено было 300 человек солдат и приехал флигель-адъютант Гессе. Крестьян усмирили, а зачинщика крестьянина велено прогнать сквозь строй 2500 человек — до смерти. Становой потребовал от меня 20 мужиков для присутствия при наказании. Между тем содержание войска становится разорительным. В Шигонах собирается на солдат по 60 р. сер. в день и кроме сего по два ведра вина, крупа, мука и режут по три коровы в день на говядину. На содержание офицеров берется особенно.

Выписка из письма И. Кобеляцкого из дер. Вихова, Черниговской губ., от 15 мая 1861 г. к Ивану Степановичу Псиолу[1] в С.-Петербург.

У нас теперь начинает восстановляться спокойствие и порядок, нарушенные неожиданным объявлением реформы и разноречивыми толкованиями крестьянских обязанностей в течение переходного периода. Целые толпы народа из всех уездов стекались в Чернигов к начальнику губернии спрашивать об их положении и со словом радушного приема получали слова вразумления, что однакож нисколько не мешало им по возвращении домой толковать чорт знает что и работать только в половину того, что должны работать по Положению, а в некоторых местах и вовсе не работать. Помещики большей частью терпеливо и снисходительно переносили это замешательство и только при упорстве и продолжительности оного обращались к полиции, которая, зная, что русский человек крепок умом задним, пороли малороссийские задницы по старому Положению и таким путем достигали цели весьма удовлетворительно. Волнения более сильные, несопровождавшиеся впрочем нигде ни буйством ни посягательством на личность владельцев, преследовались военными экзекуциями, при которых розги сыпались в изобилии несравненно большем, чем из щедрой руки становых и исправников. Подобная секуция была в Нежинском уезде, в имении Глебовой, и там (мне рассказывали это за верное) одному солдату пришлось пороть своего отца-крестьянина. Сынок не стеснился этой операцией и, посекая батькину спину, приговаривал: «ось, бачите, тату, царя и закона слухати треба!».

Все это, как видишь, гадко и омерзительно, но меньшие братья наши пока еще очень малы, а о маленьких бывший наш учитель говаривал: «Розга костей не переломит, а только добро сделает» и это правило, несмотря на все уметвования наших педагогов, разделяется теперь вполне самыми гуманными из реформаторов.

В самом деле, никогда в народе не видели мы столько гадостей и желания делать панам своим пакости и всевозможные убытки, как теперь, так что за недостатком в нем образования, приличного новому Положению, необходимо вразумление на старом Положении, и этот порядок продлится, вероятно, еще довольно долго, с той только

[1] Псиол, И. С., член Черниговского губернского комитета управления государственного коннозаводства.

разницей, что помещик наказывал доселе крестьянина одним, много двумя десятками ударов, а полиция будет отваливать их ему, из любви к самому предмету, сотнями.

Сельские общества уже открыты и мировые посредники в большей части уездов избраны. Выбор их не всегда удачен: люди истинно благонамеренные и могущие вести это дело как должно и по совести, или обойдены вовсе, или отказались сами, чувствуя несоразмерность сил своих с громадностью обязанностей. Были впрочем и такие, из числа истинно достойных, которых сперва убедили принять на себя звание мировых посредников, но потом, при назначении, их обошли и назначили других, не сказав приглашенным ни слова, и поставив их в положение человека, ласково подозванного и получившего непосредственно затем пинка. Есть в числе избранных и с рыльцем в пуху.

Выписка из письма Арсеньева из Витебска от 17 мая 1861 г., к Михаилу Николаевичу Ахматову[1] в С.-Петербург.

Здесь дела идут так скверно, что право, как бы преднамеренно ведут здешних добрых, глупых латышей к бунту. Инфлянтские плантаторы, генералы, дерут людей не на живот, а на смерть, поставили край в какое-то осадное положение, водят по деревням батальоны, провозглашают о каких-то небывалых восстаниях, и наивно величаются своей храбростию и своими распоряжениями! Бедный государь, бедная Россия! Что с ними делают!

Весть о смене Игнатьева не произвела на меня особенного впечатления. Радуюсь только, что одним негодяем менее в доблестной семье губернаторов. Но что толку! Назначат кого-либо еще похуже!

Выписка из письма Дм. Гаврилова из Владимир. губ., от 19 мая 1861 г. к Якову Александровичу Соловьеву[2], в С.-Петербург.

Официальная сторона действий по крестьянскому делу известна вам из двухнедельных донесений губернатора, позвольте упомянуть кратко и об изнанке.

Жалобы и недоразумения в отношениях крестьян и помещиков беспрерывны; губернское присутствие было буквально наводнено ими, особенно в апреле, когда не было еще посредников. Мы обратились в судей невольно, действием необходимости, не имея духу отказывать в разборе за формальными причинами; та же необходимость вынудила нас этот суд производить устно и гласно. Большей частию дела оканчивались словесно; реже, по необходимости, допускалась переписка. Смею сказать, что этот способ действий, не сопряженный ни с какими мерами насилия, был удачен: все оканчивалось разъяснениями и убеждениями, и только в известном вам деле Нарышкина, мы должны были прибегнуть к употреблению принудительных мер по неплатежу оброка (по 252 ст. местн. полож. о продаже имущества, отдаче в заработки и т. д.). Эти меры возможно было употребить и без воен-

[1] Ахматов, М. Н., чиновник министерства внутренних дел.

[2] Соловьев, Я. А. (1820—1876), сенатор, член редакционных комиссий, сторонник освобождения крестьян с землей за выкуп ее крестьянами у помещиков.

ной силы; но введение ее в имение было следствием малодушия местной власти и излишнего усердия генерал-майора. Во всяком случае употребление их в самое короткое время обратило крестьян к повиновению, несмотря на мнение генерала, полагавшего, что не обойдется без шпицрутена и в этом смысле испросившего высочайшее повеление о военном суде.

Но в то время, как наши действия, проникнутые примирительным направлением, успокаивали и отвращали беспорядок, многие недоразумения, не доходя до нас, останавливались на разборе предводителей, исправников и становых приставов. В этих случаях часто никакого разбора не было, начинали с ругательств, побоев, сечения, сажания в кандалы; подобные меры были часто поводом к укоренению заблуждений и упрямства, раздражали и водворяли недоверие к власти. В некоторых случаях удавалось, если дело во-время доходило до нас, успокаивать и восстанавливать порядок; но в других — местные власти, ради энергии, быстро распоряжались введением экзекуции, и мы узнавали об этом уже слишком поздно. Должно впрочем сказать, что доселе введение экзекуций водворяло безмолвное послушание и согласие на исполнение даже и того, чего вовсе не следует исполнять, но при помощи только жестоких сечений. Случая сопротивления доселе ни малейшего не было. В этом смысле, для дворян, введение команды и сечения гораздо выгоднее, чем разбор губернского присутствия. Поэтому «сечь» сделалось теперь девизом и криком уездного дворянства, и исправники, и предводители секут без разбора и пощады! Никогда, в тягчайшие времена известного права, не было стольких наказаний без суда, как теперь. Приведет ли это к добру, предоставляю судить вам самим. Хорошо будет новое устройство, которому полагается начало розгами! — Напуганные беспрерывно раздающимися в уездах хлыстаньями, крестьяне перестают ходить с жалобами, но за то в них растет раздражение, и они теряют всякое доверие к закону, который сперва было приняли с такой радостью.

За доказательствами ходить недалеко: в министерстве известно дело о крестьянах Кокошкина (Гороховецкого уезда), которые, можно прямо сказать, были взволнованы нелепым и несправедливым распоряжением полоумного предводителя Соломирского, хотевшего навязать им бурмистра бездельника и преступника, и они же подверглись за то нашествию гренадер, истязаниям и кандалам. Далее: судогодские власти донесли, что происходит положительный бунт в 20 имениях и более, где до 3500 душ, и истребовали военную команду в 36 человек. С этой командой предводитель и исправник путешествуют по уезду, останавливаясь во всяком имении, секут там, приводят, по их словам, в повиновение и переходят для того же в следующее имение и т. д. В сутки они делают таким образом две-три экспедиции. Возможны ли такие проделки, если бы была тень возмущения? Фактов таких гибель.

Губернское присутствие изредка только может останавливать это безумие, ибо исполнительные действия не доходят до него, или прямо разрешаются одним губернатором, по совещании с генерал-майором.

Губернатор, человек, как вам известно, слабохарактерный и уступающий всякому напору, хотя сам по себе и недурного направления. Сколков[1] тоже, кажется, человек не злой, но он ни понятий, ни убеж-

[1] Сколков, ген.-майор, командированный из Петербурга для объявления манифеста.

дений, ни опыта, — кроме приобретенных в адъютантской службе — не имеет; а по адъютантским понятиям произвол и сечение есть одно из оснований жизни и деятельности. Кроме того и на них обоих действуют беспрерывные вопли дворянства «сечь, сечь, сечь!».

Я был на днях в Судогодском уезде, в северной его части и, по поручению губернатора, открывал в этой части общества. Ничего не может быть смирнее и покорнее народа, который я видел и который местные власти и помещики представляли мне как вертеп головорезов. Все, чего они просили — это разъяснить и растолковать им Положение. В этой местности много имений на смешанной и весьма тяжкой повинности; они жаловались и просили облегчения; но при разъяснении правил о приведении в действие безмолвно покорялись, обещая нести покойно свое ярмо на остающееся время. Условие успеха в этих случаях однако, чтоб крестьяне верили в того, кто с ними говорит. Устройство общественного управления вообще идет удачно и отлично принимается у народа. Но замечательно, что народ принимает и ценит общину совсем не как хозяйственную, а как политическую и административную единицу. Все разнопоместные селения единогласно объявляют желание образовать одно общество (под одну державу) и все единогласно же требуют избрания нового старосты (казенного), что везде им и разрешается; между тем они совершенно отделяют дела с помещиками от дел чисто административных; в разнопоместных селениях общества прямо указывали, что для дел с помещиками должны быть особые сходы (то вотчинный, а то общественный сход) и желали, чтоб помещики оставили своих старост для надзора за своим хозяйством или оброками (помещичий староста). Вновь избранные старосты обнаруживают особенное усердие, рвение и строгость в исполнении обязанностей.

Вообще я убедился, что нет лучше случая для внушений и разъяснений крестьянам законов, как при открытии и образовании общественных властей. Крестьяне ждут с нетерпением волостей — учреждение это даст им два драгоценных права: суд и выдачу паспортов. У нас волости откроются в первой половине июня, а к 1 июля будут и старшины и судьи.

Назначение мировых посредников у нас почти окончено. Положительно дурно назначение в Вязниковском уезде, где два посредника: Кашинцев и Гвоздев, известные буяны, взяточники и воры; из них первый опозорен и по суду. Не понимаю, как решился Тиличеев[1] на подобное назначение человека с запятнанным и гнусно-запятнанным формуляром. Можно опасаться за порядок в уезде при таких людях.

Выписка из письма Юрия Самарина из Самары, от 22 мая, к Николаю Николаевичу Павлову[2] в Москву.

Удаление Ланского[3] и Милютина[4] не столько признак реакции, сделать уступку дворянству и, так сказать, задобрить его, пожертвовав

[1] Тиличеев, Е. С., владимирский губернатор.

[2] Павлов, Н. Н., уездный предводитель дворянства в Верее, Московской губ.

[3] Ланской, С. С. (1787—1862), министр внутренних дел, деятель крестьянской реформы. В апреле 1861 г. был смещен под влиянием группы крепостников-помещиков, с крайним реакционером М. Н. Муравьевым во главе.

[4] Милютин, Н. А. (1818—1872), товарищ министра внутренних дел, руководитель всех работ по крестьянскому вопросу, был смещен вместе с Ланским.

сделать уступку дворянству и, так сказать, задобрить его, пожертвовав ему несколькими личностями, особенно видными и противными большинству помещиков. Вопрос в том: смена испытанных деятелей не отзовется ли на самом ходе дела. Валуев[1] прежде всего и по преимуществу человек со вкусом, одаренный природным и выработанным в систему чувством приличия. Я уверен, что он не сделает и не допустит ничего резкого, крутого, сумасбродного. Но достаточно ли отрицательного достоинства? За Милютина же радуюсь: здоровье его жены требует поездки заграницу, да и ему самому отдых необходим. Время наступает такое, что благо тем, кто на время устранится обстоятельствами от служебной деятельности. Пора вдохновения и решимости прошла, наступает естественное расслабление, как последствие чрезвычайного напряжения воли. Теперь пойдут интриги, сделки, полумеры, и вы увидите, что никто долго не удержится на месте: люди будут изнашиваться как перчатки. Совсем забыть Милютина трудно, особенно оставшись перед ним в долгу.

Самарскую губернию хранит бог. Губернское присутствие решилось немедленно приступить к единовременному открытию сельских и волостных обществ. Эта мера оправдалась успехом, который превзошел все ожидания. Теперь в шести уездах открыты сельские общества и, по отзыву всех помещиков, крестьяне повсеместно выбрали лучших людей. Ни одной жалобы не было подано. С тех пор, как во главе крестьян стали начальники из их среды, начальники, ответственные за них и за которых отвечают общества, их избравшие, — все пошло иначе: барщина отбывается не в пример исправнее, местами даже усердно, пассивное сопротивление или отлынивание от барщины прекратилось.

Были и у нас разглашатели ложных слухов, не по невежеству, а злонамеренные, но они нигде не увлекли за собой массы. Кажется, теперь можно поручиться за два года спокойствия. Я говорю два года потому, что крестьяне затвердили этот срок и, внутренно, отложили до наступления его надежду на осуществление вольности, как они ее понимают, т. е. с землей и без повинностей. Два года много значит, лишь бы умели ими воспользоваться. По-моему, вопрос теперь вот в чем: в эти два года настолько ли поднимется общий уровень благосостояния,—настолько ли подвинется переход с барщины на оброк и выкуп, чтобы народ сам собой, мало по малу, помирился с правильным и постепенным улучшением своего быта, в пределах закона, и отказался от надежды на внезапное осуществление своей мечты посредством какого-нибудь эффектного coup d'état? Если мы этого не достигнем, виноваты будем мы. А уже народ преобразился. Его узнать нельзя. Он выпрямился. Положение развязало ему язык, и сознание присвоенного ему права, которого еще он ясно не понимает, проникло его насквозь. Я убедился, что в этом отношении, как гражданин, по сознанию своей личной самостоятельности, вчерашний крепостной крестьянин теперь уже стоит гораздо выше казенного крестьянина. Причина понятна. С помещиком можно спорить и тягаться, можно на него искать суда и расправы у правительства. А когда казна — вотчинница

---

[1] Валуев, П. А. (1814—1890), министр внутренних дел, сменивший Ланского, ставленник реакционеров, лавировавший между либеральной буржуазией и крепостниками-помещиками.

и правительство — одно лицо, остается снимать шапку и покориться молча. Законная борьба с противоположным интересом поднимает дух и укрепляет волю; покорность же перед законом, необходимость убивает и притупляет.

Выписка из письма Бабста из Валок, Харьковской губ., от 19 июля, к Валентину Федоровичу Коршу, в Москву.

Здешний край — богат и великолепен, но все как-то съежилось и примолкло в ожидании решения крестьянского вопроса. Решение же вопроса и применение на практике — только что начинается, и как это распутается, — мы еще посмотрим. Ни ужасов, ни революций не будет, но разрешатся поземельные отношения именно здесь, так, как не снилось ни редакционной комиссии, ни правительству. Треть помещиков, по крайней мере, сотрется с лица земли; их места займут мелкие, т. е. средней руки, собственники из зажиточных крестьян, которые составят зерно здорового зажиточного сословия землевладельцев, они же заедят бедных крестьян, если последним не будет открыта полная свобода передвижения на новые земли. Симптомы этого явления заметны уже и теперь, именно здесь, где и понятия нет об общинной собственности.

А вот вам образчик нравов здешнего дворянства и служащих людей. В 40 верстах от нас крестьяне стали шалить, прибили атамана (т. е. старосту), и действительно жестоко бесчинствовали. К ним послана экзекуция и усмиряли их два генерала — один жандармский, другой—артиллерийский. Мужиков стали так жестоко наказывать, что посредник вступился: «Вы представьте уж нам, — был ответ, — ваше дело кончено! На смерть! По ляшкам, сильнее!» кричат экзекуторы. По окончании экзекуции был вечер у помещика. Играли в карты: Один из экзекуторов ходит с валета, другой бьет, приговаривая: «по ляшкам!», третий убивает и кричит: «на смерть!» — и все общество кричит, и дамы хохочут... Дикари, батюшка, дикари, а все-таки еще самое лучшее и образованное сословие!

II. Безднинское дело.

Выписка из письма Н. Булича[1] из Казани, от 15 апреля 1861 г. к Константину Никитичу Буличу в С.-Петербург.

Со всех сторон только и слышишь о разных приключениях, о казаках, о исправниках. Адъютанты скачут как угорелые. В Алексеевском, говорят, сильное волнение. В известном тебе львовском Юнусове было нечто поважнее. Там отказались работать. Был послан Вержбицкий, по особым поручениям при губернаторе, с 6 казаками. Его не послушались. Он должен был запереться в доме и вытребовать роту солдат. Попили, поели, пограбили мужиков и пересекли их. Все повинились. И это было совершенно кстати, потому что вслед за уходом Вержбицкого является в Юнусово на тройке высокий молодой человек и объявляет себя царским посланником, привезшим им волю. Крестья-

[1] Булич, Н. Н. (1824—1895), историк русской литературы, профессор Казанского университета.

не под влиянием страха недавней экзекуции, схватили его, связали и привезли в Казань. Это сын Кощановского дьячка, выгнанный из семинарии. Таких деятелей теперь довольно. Выгнанные чиновники разъезжают по деревням, берут деньги, пьют с мужиками и «читают волю». И этаких двух привезли сюда. Признак довольно зловещий, свидетельствующий, что мы не довольно далеко ушли в развитии. В Тюлягах на базаре показывали в панораме портрет государя, все лицо в крови, якобы избитое помещиками... Но вот событие более важное, более печальное! Уверяю тебя честью, что я пишу голую правду, не прибавляя, не убавляя ничего ни в ту, ни в другую сторону. Факты, которые я сообщаю, взвешены и проверены критикой и из верных источников.

Вскоре по обнародовании манифеста и в особенности Положений в имении Пушкина Спасского уезда, в селе Бездне (помещик живет в Казани) между крестьянами, отчасти раскольниками, появился молодой крестьянин Антон Петров, доселе считаемый за глупого и ленивого, в роли пророка. У него на руке оказалась какая-то рана. Под влиянием переворота, сначала в шутку, может быть, а потом и сам убежденный, он стал рассказывать о каких-то снах, и из своей раны в ы н и м а л золотую волю и золотую грамоту о воле. Народ стал собираться, слушать его, верить. Вскоре, а это шло очень быстро, он получил влияние. Крестьяне окрестных сел собирались тоже в Бездну, слушать его. Толпа увеличилась, но совершенно безоружная, толкуя только о том, что они совершенно свободны. Пушкинские крестьяне просили барина приехать к ним, говоря, что только ему одному поверят, что никого, кроме его, слушать не хотят. Он не поехал и сделал дурно. Дворянский предводитель уезда Молоствов и исправник Шишкин напрасно убеждали их разойтись и выдать пророка. Толпа возросла до 5 000 человек. Антон Петров собирал и наряжал по 25 человек из окрестных помещичьих деревень. Его самого хранили как святыню. Тогда донесли в Казань. Надобно заметить, что в каждом уезде Казанской губернии расположены роты Днепровского и Азовского полков, а в Спасском, где более всего помещичьих крестьян, их вовсе не было. Объяснить это можно только оплошностью. Впрочем надобно и то заметить, что губернатор, неладящий с помещиками, поступал вообще так, что очевидно было, что он старается оградить крестьянина. Положения были разосланы с рассыльными простыми и крестьянам не было ничего объяснено.

Находящийся здесь свитский генерал-майор граф Апраксин (читай Бездненский, — этот титул принадлежит ему вполне, я его жалую им), человек, о котором я ни от кого не слыхал, чтоб он был умен, поехал в Бездну, вероятно под «pression morale» Казанского клуба, где теперь сходятся все слухи и раздаются все крики. Вслед за ним отправилась рота Днепровского полка. Это было в субботу, 8 апреля. Двинулись роты из уездов Тетюшского и Чистопольского. Граф Апраксин выжил трое суток в Спасске, дожидаясь войск, а между тем прислал за подкреплением в Казань. Отправились две роты гарнизона, под предводительством Половцова с двумя лучшими пушками (у нас остались еще только две); их чистили два дня. Но Апраксин не дождался войск и распорядился с одной ротой. Между тем Антон Петров все уверял толпу, что, пока он жив, будет воля. Его берегли и уважали. Сто человек постоянно охраняли его. Народ соби-

рался в Бездну верхами, даже из Чистопольского уезда. Вокруг села были объездчики, нечто в роде пикетов. Из села никого не выпускали. Когда разнеслись слухи о приближении войска, все старики, женщины и дети отправлены были из Бездны в окрестности. Из женщин остались только мать и жена пророка — охранять его. Не забудь, что у них не было никакого оружия. Подошедший к собравшейся на улице и на крышах и заборах толпе Апраксин, с ротой, с Молоствовым, Шишкиным и адъютантом Половцовым требовал выдачи пророка и повиновения. Народ не послушался. Он говорил, что не знает его, что он может быть самозванец, что они стоят за батюшку-царя, которого обманывают помещики и чиновники. Антон Петров уверил их, что с ними ничего не будет, что если и выстрелят три раза по з а к о н у, так это ничего, что потом они будут вольные, и что он сам поедет в Петербург и привезет от царя волю. Толпа народу стояла в кучке, как стадо баранов. Я не думаю, чтоб граф употребил все средства для убеждения; я уверен даже, что этого не было. Рота пришла 12 апреля, в 8 часов утра; а через час, в 9 часов, все было кончено. На него падает тяжкое обвинение, что, собирая войска, он не дождался всех сил, с которыми он мог бы действовать иначе. Совет военный (граф, Молоствов, Шишкин и Половцов) решил стрелять. Рота солдат Днепровского полка сделала по толпе баранов в нескольких шагах пять залпов (не забудь, что между каждым залпом надобно было заряжать, а крестьян было в 50 раз больше, и они могли разорвать в куски солдат). Бедный народ только стонал после каждого залпа, падал и крестился, поминая заветные слова манифеста (он только одни их и понял хорошо), да повторяя, что он умирает за царя. Волосы подымаются дыбом при рассказе о бойне. По приказанию адъютанта Половцова стреляли в некоторых людей, более кричавших, как в цель, и солдаты только приговаривали: «Слушаю, выше благородие!» После пятого залпа Антон Петров с книгой «Положений» на голове вышел вперед, и сам отдался в руки. Теперь он в Спасске. Толпа разбежалась. Многие потонули в Бездне, провалившись на льду. Убито до 70 человек; на другой день от ран умерло еще 15; о числе раненых не умею сказать. Замечательно, что благородное воинство, отправляясь на войну, не взяло с собой врача, и что врач из Казани поехал на место бойни через двое суток после убийства. До тех пор раненые были без помощи. Толпа разбежалась, но вчера вечером я слышал, что разбежавшиеся собираются по разным деревням. Я надеюсь, что ты позаботишься всеми средствами о распространении моего письма, так как сведения не могут быть вполне верными у вас. Тут же решительно все правда.

Все это грустно, очень грустно! Чем виноват этот бедный народ, неразвитый, невежественный? На кого тяжелым упреком падут эти невинные жертвы? Что нельзя было допустить усилиться волнению — это правда. Но спрашивается, нельзя ли было предупредить его или распорядиться иначе.

Недостаток средств сообщения, обычный мрак, покрывающий Русь, мешают знать, что делается кругом. Слышно, что в Симбирской губернии убийств нет, но что Эссен сечет там жестоко.

В Пермской губернии заводы сильно волнуются; это поважнее другого, в особенности говорят о Соликамском уезде. Есть и Пугачевские

симптомы: семейства Демидовых и Молоствовых под влиянием «panique» бежали сюда из-за Камы. Страшная проба для народа.

По последним известиям убито в Бездне до 80 и 73 раненых, а сделано было только 300 выстрелов. Студенты нашего университета и духовной академии служили торжественную панихиду в кладбищенской церкви.

Выписка из письма без подписи[1] из Казани от 19 апреля 1861 г. к Валериану Александровичу Половцову[2] в С.-Петербург.

Находился я эти дни в Казани, и с отвращением наблюдал за эффектом, произведенным на здешних помещиков грустным происшествием в селе Бездне. Кто не видал сам, тот ни за что поверить не может, до какой степени глубоко испорчены эти люди; радости их при получении известия о стрельбе не было конца, — те, которые поумнее, старались скрыть ее, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало. Апраксина — дурака, человека без сердца и ни к чему не способного, — провозглашают усмирителем и спасителем края. Из случая, в котором упорство крестьян может быть совершенно понятно растолковано, сделали они грозное возмущение, задуманное издавна; одним словом, дворянство снова показало себя самым отвратительным образом. Венцом его глупых и подлых действий было написание Козлянинову[3] письма за подписью 60 помещиков, находящихся теперь в городе. В письме этом они жалуются на слишком человеколюбивые действия его, Козлянинова, подчиненных его и земской полиции, просят о принятии мер более строгих, и объявляют, что кровь, пролитая в Бездне, падает не на совесть помещиков, а на совесть допустивших начало беспорядков, т. е. тех, которые действовали, по мнению их, слишком человеколюбиво. Нечего сказать, хорошее сословие, из подлецов подлецы; сами же помещики сидят в Казани, и в имения свои трусят показываться; там же, где, в виде редкого исключения, живут сами помещики и действуют благоразумно, там все спокойно. Другие сословия ужасно негодуют на Апраксина, и 16-го была сделана студентами сильная манифестация: собравшись в большом количестве, они отправились на кладбище и отслужили панихиду по убитым крестьянам; дело христианское, к которому никто не имеет права придраться.

Мы все находимся в сильном волнении по случаю ожидаемого на-

---

[1] На подлиннике имеется карандашная помета, сделанная III отделением с. е. и. в. к. — «Ф. Половцов».

Половцов, Ф. А., старший адъютант штаба казанского военного губернатора, участник расстрела крестьян в с. Бездне, затем был назначен в комиссию по расследованию причин волнения бездненских крестьян. Комиссия под председательством К. Г. Перцова не нашла ни одного виновного в этом деле. В письме к брату В. А., от 15 мая 1861 г. (см. стр. 30), Половцов подробно описал работу комиссии и ее результаты. Это письмо через III отделение попало к царю, и Половцов получил отставку. См. его воспоминания в журнале «Исторический вестник» № 11 за 1907 г.

[2] Половцов, В. А., чиновник министерства государственных имуществ, брат автора письма Ф. А. Половцова.

[3] Козлянинов, П. Ф., казанский губернатор.

днях приезда генерал-адъютанта Бибикова[1], посланного сюда по случаю бывших беспокойств. Чья-то возьмет, вот важный вопрос? По моему убеждению, Козлянинов действовал совершенно хорошо, и следует ожидать, что Бибиков, как человек умный, это поймет, но с другой стороны, боюсь, чтобы не действовал он на том основании, что Козлянинов виноват не в причинах волнений, а в том только, что волнения были.

На письмо дворянства Козлянинов не отвечал, а так как написание его есть дело незаконное, потому что давать правительству советов никто не в праве, то он отправил оное в подлиннике к министру внутренних дел на его рассуждение.

Выписка из письма барона Розена[2] из Нижнего Новгорода от 26 апреля 1861 г. к Николаю Николаевичу Тютчеву[3] в С.-Петербург.

Печальные события в Казанской губернии вам, конечно, уже известны, они повторились, хотя не в таких размерах, и в Пензе и Тамбове. Очевидец крестьянского бунта в с. Бездне уверяет, что число раненых и убитых гораздо значительнее, и что большая часть раненых погибла по недостатку врачебного пособия. Врачей, посланных из Спасского затона компанией «Меркурий», не допустили к больным, и только на шестой день после побоища обратились к ним с просьбой о содействии. Все это очень и очень горестно; но еще более горестно видеть то сочувствие, которое возбудили такие ужасные меры между здешними дворянами, и страшно слышать рассуждения присланного сюда генерала свиты е. в. кн. Шаховского, который не стыдится утверждать, что в подобном случае он положил бы на месте не 160, а 360 человек. Не знаю, кого винить в казанских несчастиях? От глупого Апраксина нельзя было ожидать находчивости и уменья говорить с народом; а от крестьян еще менее можно было ожидать полного понимания нового Положения и доверия к словам людей, которые с ними не говорят иначе, как окруженные солдатами или полицией...

Выписка из письма В. Бабилина из дер. Приволье, Симбирской губ. от 12 мая 1861 г. к Григорию Евлампиевичу Благосветлову[4] в С.-Петербург.

Сообщаю вам, что и как здесь говорится о совершающихся около нас событиях. В народе настроение умов прежнее: бездниниская бойня напугала, сломила сопротивление, но не уничтожила народных стремлений, не изменила его заветных желаний и отнюдь не заставила лучше понять непонятное Положение. Оно впрочем и не могло быть

[1] Бибиков, И. Г., генерал-адъютант, командированный по высочайшему повелению с исключительными полномочиями для усмирения крестьянских волнений в Казанской и Пермской губерниях.

[2] Розен, А. Е., декабрист, во время проведения крестьянской реформы был мировым посредником в Харьковской губернии.

[3] Тютчев, Н. Н., начальник 1-го отделения департамента уделов министерства императорского двора.

[4] Благосветлов, Г. Е. (1826—1880), публицист, редактор «Русского слова».

иначе: насильственные меры не убеждают и не просвещают. Народ попрежнему недоволен, попрежнему волнуется; в народе говорят, что все случившееся должно было случиться; в старых книгах написано, что настоящая воля не может быть добыта без крови, что сперва польется кровь крестьян, а потом потечет и помещичья, — а так как крестьянская уже пролита, то настоящую волю будет теперь легче добыть. Начальника и толкователя в Бездне, Антона Петрова, расстреляли; а многие этому не верят, говорят, что Антон бежал, а расстрелян товарищ его, назвавшийся его именем, чтобы спасти учителя. Многие не верят между народом, чтобы царь велел стрелять в народ; думают, что это было злоупотребление начальства, подкупленного помещиками. Некоторые уверяют, что движение в Бездне не было чисто крестьянским движением; что у зачинщиков были деньги в руках; что они рассылали агентов по всем окрестным деревням и щедро платили за развозку этих агентов; говорят, что между убитыми найдены 2 татарина и что в даче непокорным денег подозревается один из богатых казанских купцов-татар; насколько все это справедливо, не знаю.

В последнем движении в Инсарском уезде, усмиренном Дренякиным[1], многие видят попытки революционной партии, а другие происки иностранные; во всяком случае появление трехцветных знамен, символа революционного, дело не крестьян; знамена не были сшиты из разноцветных кусков, а прямо вытканы трехцветными, что вряд ли могло быть сделано у нас.

В Симбирской губернии дело покуда кончалось все розгами; зато здешний флигель-адъютант едва успевает сечь, несмотря на содействие земской и даже городской полиции; он почти постоянно переезжает из одного уезда в другой. Недавно в Буинском уезде должен был пересечь целую деревню поголовно; всем взрослым дано по 200 розог, и только после этого они выдали зачинщиков; этим последним дано еще по 300 сверхштатных розог. Военные команды беспрестанно переходят с места на место.

Говоря о всех этих происшествиях, я не касаюсь уже мелких неповиновений и мелких экзекуций, их слишком много и говорить о них не стоит, особенно при других более важных движениях и беспорядках. Маленькие неповиновения могут служить только доказательством неудовольствия народа и волнения в нем.

Выписка из письма Ф. Половцова из Казани от 15 мая 1861 г. к Валериану Александровичу Половцову в С.-Петербург.

Пишу тебе из села Юркуль, куда занесла меня судьба и производство следствия о причинах неповиновения и волнения срочно обязанных крестьян Спасского уезда... С каждым днем открываются нам глупые, но вместе с тем бесчеловечные действия Апраксина. Дурак этот, по одержании им блистательной победы, принял немедленно самые деятельные меры к арестованию сколько можно большого количества крестьян. В одну неделю, по его приказанию, забрали более ста человек, неизвестно за какие вины. Помещики, обрадованные та-

[1] Дренякин, А. М., ген.-майор свиты его величества, командированный для объявления манифеста в Пензенскую губернию.

кими поступками, заставляли перепуганных крестьян отправляться к Апраксину просить прощения и выдавать зачинщиков, как бы выбранных миром, но на самом деле назначенных тем же помещиком из людей ему или неприятных или ненужных. Апраксин говорил приличную случаю речь, а зачинщиков несуществовавшего бунта тащили немедленно в Спасский тюремный замок или сажали в их же деревни под караул. Теперь выпустили мы почти всех этих несчастных, против которых нет не только юридических доказательств, но и никаких сколько-нибудь серьезных обвинений; однако некоторые из них просидели более месяца в самую рабочую пору; яровые поля не засеяны совсем у тех, где в доме был один работник, что по случаю удачного сражения Апраксина встречается весьма нередко. Теперь кончили мы следствие по самой Бездне, где было сборище, и по пяти ближайшим и более всего участвовавшим деревням и всего осталось два арестанта, два старца, действительно виновные в том, что посылали народ в Бездну с угрозами и принуждениями, зная, что там уже есть солдаты; разумеется, что и эти старики действовали, не имея никакой определенной цели, тем более, что они уже за старостью на барщину не ходят; распоряжались они общими силами как люди, пользующиеся общим уважением. Вообще все настоящее следствие убеждает меня, более чем когда-либо в том, как хорошо было крестьянам быть крепостными. Одним только словом «воля» Антон Петров делал из них все, что хотел, и будь он порешительнее или, скорее, будь у него определенная цель, тогда, обещая народу волю, он мог бы наделать много, и никакая скотина вроде Апраксина его бы не остановила. Тут же, напротив того, он хотел одной воли, но к насильственным мерам ни за что прибегать не хотел. Поэтому он строго запрещал крестьянам, приходившим на сходку в Бездну, иметь с собой палки; если у кого была палка, то должен был бросить ее при входе в деревню. Что теперь делается в Казани, я не знаю. Полагать надо, что ничего особенно хорошего; Бибиков был и уехал, но чем и как ознаменовал свое пребывание, я не знаю. Дошла до меня новость весьма грустная: Апраксину дали Владимира на шею за выказанную им энергию при усмирении крестьян. Положим, что в своем донесении он наврал как сивый мерин; но неужели не доходят до государя известия, более справедливые, и неужели можно думать, что этот глупейший человек способен сделать что-нибудь порядочное? Апраксин уехал из Бездны, страшно труся быть студентами где-либо на улице поколоченным, чего я ему от души желаю. Следствие вероятно продолжится дней десять; всякий день радуюсь я, что назначили меня на это дело; работы довольно много, но давно не был я так доволен собой, как при выпуске арестантов-крестьян; многие из них до того были напуганы, что и верить не хотели такому благополучию.

III. Волнения крестьян в Пензенской губернии.

Выписка из письма Алексея Панчулидзева[1] из Пензы от 19 апреля к Александру Алексеевичу Панчулидзеву[2] в Москву.

Вы поверить не можете, что сделалось с Пензой и всей губернией; даже недоброжелатели вздыхают о прошедшем времени. Какие у нас в губернии ужасные происшествия! По прочтении манифеста все было тихо и спокойно: народ видимо обманулся в своих ожиданиях на счет свободы, но лишь только разослали Положение — почти повсеместное неповиновение, и работы пошли из рук вон плохо. В Чемодановке, Бахтеевке, Лопуховке были явные восстания, в других местах тоже,— и причиной этому наши деревенские попы, которые перетолковали Положение и тем смущали народ. Но в вотчинах гр. Уварова крестьяне решительно отказались итти на работу, и все убеждения остались тщетными; но если бы тотчас потребовали предводителя и послали туда хотя одну роту при земской полиции, то возмущение, ограничиваясь одним Черногаем, было бы подавлено в зародыше; mais avec notre maniaque comment voulez vous que les affaires marchent? Он ничего не предпринимал решительного, а только приказал исправнику Андрееву снова убеждать их. Исправник, буквально исполняя его приказания, снова явился туда, но уже все соседственные деревни восстали, и его приняли не 250 душ, а 3 000. Пока он читал им глупейшее сочинение графа о повиновении управляющему, толпа сгрудилась, и Андреев вместе с управляющим, двумя солдатами и юнкером были схвачены. Тогда ротный командир (10 роты Тарутинского полка, в составе 60 человек) ударил сбор и повел солдат на выручку исправника, но крестьяне бросились на роту, солдаты открыли огонь, многих убили, но рота отступила за неимением патронов. Теперь Дренякин пошел усмирять эту толпу, которая возросла до 12 тысяч человек, потому что все вотчины бывшие Разумовского присоединились к Уваровским... Всего интереснее, что наш граф по сие время не послал сделать формального следствия о возмущении. Он и ухом не ведет!..

Выписка из письма Арапова[3] из Пензы от 29 апреля 1861 г. к Николаю Павловичу Бахметеву в С.-Петербург.

О беспорядках, у нас случившихся и конченных, Дренякин доносил государю, и государь через телеграф благодарил его за дельные распоряжения. Но, к несчастию, в 15 верстах оттуда, где было возмущение, какое-то село Никольское опять не повинуется, распуская слухи, что едет по чугунке царь и царица и везут царское войско, которое пойдет против здешних солдат и уничтожит всех; а до тех пор они будут держаться. Вот тебе нелепые и несообразные идеи, можно ли было подобному народу дать вольность?

Дренякин — человек добрый, а между прочим действует, как следует...

---

[1] Панчулидзев, Алексей Алексеевич, гв. поручик, мировой посредник по Пензенскому уезду, Пензенской губ.

[2] Панчулидзев, Александр Алексеевич (1789—1867), бывший пензенский губернатор, в отставке.

[3] Арапов, пензенский губернский предводитель дворянства.

Выписка из письма Михаила Дмитриева из Сызрани, Симбирск. губ. от 9 июня к Федору Михайловичу Дмитриеву в Москву.

В Пензенской губ., в Чембарском уезде, взбунтовались три села; к ним пристали другие, всего 5 тысяч человек.

Привели несколько рот солдат; солдаты отказались стрелять, и один из них убил прикладом погрозившего ему офицера. Тогда приведено было несколько батальонов и приехал свиты е. в. генерал Дренякин. Растреляно 30 чел., сквозь строй прогнано множество, убито несколько сот. Возмутил их солдат, разъезжавший в генеральском мундире и назвавшийся графом Толстым, бывшим адъютантом покойного государя Александра Павловича. Бунтовавшие села разрушены и срыты, а оставшиеся жители, не говоря о сотнях, прогнанных сквозь строй, сосланы для переселения на Амур. Такое срытие сел бывало при Екатерине, и при Николае Павловиче был такой пример в Черниговской губернии. Одним словом, вопреки мягким известиям газет о немедленной покорности, как скоро приходят войска, — Россия полита кровью!

За Волгой, в Самарской губернии, разграблен мужиками дом кн. Трубецкого.

Что писано в газетах о селах: Шигоны, Репьевка и др. — все это ложь. Кому знать лучше как не нам? Шигоны от нас верст 20, и туда были потребованы от меня понятые, а Репьевка — 40 верст. В последней наказано 50 чел., и так, что один из них умер. Вот каково это немедленное покорство по прибытии войска!

Мои крестьяне тихи. На этих днях приезжал посредник выбирать из них судей; они прежде всего спросили его: «А ежели мы кого выберем, да господину не понравится?». Между тем руссицизм берет таки свое! Посредник, после выбора судей, говоря им о наказаниях, сказал им, чтобы больше 20 розог не давать, — они возразили ему: «Мало, батюшка! не проймешь!». Он, разумеется, шутя, отвечал им: «Ну да ведь нынче считается на серебро, так выдавайте 20 серебром». Они приняли это за благосклонное разрешение и отвечали: «Разве уж так!» — потом, помолчав, спросили еще: «А прибавить можно?!..». Таковы понятия о себе самом и о своей чувствительности нашего народа! Это еще у меня, где было мягкое управление: а каковы там, где привыкли?..

IV. Мировые посредники.

Выписка из письма от сына из Петровска, Саратовской губ., 26 апреля к Александру Ив. Кошелеву[1] в Москву.

Расскажу о нашем съезде в Петровске. 18 было собрание; народу было много и много было разных толков. Смысл всех их был весьма неотрадный, а именно: все изощряли свой ум, как бы повернуть так статью Положения, чтобы сорвать что-нибудь лишнее. Потом приступили к вопросу, какое мы полагаем вознаграждение мелкопоместным? Дворянство положило: 120 р. сер. за каждую ревизскую душу от каз-

[1] Кошелев, А. И. (1806—1883), известный публицист, славянофил, сторонник освобождения крестьян с землей.

ны помещику с правом ему требовать выселения его крестьян на казенные земли и переселения на счет казны. Как видите, мы махнули широко нашей дворянской рукой! В посредники для пяти участков выбрали трех консерваторов, одного шулера и пьяницу и только пятый человек образованный и либеральный. На самый праздник пришли ко мне все крестьяне христосоваться, более 200 человек, и из них только двое или трое при сей оказии хотели было попросить на семена, но их удержали все, сказавши, что теперь не время просить, что они пришли повидаться только.

Новый священник великолепно глуп, а дьякон завел у себя шинок. Вот от чего, может быть, даже в праздник, церковь была не прибрана и в грязи.

Выписка из письма с неразобранной подписью из Раненбурга, Рязанской губернии, от 28 апреля к Александру Дмитриевичу Кирьякову в Москву.

В понедельник на фоминой будет чрезвычайный дворянский съезд для выбора мировых посредников и обсуждения некоторых обстоятельств, могущих встретиться при новом Положении. Волконской действует благоразумно, добросовестно и отлично.

Жалобам нет конца: везде волнения, дух своевольства и неповиновения. Особенно важного еще ничего не было, но за последствия отвечать нельзя. Земская полиция не остается в бездействии: ей почти всякий день доставляют практику.

На днях были выборы посредников в Ряжске. Эту новость привез Головнин [1], очевидный свидетель; предводитель назначил людей по своему усмотрению, и эти люди, в видах улучшения не быта крестьян, а своего собственного, рассчитывают, что место посредника может доставить 10 тысяч сер. безгрешного дохода. Если многие одушевятся этой благородной мыслию, то жалкая перспектива для упрочения на будущее время нашего шаткого благосостояния.

Да здравствует прогресс!

Выписка из письма Елизаветы Ш. из Нижнего Новгорода от 14 мая к Ивану Ивановичу Живареву [2] в Москву.

...У нас нельзя себе представить, каких людей выбрали нижегородские помещики в мировые посредники — все, что ни есть хуже и по нравственности, и нетрезвости, и уму; понятно, какую доверенность такие личности будут иметь от крестьян, и какое влияние они могут иметь на них, — а из Петербурга предписывают, чтобы не противиться помещикам и предводителям и как можно более соглашаться с ними!

Выписка из письма Николая Павлова из Серпухова, Московской губернии, от 15 мая к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву.

Одна барыня требовала с крестьянина Ефрема курицу; тот не дал, и вот она обратилась к нашему становому. Этот господин отнял у

[1] Головнин Н., поручик, мировой посредник по Спасскому уезду, Рязанской губернии.

[2] Живарев, И. И., переводчик Московского главного архива министерства иностранных дел.

крестьянина в пользу барыни пять куриц и, видите ли, это он сделал «для дисциплины». Таков порядок и в крупных делах у не становых.

Тульский губернатор безносый Дараган (как его называют), если чем и популярен в своей губернии, так это именно тем, что про него говорят: «Полноте, батюшка, вы думаете, что он чем-нибудь занимается, да ему-то что? Живет в свое удовольствие, а там по нем хоть трава не расти». Судите, можно ли положиться на такого администратора при выборе им посредников. Предводитель же, который поедет к нему со списками, едва ли многим лучше его. Норов, 80-летний старик, в долгу, как в шелку, рутинер, консерватор в худшем смысле этого слова. Меньшинство зовет его плутом, который двух сыновей своих, недорослей, записал в список для получения 3 тысяч руб., и большинство из 525 каширских помещиков верит, что этот тонкий человек, готовый служить на словах и нашим, и вашим, своим влиянием на губернатора даст уезду таких мировых посредников, которые запоют старую песенку даже и не на новый лад. Затянут прежнюю барщину — это именно чаяние каширских помещиков. И вот им Пестов (приказный, как зовут его даже крестьяне), будущий мировой наш посредник и владетель 7 500 десятин. Этот господин на съезде помещиков, перелистывая Положение, в виде обожания приговаривал, указывая на некоторые статьи: «А вот тут и прицепка! А вот, тут и крючок! А вот это опять на-двое толкуй!»

Выписка из письма Алексея Суворова из Воронежа от 29 мая к графине Сальяс в Москву.

В «Русской речи» я читал о мировых посредниках. Удивительно, как это Кавелин[1] так фантазирует! Посмотрел бы он на наших посредников, послушал бы он их! От большинства из них добра ждать нечего.

У нас выбран один господин, фамилию которого я забыл, он служил в министерстве иностранных дел и имеет орден какого-то четвероногого, кажется, льва с придачей солнца. Этот господин вот что вещает: «По моему, — говорит, — по-больше эффекта с этой сволочью (то есть народом), — и пойдет все как по маслу! Что до меня, так я вот как намерен поступать: найму непременно гусара, он будет скакать впереди меня верхом, в полной форме, а за ним я в карете шестерней, с орденом и в мундире. Это ослепит народ. Делами, разумеется, не буду заниматься: на это будет у меня письмоводитель, я же собственно для того, чтобы внушить народу уважение» и пр. и пр.

А другие и о взяточках мечтают, и будут брать — в этом и сомневаться нельзя.

Выписка из письма без подписи из Сапожка, Рязанской губ., от 13 июня к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву.

Волостные сходы, сочиненные редакционной комиссией, встречены с самым сильным сопротивлением. Крестьяне долго не соглашались

[1] Кавелин, К. Д. (1818—1885), историк, публицист, сторонник освобождения крестьян с землей и с выкупом не только за землю, но и за личность крестьянина.

избирать выборных. Когда им растолковано, что на то есть закон, воля царская, то они исполнили это следующим образом: назначили старшину на мирском сходе и выборным приказали, чтобы старшиной был ими назначенный. Это выборные и сказали на выборе старшины. Искусственное разделение властей также не понравилось крестьянам, и старшина везде будет судить с судьями. На выкуп земли крестьяне весьма согласны, но 49-летний срок возбуждает их общий смех, и они на это смотрят как на обман. Платить в казну они согласны, но и слышать не хотят о добавочном взносе помещику. Мировые посредники не могут иметь никакого значения, потому что выбраны все люди или ничтожные, или неблагонадежные и неблагонамеренные. Я знаю три уезда, в которых нет ни одного сносного человека. Следовательно, 100—200 хороших посредников не могут спасти учреждение, состоящее из 2 000 или 3 000 лиц. Крестьяне приходят теперь с просьбами и жалобами к посредникам, потому, что они их испытывают, но вскоре это прекратится. Теперь водворено временное, крайне ненадежное спокойствие. Пламя может разом охватить все здание. Мы, не понимая теперь, как говорил Талейран [1]: «Nons dansons sur un wolcan». А помещики! Ах помещики, чуть отдохнут, и опять воображают, что можно удержать прежнюю барщину и прежний порядок. Когда я приехал сюда, они были все в страхе и ужасе: все согласны были отпустить на оброк за полцены; теперь и чорт им не брат. Хорошо, что крестьяне стоят очень дружно и стойко!..

Выписка из письма Алексея Нарышкина [2] из Орла от 10 июня 1881 г. к Якову Александровичу Соловьеву [3] в С.-Петербург.

Выбор посредников, совершенный во мраке кабинета, вышел у нас один из самых жалких, как следовало ожидать. Едва наберется 15% из всей массы личностей честных, благородных, смышленных, — остальные составляют плотную дружину, которая явно будет под предводительством господ Хвостова и Ржевского, вам известных, и которые уже теперь, при самом вступлении в должности, заявляют намерение отделаться всеми средствами от провозглашаемого им бюрократического влияния губернского присутствия и произвести децентрализацию, ибо, по словам их, они одни должны иметь дело с жизнью на местах. Эти великолепные фразы всех соблазняют, а в сущности они, на местах имея в полной своей власти и земскую полицию дворянскую и выборы должностных лиц, а главное, хитрое мастерство искажать смысл статей Положения всегда в пользу свою, — образуют отдельные пашалыки [4] и будут творить неправду и зло, которые, при дальнем расстоянии уездов, никогда до вас и не дойдут.

Выбор членов от правительства производится также во мраке под тем же влиянием.

---

[1] Талейран, Ш. (1754—1838), французский политический деятель, дипломат.

[2] Нарышкин, А. И., помещик, член губернского присутствия по крестьянским делам.

[3] Соловьев, Я. А., (1820—1876), сенатор, член редакционных комиссий, сторонник освобождения крестьян с землею за выкуп ее крестьянами у помещиков.

[4] Так в подлиннике.

Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема

«...После трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции народные массы, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы никогда еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, — это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций»[1].

Так расценивал В. И. Ленин начало оживления в революционном движении конца 1910 г.

Гениальный ум и прозорливость Ленина подсказали ему в самом начале оживления рабочего движения, что новый революционный подъем примет грандиозный размах, что он явится началом новой эпохи в истории пролетарской борьбы.

«Первое же начало борьбы, — писал Ленин, — показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение массового движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы»[2].

В годы реакции царизм жестоко мстил рабочему классу за его героическую борьбу в первой русской революции.

Тюрьмы, ссылки, каторга, казни уничтожили сотни и тысячи лучших и преданнейших сынов пролетариата, но не уничтожили рабочего класса и не сломили его воли к борьбе. С января 1912 г. и особенно после ленских событий 1912 г., по всей России проходит волна политических стачек. Перемежаясь с экономическими стачками, вспыхивая в разных городах, на разных заводах, эти стачки снова ставят пролетариат во главе нарастающего общенародного революционного движения.

«Проходит то время, — пишет Ленин, — когда одиночки-террористы могли говорить о «возбуждении» народа террором. Россия ушла вперед от этих печальных времен. Революционный пролетариат в пятом году нашел себе иной «путь в народ», иное средство втягивать в движение массы.

Это средство — революционная стачка, упорная, перебрасывающаяся с ме-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 392.
[2] Там же, стр. 393.

ста на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная, — стачка, поднимающая отсталых к новой жизни борьбой за экономические улучшения, — стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма, — стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в т о л п у, в народную массу.

Такой стачки нельзя вызвать искусственно, но ее нельзя и остановить, когда она стала охватывать сотни и сотни тысяч»[1].

Публикуемые нами документы являются лучшим подтверждением прозорливости Ленина и абсолютной верности линии большевиков в их борьбе с меньшевиками и ликвидаторами. Документы совета министров и отдельных министерств открывают слабые места в системе царизма — и именно те слабые места, по которым била партия большевиков. В то время как меньшевики проповедывали стихийность рабочего движения, выступали против политических стачек, против «стачечного азарта», Ленин указывал на политическую стачку, как на лучшее средство вести рабочий класс к революционному подъему. И царские министры особое внимание обращают на развитие политической стачки. «Ничтожность поводов, — читаем мы в журнале совета министров от 8 августа 1913 г., — выставляемых рабочими в качестве причины забастовки, заставляет предполагать у бастующих иные скрытые побуждения, а, может быть, объясняется и преступным на рабочий люд влиянием извне»[2].

Секретная записка министерства внутренних дел указывает, что «переживаемое ныне забастовочное движение... объединяет рабочих на почве непримиримого отношения к существующему государственному и общественному строю и, таким образом, создает среди рабочих готовые кадры для пополнения революционных партий»[3]. Министры подробно останавливаются на развитии политических стачек, усматривая в их распространении угрозу царской монархии.

1 февраля 1913 г. Ленин писал: «От отдельных ч а с т н ы х вопросов рабочая м а с с а идет к постановке о б щ е г о вопроса. Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных только настроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о в с е й с о в о к у п н о с т и этих настроений, в целом...»[4].

Агенты буржуазии — меньшевики и ликвидаторы, борясь против политических стачек, выполняли «социальный заказ» правящих классов, помогая царским министрам и полиции в подавлении растущего революционного движения.

В процессе стачечного движения 1912—1914 гг. партия большевиков разгромила ликвидаторов. «Ликвидаторы, — писал Ленин, — своими либеральными речами о «стачечном азарте», п р о т и в соединения экономических и других мотивов в стачечном движении... вызвали законное отвращение рабочих. Рабочие сознательно и твердо провели поэтому «снятие с постов» рабочего движения гг. ликвидаторов»[5].

Хорошей иллюстрацией к этим словам Ленина служат те восклицания ужаса, которые вырываются у всех министров по поводу «других мотивов в стачечном движении».

Какими средствами предполагало царское правительство бороться против

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 244.
[2] См. стр. 45.
[3] См. стр. 53.
[4] Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 280.
[5] Л е н и н, Соч., т. XVII, стр. 304.

стачек? Еще не отказавшись от зубатовских методов воздействия на рабочий класс, крепостническое самодержавие хочет заставить работодателей проявлять более «отзывчивое отношение к рабочим» и удовлетворять их «непреувеличенные требования», так как неуступчивость фабрикантов вызывает развитие стачек и их перерастание в политическое движение. Министр внутренних дел в своей записке от 14 октября 1913 г. указывает на то, что недоразумения между рабочими и хозяевами нередко возникают по вине самих работодателей. Больше того, та же записка указывает на случаи снижения зарплаты заводчиками с целью искусственно вызвать забастовку и этим получить оправдание своей неисправности перед заказчиками и контрагентами. Так была вызвана притеснением рабочих забастовка на заводе общества Николаевских заводов и верфей, где заводоуправление хотело снять с себя ответственность за просрочку при постройке кораблей [1].

Царские министры вынуждены признать, что стачки «составляют явление, вытекающее из общего строя современной промышленной жизни, основанной на свободе труда» [2]. Но тут же они «разъясняют» эту «свободу труда». Министры скорбят по поводу того, что закон не дает достаточных прав администрации привлекать к ответственности рабочих — участников забастовки. Министерство торговли и промышленности разрабатывает предложение о том, чтобы признать неявку на работу в периоды стачек законным поводом к расторжению договорных обязательств. Совет министров постановляет пересмотреть действующие по отношению к стачкам уголовные законоположения с целью расширить права администрации в борьбе с политическими стачками. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков предлагает министру торговли и промышленности превратить фабричную инспекцию в своего рода сыскное отделение по борьбе со стачками, на что министр торговли и промышленности отвечает, что фабричная инспекция уже выполняет эту задачу.

Пытаясь по аналогии с европейскими государствами создать примирительные суды для разбора конфликтов между рабочими и хозяевами, министерство внутренних дел предполагает создать их в составе губернатора или градоначальника (председатель) и членов — фабричного инспектора и члена окружного суда. Совет министров считает необходимым придать этим учреждениям некоторые черты гласности и предлагает присоединить к правительственным лицам выборных от фабрикантов и рабочих. Такими зубатовскими приемами правительство намеревалось отвлечь рабочих от революционных методов борьбы. Налицо — лисий хвост и волчьи зубы.

Насколько своеобразно понималась царским правительством «свобода труда», показывает циркуляр министерства внутренних дел, предлагавший полиции требовать в случае невозможности ликвидировать стачку увольнения рабочих. «После чего как безработные, принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, они должны быть подчинены самому строгому наблюдению со стороны органов местной полиции» [3].

Иллюстрируя лицемерную и подлую сущность самодержавия, публикуемые документы в то же время отражают его растерянность перед лицом развивающегося революционного движения. Об этом ясно говорят споры между министрами о методах ликвидации стачек — путем административным, «в порядке управления», или же путем увольнения рабочих. Беспокойство правительства и министров вполне понятно. Стачечное движение означало не только подъем рабочего класса. Ленин неоднократно указывал, что оно является об-

[1] См. стр. 52.
[2] См. стр. 64.
[3] См. стр. 50.

щенародным движением, «которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны»[1]. Ленин разрабатывает тактику стачечного движения, переходящего в открытую революционную борьбу. «Если стачки истощают рабочих, — пишет он, — их надо вести вперемежку, давая отдых одним и поднимая на борьбу отдохнувшие или «свежие» силы. Надо устраивать стачки более короткие. Надо заменять иногда стачки демонстрациями»[2].

В течение 1913 г. рабочий класс России и в первую очередь пролетарии Петербурга показали величайшие образцы героизма и выдержки. В этом году питерский пролетариат насчитывает ряд забастовок, продолжавшихся целые месяцы.

В Петербурге в 1913 г. бастовали: Арматурно-электрический завод — 3 ½ месяца подряд, Новый Лесснер — 102 дня, Мастерские Международного общества спальных вагонов — 82 дня, Старый Лесснер — 68 дней, Айваз — 52 дня, Польте — 49 дней, Зигель — 37 дней, Лангензиппен — 31 день и т. д.

В ответ на смерть затравленного черносотенной администрацией рабочего-еврея встали, как один, руководимые большевиками пролетарии завода б. Новый Лесснер, отказываясь выдвигать экономические требования, чтобы ярче подчеркнуть политический характер своей борьбы.

102 дня при горячей поддержке всего рабочего класса, не поддаваясь на уговоры меньшевиков, новолесснеровцы стойко держались против объединенного напора администрации, меньшевиков и охранки. Несмотря на все ухищрения администрации, рабочие завода в течение 102 дней не позволили ни пустить бастующий завод, ни передавать на другие заводы заказы бойкотируемого завода.

Поддержанная всеобщим пролетарским сочувствием забастовка лесснеровских рабочих ярко продемонстрировала, что для рабочих не существует национальных граней. Это была забастовка единства и силы пролетариата всей страны.

На целом ряде крупнейших промышленных гигантов Петербурга частичные забастовки продолжались в течение всего 1913 года почти непрерывно.

Вслед за рабочими в революционную борьбу вовлекалось крестьянство и войско.

Политические забастовки, попытки организации всеобщей политической стачки, начавшиеся баррикадные бои на улицах Петербурга накануне войны—таков путь развития пролетарского движения в России в годы революционного подъема.

Все эти годы, годы подготовки новой революции, рабочий класс России боролся под руководством большевистской партии, партии Ленина и Сталина.

М. Лурье.

Секретное письмо министра внутренних дел Н. А. Маклакова министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву от 30 июня 1913 г. № 17479[3].

Милостивый государь, Сергей Иванович.

В последние месяцы, как известно вашему высокопревосходительству, забастовочное движение среди рабочих в С.-Петербурге, заметно

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 241.

[2] Там же, стр. 244.

[3] ЛОЦИА, ф. совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 14—15. Документы подготовлены к печати М. Лурье.

разрастаясь, все более охватывает предприятия по обработке металлов и, в особенности, те из них, которые заняты выполнением заказов военного и морского ведомств. Мирное пока течение забастовок и экономический характер предъявляемых рабочими требований не дает поводов для непосредственного вмешательства правительственной власти. Но систематическое распространение их среди тех именно предприятий, бездействие которых при современных политических условиях угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания, тем более, что ничтожность поводов, которые нередко выставляются причинами забастовки, заставляет предполагать другие скрытые побуждения и возможность влияния извне.

Признавая ввиду сего настоятельно важным принять ныне же в самом начале развития забастовочного движения меры для его прекращения, я, согласно выводам состоявшегося у меня 28 минувшего июня совещания, нахожу, что первым условием успешности их является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка.

Для сего я считал бы необходимым, чтобы органы фабричной инспекции и администрация фабрично-заводских предприятий осведомляли бы полицию о всех случаях движения рабочих и о всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовки и ее инициаторов, равно как и о тех мерах, какие предполагаются инспекцией и фабричною администрацией для борьбы с забастовкой.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены специальным законом, изложенным в ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях. По разъяснению правительствующего сената 30 ноября 1910 г., основанием к изданию сего закона послужила опасность для жизненных интересов страны забастовок в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, причем действие его подлежит распространению на все технические артиллерийские заведения и на все заведения военного ведомства. Считая означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, я находил бы обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих случаях, ибо угроза действительной уголовной репрессии, несомненно, имела бы отрезвляющее влияние на рабочих и остановила бы многих из них, которые примыкают к забастовке лишь по чувству солидарности с товарищами. О привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить объявление во всех предприятиях, подлежащих действию означенного закона.

Что же касается мер административного воздействия, то применение их без особо важных побудительных причин к рабочим, состоящим еще на фабриках и заводах, я нахожу не только незаконным, но даже вредным, ибо это почти всегда служит поводом к запросам в Государственной думе, которые, вызывая всеобщее внимание и даже сочувствие в некоторых кругах общества, укрепляют самосознание рабочих, служат моральною поддержкою забастовщикам и нередко вызывают даже прилив материальных пожертвований в их пользу. Между тем удаление мерами фабрично-заводской администрации рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для нее

никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи условленной при расчете заработной платы за несколько дней вперед. С увольнением же от службы рабочего полиции открывается полная возможность для применения к нему в случае необходимости положения об усиленной охране, как к безработному, представляющему известную опасность для общественного порядка и спокойствия.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, если вы изволите признавать целесообразным проектируемые мною меры, не отказать в благосклонном содействии к применению их на фабриках и заводах, подведомственных чинам фабричной инспекции.

Соответствующие указания по сему предмету мною сделаны уже с.-петербургскому градоначальнику.

Пользуясь случаем засвидетельствовать вам, милостивый государь уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

Н. Маклаков

Секретное письмо министра торговли и промышленности С. И. Тимашева министру внутренних дел Н. А. Маклакову от 26 июля 1913 г., № 64/4327 [1].

Милостивый государь, Николай Алексеевич.

Ваше превосходительство, в письме от 30 июня сего года, отмечая развитие забастовочного движения в С.-Петербурге, особенно среди рабочих металлообрабатывающего производства, полагаете, что распространение забастовок среди предприятий, бездействие которых, при современных политических условиях, угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания и принятия соответственных мер.

В сих видах и принимая в соображение, что первым условием успешности этих мер является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка, вы считаете прежде всего необходимым, чтобы органы фабричной инспекции и администрация фабрично-заводских предприятий осведомляли полицию о всех случаях движения рабочих и о всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовки и ее инициаторов, равно как и о тех мерах, какие предполагаются инспекциею и фабричною администрациею для борьбы с забастовкою.

С своей стороны, я нахожу нужным отметить, что и в настоящее время органы фабричной инспекции сообщают губернскому начальству о случаях забастовок, а равно имеющиеся у них сведения о причинах, вызвавших забастовки; но, засим, я готов, идя навстречу желанию вашего превосходительства, подтвердить названной инспекции о необходимости неуклонно исполнять данные в сем отношении указания.

Далее, имея в виду, что наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены ст. ст. 1359 [3]—1359 [8] Улож. о наказаниях, и считая

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 16—19.

означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, вы находите обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих действию сего закона случаях, причем о привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить объявления во всех предприятиях, упомянутых в означенном законе.

Вполне разделяя необходимость строгого применения этого закона, я вместе с тем нахожу, что к возбуждению уголовного преследования надлежало бы прибегать тогда, когда обстоятельства дела дают достаточные основания ожидать обвинительного приговора привлеченных к ответственности лиц, ибо оправдание последних могло бы повести лишь к более смелой и усиленной агитации. С этой точки зрения останавливает на себе особое внимание вопрос о тех предприятиях, к рабочим которых мог бы быть применен изъясненный уголовный закон. К числу таких предприятий, по смыслу указа правительствующего сената по уголовному кассационному департаменту от 30 ноября 1910 г. № 20, надо полагать, относятся все предприятия, тесно связанные с целями государственной обороны, но самое применение уголовной кары поставлено в зависимость от последствий прекращения деятельности предприятия (угроза для безопасности государства или возможность общественного бедствия). Поэтому возбуждение преследования против рабочих таких предприятий требовало бы самого осмотрительного расследования, в каждом отдельном случае, значения приостановки работ такого предприятия с точки зрения установленных ст. 1359[3] Улож. о наказаниях признаков.

Считая затем применение без особо важных побудительных причин мер административного воздействия на рабочих, состоящих еще на фабриках и заводах, нежелательным, вы изволите вместе с тем находить, что удаление мерами фабрично-заводской администрации рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для нее никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи условленной при расчете заработной платы за несколько дней вперед.

С своей стороны, вполне соглашаясь с вашим мнением о совершенной нежелательности применения, без особо важных побудительных причин, мер административного воздействия к рабочим, еще состоящим на фабриках и заводах, я не могу не остановиться по поводу предлагаемого вами порядка устранения рабочих, оказывающих вредное на товарищей влияние, на следующих соображениях. Необходимо иметь в виду, что, озаочиваясь всемерным ограждением мирного течения жизни и деятельности предприятия, благоустроенные заводоуправления и ныне пристально наблюдают за своими рабочими и тех из них, которые сеют среди товарищей смуту, при первой возможности удаляют с фабрики и завода. Поэтому дело свелось бы к напоминанию о необходимости соблюдать и вперед этот порядок. В отношении казенных предприятий преподание таких указаний, быть может, не составило бы особых затруднений, хотя мне представлялось бы, что и относительно этих предприятий указанную меру предпочительно осуществлять исподволь, в спокойное время, когда среди рабочих не наблюдается особо возбужденного настроения. Применение же подобной меры в период забастовочного движения могло бы привести к дальней-

шему усилению стачек, так как случаи подобных увольнений и сопряженных с ними для уволенных карательных последствий не прошли бы незаметными для рабочих и внесли бы лишнее возбуждение в рабочую среду. Что же касается частных предприятий, то самый порядок преподания со стороны органов правительственной власти заводоуправлениям означенных указаний едва ли мог бы быть поставлен в соответствующие такому делу условия. Письменные сношения и совещания представлялись бы неуместными, причем нельзя не предвидеть, что большинство предпринимателей уклонилось бы от исполнения означенных предложений. Затем применение к рабочим карательных взысканий по указанию заводоуправлений не могло бы не внести крайнего раздражения в рабочую среду и повело бы к чрезвычайному обострению отношений между заводоуправлением и рабочими. Поэтому проведение намеченных мер требует, во всяком случае, особой осторожности.

В заключение по поводу характера настоящего забастовочного движения считаю долгом сообщить нижеследующее:

Наблюдение над промышленною жизнью, как у нас, так и в Западной Европе показывает, что улучшение промышленной конъюнктуры и подъем деятельности промышленных предприятий постоянно вызывают усиление рабочего движения. Занятые в предприятиях рабочие не могут, конечно, не сознавать, что всякое нарушение правильного течения работ и приостановка производства грозят промышленнику, связанному обязательствами по срочному выполнению заказов, значительными убытками. Такое положение представляется для рабочих особенно благоприятным для настойчивых домогательств повышения расценки труда и улучшения условий работы. С другой стороны, сравнительно крупные заработки за прошлые месяцы усиленной работы облегчают возможность выжидания результатов забастовок. Таким образом известное усиление забастовочного движения, при чревычайном подъеме в настоящее время нашей промышленной деятельности, нельзя не считать свойственным переживаемому ныне экономическому моменту.

Во внимание к важности настоящего вопроса и имея в виду, что в этом деле более или менее заинтересованы все ведомства, я вместе с сим обратился к председателю совета министров с просьбою внести настоящее дело на рассмотрение совета министров.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вашему превосходительству уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

С. Тимашев.

Особый журнал совета министров по вопросу о мерах борьбы с рабочими забастовками от 8 августа 1913 г.[1].

Секретно.

За последнее время в некоторых фабрично-заводских районах, особенно в С.-Петербургском, наблюдается резкое усиление случаев рабочих забастовок. При этом забастовочное движение проявляется преимущественно в металлообрабатывающих предприятиях, а между тем

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 33—35.

бездействие или даже сокращение производства в этих именно предприятиях может крайне неблагоприятно отражаться на интересах обороны государства. Государственная власть не может, конечно, относиться безучастно к отмеченному явлению, тем более что в большинстве случаев ничтожность поводов, выставляемых рабочими в качестве причины забастовки, заставляет предполагать у бастующих иные скрытые побуждения, а, может быть, объясняется и преступным на рабочий люд влиянием извне.

При таком положении дела, озабочиваясь изысканием наилучших способов к пресечению забастовочного движения в самом начале его развития и признавая необходимым условием успешной борьбы с этим злом планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка, министр внутренних дел наметил, в частности, нижеследующие, для достижения преследуемой цели, мероприятия:

1) вменить в обязанность фабричной инспекции и администрации фабрично-заводских предприятий осведомлять полицию о всех случаях движения в рабочей среде и сообщать данные, служащие к выяснению действительных причин забастовки и ее зачинщиков, а равно свои о мерах воздействия на рабочих предположения;

2) неуклонно возбуждать в случаях, предусмотренных статьями 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях уголовных и исправительных, по продолжению 1906 г., судебное против бастующих преследование, оповестив о сем рабочих в подлежащих предприятиях особыми объявлениями и

3) допускать лишь в виде исключения, при наличии особых побудительных причин, меры административного воздействия в отношении рабочих, не рассчитанных еще с фабрик и заводов, и увольнять, взамен сего, вредные элементы из предприятий распоряжением последних, с применением затем в случае надобности к уволенным, как представляющим опасность для общественного порядка и спокойствия безработным, правил положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Уст. пред. прест., ст. 1, прим. 2, прил. 1, изд. 1890 г. и по прод. 1906 г.).

С своей стороны, министр торговли и промышленности, в ответ на сделанное с ним гофмейстером Маклаковым по означенному предмету сношение, заявил, что, не встречая вообще возражений против приведенных мероприятий, в большей своей части не устанавливающих в рассматриваемой области ничего нового, он полагал бы однако необходимым прибегать к уголовному преследованию бастующих лишь с сугубою осторожностью, когда обстоятельства дела дают достаточные основания ожидать обвинительного для привлеченных к ответственности приговора, и, независимо от сего, затруднился бы признать своевременным, а главное — удобоисполнимым, преподание заводоуправлениям особых указаний об увольнении из предприятий рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей. Вместе с тем, в виду важности затронутого вопроса, касающегося притом различных ведомств, тайный советник Тимашев сообщил изъясненную переписку статссекретарю Коковцову, по распоряжению коего дело сие внесено ныне на расмотрение совета министров.

Входя в обсуждение настоящего дела, совет министров выслушал,

прежде всего, дополнительные к сообщенной переписке объяснения тайного советника Тимашева, заявившего, что он не усматривает в нынешнем забастовочном движении каких-либо чрезвычайно тревожных признаков. Не говоря уже о том, что, как показывает опыт, рабочие обычно пользуются подобными переживаемому периодами оживления экономической жизни для усиленного предъявления к работодателям своих требований, из сопоставления имеющихся в распоряжении торговопромышленного ведомства сведений о числе бастующих и количестве пропущенных рабочих дней с несомненностью выясняется кратковременность отдельных, ныне возникающих, забастовок, особливо в металлообрабатывающих предприятиях, где они приобретают преимущественно окраску политических выступлений. Несколько более продолжительными и упорными оказываются забастовки, имеющие чисто экономический характер и охватывающие, главным образом, предприятия текстильной промышленности. При этом по районам на первое место по развитию забастовочного движения должен быть поставлен г. Лодзь, в коем число бастовавших летом текущего года выражалось примерно в 50 000 человек, затем Николаев и С.-Петербург. Но как бы то ни было, министр торговли и промышленности не может, конечно, не отнестись с величайшим вниманием ко всем предложениям, направленным к борьбе с обсуждаемым крупнейшим злом в современной промышленной жизни. В частности, что касается заявленных ныне ведомством внутренних дел по сему предмету мероприятий, то, отнюдь не оспаривая необходимости непременного и возможно полного осведомления чинами фабричного надзора и заводоуправлениями полиции о всех случаях движения в рабочей среде, что и ныне уже исполняется, тайный советник Тимашев всецело присоединяется, равным образом, и к пожеланию о неуклонном возбуждении против бастующих в предусмотренных статьями 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях уголовных и исправительных по прод. 1906 г. случаях судебного преследования, при условии соблюдения, однако, как сказано, должной осторожности, дабы не вызвать оправдательными приговорами вящего развития преступной среди рабочих агитации.

С своей стороны, по поводу последней меры министр торговли и промышленности не может не отметить, что, насколько ему известно, в настоящее время в применении ее в казенных предприятиях не проявляется нужного однообразия, а этим, конечно, не мало подрывается и полезное значение этой меры. Единственно с чем, по мнению тайного советника Тимашева, трудно согласиться — это с предложением о преподании заводоуправлениям указаний об обязательном удалении ими имеющих вредное на товарищей влияние рабочих. Не подлежит никакому сомнению, что в правильно поставленных предприятиях к этому средству прибегают, в пределах возможности, и ныне. Но едва ли в этом отношении уместны какие-либо общие указания, и во всяком случае выступление с ними было бы крайне неудобным для органов правительства.

Выслушав изложенное, совет министров не мог, с своей стороны, не заметить, что ставшие, к сожалению, за последнее время обычным явлением забастовки рабочих несомненно требует особо пристального внимания правительственной власти. При этом, как указал в заседании гофмейстер Маклаков, нельзя не считаться с тем, что действую-

щий закон (Улож. о наказаниях, ст. ст. 1359[3]—1359[8], по прод. 1906 г.) страдает некоторою неполнотою и не вооружает означенную власть в достаточной степени в борьбе со злом, ибо устанавливает уголовную кару не за забастовку, как таковую, а лишь за возбуждение к ней рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к забастовке других рабочих и, наконец, за участие в сообществе, направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, что подтверждено решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года за № 20, исключительно в предприятиях, безразлично частных или казенных, прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Так как однако пересмотр этих постановлений, даже если признавать его необходимым, требует всестороннего предварительного соображения и обширных подготовительных работ, то он не может, конечно, последовать в ближайшем же будущем, а, следовательно, пока приходится по необходимости ограничиваться мероприятиями в порядке управления, на каковой путь и встало в настоящее время ведомство внутренних дел. Учитывая при сказанных условиях всю важность таких мероприятий и обращаясь к оценке ныне заявленных по рассматриваемому предмету предположений по существу, совет министров не может, действительно, не признать особливо серьезного значения за неуклонным, в пределах разумной осмотрительности, возбуждением судебного преследования против забастовщиков во всех подходящих под признаки вышеприведенных статей закона случаях. Только при повсеместном, однообразном соблюдении этого требования в сознании рабочих вкоренится уверенность, что виновные всегда несут заслуженное наказание, а с тем вместе не мало облегчится и задача власти.

Труднее осуществимою представляется другая из намеченных министром внутренних дел мер — удаление заводоуправлениями из предприятий вредных элементов. В этом отношении надлежит прежде всего иметь в виду, что применение сей меры нередко может повести лишь к озлоблению рабочих и к дальнейшему усилению стачек. Притом же, нельзя не согласиться с заявлением тайного советника Тимашева, что самое преподание особых по сему предмету указаний, по крайней мере, частным заводоуправлениям, едва ли удобоисполнимо и вряд ли приведет к каким-либо практическим результатам. Но в этих указаниях, по мнению совета, не настоит, казалось бы, и надобности. Коль скоро в точности соблюдаться будет правило о привлечении к ответственности зачинщиков и подстрекателей, то тем самым в значительной степени достигнуто будет оздоровление рабочей среды.

В заключение совет министров не может не остановиться еще на одной стороне обсуждаемого вопроса, бесспорно заслуживающей самого серьезного внимания. Как известно, возникают забастовки преимущественно на почве неудовлетворения предъявляемых рабочими к работодателям экономических требований и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из наиболее действительных средств к предупреждению забастовок являлось бы более отзывчивое отношение к указанным требованиям, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым ныне вздорожанием жизни.

О таковых суждениях своих совет министров положил уведомить главных начальников заинтересованных ведомств для сведения и зависящих, в чем следовать будет, распоряжений.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

Представление министра внутренних дел Н. А. Маклакова председателю совета министров В. Н. Коковцову с приложением циркуляра департамента полиции о мерах борьбы с рабочим движением от 20 сентября 1913 г., № 21011 [1].

Милостивый государь, Владимир Николаевич.

Совет министров, обсуждая в заседании 8 августа сего года меры для борьбы с рабочими забастовками, указал, между прочим, на необходимость неуклонного, в пределах разумной осмотрительности, возбуждения судебного преследования против забастовщиков, виновных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях, а также более отзывчивого отношения к экономическим требованиям рабочих, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются вздорожанием жизни.

Вследствие сего имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что еще до обсуждения в совете министров упомянутого вопроса министерством внутренних дел, как изволите усмотреть из копии циркуляра его от 28 июля сего года за № 18769, были даны губернским властям указания, вполне соответствующие мерам, рекомендованным советом министров в означенном заседании.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

Н. А. Маклаков.

Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру от 28 июля 1913 г., № 18769 [2].

Непрекращающееся забастовочное движение среди фабрично-заводских рабочих, распространяясь постепенно из С.-Петербурга на другие местности империи, побуждает меня обратить самое серьезное внимание вашего превосходительства на необходимость принятия ныне же мер к прекращению начавшихся забастовок и к устранению поводов и причин к их возникновению в тех фабриках и заводах, которые еще не охвачены забастовкою.

Как известно, очагами забастовочного движения обыкновенно являются те предприятия, в которых, по тем или иным обстоятельствам, условия труда и вознаграждения рабочих оказываются более тягостными и неравномерными, чем в других предприятиях. Посему и ввиду имеющихся сведений о крайне разнообразных условиях труда в однородных предприятиях, необходимо прежде всего при посредстве

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, л. 38.
[2] Там же, лл. 39—40.

органов фабричной инспекции и полиции установить действительное и постоянное наблюдение в этом отношении за фабрично-заводскими предприятиями и в случае обнаружения в них значительных уклонений от средней нормы оказать возможное воздействие на фабричную администрацию, дабы она, не ожидая предъявления требований на этой почве со стороны рабочих, сама озаботилась бы урегулированием, по соответствию с другими однородными предприятиями, условий расценки, рабочей платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Для успешности действия мер, направленных к предупреждению и подавлению забастовочного движения, непременным условием является своевременность принятия их и соответствие этих мер с действительными причинами забастовки, которые не всегда совпадают с формальными требованиями рабочих. Ближайшая и непременная обязанность следить за настроением рабочих и быть в курсе всех условий и вопросов местной рабочей жизни лежит на чинах полиции, содержимых в каждом почти крупном предприятии за его счет. Поэтому они, под угрозой строгого взыскания, а при отсутствии их местная полиция, обязаны при первых же признаках волнения среди рабочих доводить об этом до сведения губернского начальства и фабричной инспекции с указанием действительных причин и инициаторов начинающегося движения.

Дальнейший порядок действий должен быть выработан под руководством губернского начальства и с соблюдением при этом строгой планомерности и солидарности всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка. Отдельные выступления органов фабричной инспекции и заводской администрации могут быть допускаемы лишь с ведома и разрешения вашего превосходительства и только в том случае, если они находятся в соответствии с принятым планом. При этом в особенности следует наблюдать, чтобы взыскания, налагаемые на рабочих, были строго согласованы с существующими правилами, определялись на общих для всех основаниях и — раз наложенные — ни в коем случае не подвергались бы сложению.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены в ст. ст. 1359^3—1359^8 Улож. о наказаниях и относятся к забастовкам на железных дорогах, казенных и частных, телефонах общего пользования, кроме правительственных, и вообще на всех предприятиях, приостановление или прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства или же создает опасность общественного бедствия. При этом, по разъяснению правительствующего сената от 30 ноября 1910 г., действию ст. ст. 1359^3—1359^8 Улож. о наказаниях подлежат также забастовки на всех технических артиллерийских заведениях и на всех заведениях военного ведомства, ибо они, служа для изготовления предметов довольствия войск, тесно связаны с целями государственной обороны, а потому стачки на них угрожают безопасности государства. Таким образом забастовки в означенных заведениях признаются подлежащими действию ст. ст. 1359^3—1359^8 не в силу принадлежности их военному ведомству, а исключительно лишь потому, что на них производится заготовление предметов военного снаряжения. Это указание правительствующего сената в связи с редакцией самого закона, в котором прямо оговорено о распространении его действия и на част-

повладельческие предприятия, подходящие под признаки ст. 1359[3] Улож. о наказаниях, дает основание к выводу, что в предприятиях, изготовляющих предметы военного снаряжения по заказам военного ведомства, подстрекатели, зачинщики и руководители забастовок, виновные в преступлениях, предусматриваемых ст. ст. 1359[3]—1359[8], подлежат ответственности по упомянутому закону.

Признавая уголовную репрессию по тому впечатлению, которое она производит на рабочих, весьма действительным средством для борьбы с забастовочным движением, я прошу ваше превосходительство при возникновении забастовок в упомянутых выше предприятиях озаботиться применением в надлежащих случаях ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях, о чем, для предупреждения рабочих, следовало бы заблаговременно вывесить объявление. Но дабы не подрывать значения этой меры неосновательным привлечением к судебной ответственности, необходимо предварительно собрать вполне основательные фактические данные и затем, выяснив, по соглашению с прокурорскою властью, достаточность их для обвинения, привлекать к ответственности лишь действительных зачинщиков и руководителей забастовок, избегая случаев массового судебного преследования. При этом в целях скорейшего рассмотрения судом дела необходимо более тщательное производство по означенным делам дознаний, дабы таковые могли быть направлены прокурорским надзором в суд в порядке 545 ст. уст. уг. судопроизводства.

Если все средства для улажения забастовки окажутся безуспешными и заводоуправление объявит о расчете рабочих, то необходимо настоять, чтобы расчет был обязательно произведен в установленный срок, а по истечении его заработная плата всех рабочих, не явившихся за расчетом, должна быть сдана в депозит подлежащего судебного учреждения. При соблюдении этих условий все рабочие считаются выбывшими из предприятия. После чего, как безработные, принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, они должны быть подчинены самому строгому наблюдению со стороны органов местной полиции.

Рекомендуя вашему превосходительству приведенные меры, как наиболее действительные по указаниям опыта для борьбы с забастовочным движением, я отнюдь не имею в виду однако исчерпать все те средства, которые могут быть применены для наиболее успешного и быстрого воздействия на забастовщиков. Выбор того или другого из них, находясь в зависимости от местных условий и особенности данного случая, предоставляется усмотрению вашего превосходительства. Но главным и необходимым условием для успешности их, как указано уже выше, является полная осведомленность администрации о бытовых условиях и действительных причинах забастовки, выяснение агитаторов и, наконец, планомерность и своевременность принимаемых мер.

Об изложенном имею честь сообщить вашему превосходительству для руководства.

За министра внутренних дел, товарищ министра, свиты его величества генерал-майор Джунковский.

Секретная записка министерства внутренних дел об учреждении примирительных судов для разбора споров между работодателями и рабочими и о выработке уголовных норм для преследования зачинщиков и агитаторов политических забастовок от 14 октября 1913 г., № 21775[1].

Совет министров в заседании 8 августа сего года, обсуждая причины развития забастовочного движения среди фабрично-заводских рабочих и меры к предупреждению и прекращению забастовок, между прочим, указал, что забастовки возникают преимущественно на почве неудовлетворения предъявленных рабочими к работодателям экономических требований и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из наиболее действительных средств к предупреждению забастовок являлось бы более отзывчивое отношение к означенным требованиям, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым ныне вздорожанием жизни.

Приняв к руководству вышеприведенные указания совета министров, министр внутренних дел обязывается заметить, что мероприятия, принимавшиеся вверенным ему ведомством, вполне соответствуют направлению, рекомендованному советом министров. Так еще в июле месяце сего года министерством внутренних дел в сношениях с министерствами военным, морским и торговли и промышленности, а также в циркуляре губернским властям от 28 июня сего года за № 18769 было обращено внимание на то обстоятельство, что очагами забастовочного движения обыкновенно являются те предприятия, в которых по тем или иным обстоятельствам условия труда и вознаграждения рабочих оказываются более тягостными и неравномерными, чем в других предприятиях. Посему и в виду имеющихся сведений о крайне разнообразных условиях труда в однородных предприятиях, министерство признало необходимым при посредстве органов фабричной инспекции и полиции установить действительное и постоянное наблюдение в этом отношении за фабрично-заводскими предприятиями и, в случае обнаружения в них значительных уклонений от средней нормы, оказать возможное воздействие на фабричную администрацию, дабы она озаботилась урегулированием, по соответствию с другими однородными предприятиями, условий расценки, рабочей платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Озабочиваясь дальнейшим развитием мероприятий по борьбе с забастовками в предуказанном советом министров направлении, министр внутренних дел считает необходимым прежде всего остановиться на исследовании, по фактическим данным, причин замечаемого ныне развития забастовочного движения. По общераспространенному мнению, разделяемому, как видно из журнала совета министров от 8 августа, и министром торговли и промышленности, частое возникновение забастовок в данное время объясняется переживаемым ныне периодом оживления промышленной деятельности, которым пользуются рабочие для усиленного предъявления к работодателям экономических требований. Признавая и с своей стороны, что указанное обстоятельство имеет некоторое значение для развития забастовочного движения, министр внутренних дел обязывается однако же заметить, что недора-

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 42—54.

зумения между рабочими и хозяевами, как это устанавливается имеющимися в департаменте полиции сведениями, нередко возникают не только в силу неумеренных требований рабочих, но и по вине самих же работодателей. Так в январе месяце на фабрике Общества российской бумагопрядильной мануфактуры в С.-Петербурге вспыхнула забастовка вследствие понижения расценок. По той же причине — понижения заработка — забастовали рабочие Товарищества новой бумагопрядильни, машиностроительного и прицельного завода Айваза и других предприятий в С.-Петербурге. Рабочие канатной фабрики «Нева», получая по 60—70 коп. в день, потребовали прибавки на 10 коп. и, получив отказ, прекратили работы. В апреле месяце на заводе Лесснера в С.-Петербурге рабочие, по случаю самоубийства рабочего, который был заподозрен в краже мастером, потребовали удаления этого мастера, обвиняя его, кроме того, вообще в грубом и придирчивом отношении; но администрация отказала в удовлетворении этого требования и это послужило причиною продолжительной забастовки не только на этом, но и на другом заводе того же владельца. В снарядо-запалочной мастерской Обуховского сталелитейного завода рабочие получали, сверх урочной платы, премии, которые являлись существенным подспорьем к их содержанию. Но в настоящем году выдача премий заводоуправлением была отменена, и когда вследствие этого рабочие прекратили работы, то им был объявлен расчет с тем, что желающие из них будут приняты вновь на работы лишь после медицинского освидетельствования, установленного для приема новых рабочих. Все остальные рабочие, собравшись на работы, обратились с просьбой к начальнику завода о принятии рассчитанных рабочих без медицинского освидетельствования, при котором, несомненно, были бы забракованы многие из них, растратившие свои силы и здоровье на этом же заводе; когда в этом было отказано, то рабочие объявили общую забастовку.

Иногда поводы к забастовке намеренно создаются самими фабрикантами, которые, тяготясь уступками, сделанными ими в прежнее время рабочим, рассчитывают произвести новый набор их на других, более выгодных для себя условиях. Наконец, бывают случаи, когда забастовка вызывается заводовладельцем, предвидящим невозможность выполнить принятые на себя обязательства, дабы этим путем оправдать свою неисправность перед контрагентами. Примером подобного рода может служить забастовка на заводе Общества Николаевских заводов и верфей, которая была вызвана намеренными притеснениями рабочих со стороны заводоуправления, дабы этим снять с себя ответственность за просрочку при постройке кораблей.

В последнее время петербургские фабриканты и заводчики возбудили вопрос об организации локаута, дабы объединить свои действия в борьбе с притязаниями рабочих и понудить их на уступки угрозою лишить упорствующих заработка на всех входящих в локаут предприятиях.

Оставляя в стороне забастовки, поводы к которым создаются с той или другой стороны искусственно по посторонним побуждениям или же по причинам политического характера, необходимо заметить, что в большинстве других случаев первоначальными причинами возникновения забастовок являются какие-либо недоразумения на экономи-

ческой почве со стороны небольшой сравнительно группы рабочих. В первое время мирное разрешение вопроса на почве взаимных уступок казалось бы весьма возможным. Но стороны упорствуют; к рабочим, заявившим претензию, примыкают, в силу солидарности, новые цеховые группы; требования рабочих обобщаются и разрастаются, возникают столкновения; агитация органов прессы и революционных кружков усиливает взаимное ожесточение и упорство. Таким образом наступает период, когда разрешение спора по добровольному соглашению оказывается уже невозможным и уступки для прекращения забастовки делаются лишь вынужденно, под угрозою, с одной стороны, полного расстройства дела, а с другой — нищеты и голода. Но насильственный характер этих уступок исключает возможность полного примирения сторон, и столкновение прекращается лишь до первого удобного случая.

Замечаемое в последние годы развитие забастовок, вспыхивающих внезапно иногда по самым ничтожным поводам и захватывающих с чрезмерною быстротою обширные районы с десятками тысяч рабочих, несомненно, является крупнейшим злом современной промышленной жизни. Но независимо от сего, переживаемое ныне забастовочное движение имеет еще более угрожающее общественное значение в том отношении, что оно развивает вражду и ожесточение между предпринимателями и рабочими, объединяет рабочих на почве непримиримого отношения к существующему государственному и общественному строю и, таким образом, создает среди рабочих готовые кадры для пополнения революционных партий. Под влиянием агитаторов и печатных органов социал-демократической прессы, при нравственной и материальной поддержке различных рабочих кружков, среди рабочих в последнее время устанавливается такая согласованность действий, которая указывает на их тесную сплоченность и организованность. Места бастующих объявляются под бойкотом, поступающие на них со стороны рабочие подвергаются ожесточенным преследованиям и вытесняются с работ. Заказы на бастующих фабриках и заводах также объявляются под бойкотом, и всякое предприятие, которое приняло бы их на себя, рискует забастовкою среди рабочих.

В виду изложенного, признавая изыскание целесообразных мер для предупреждения забастовок вопросом настоятельной государственной необходимости и руководствуясь указаниями, преподанными по сему предмету в журнале заседания совета министров 8 августа сего года, министр внутренних дел остановился на мысли о необходимости учреждения такого органа, который, обладая достаточной авторитетностью и компетентностью в разрешении вопросов рабочей жизни, имел бы своею обязанностью наблюдать за взаимными отношениями предпринимателей и рабочих, устранять поводы к взаимным претензиям при самом начале или же еще до возникновения их и приводить к мирному соглашению споры между рабочими и хозяевами. Вопрос этот давно уже является проблемою действующих законодательств Западной Европы. Пытаясь найти способы для улажения взаимных недоразумений еще до обострения их, западно-европейские государства — Франция, Бельгия, Англия, Германия, Австрия и др. — установили с прошлого столетия специальные учреждения для решения споров между хозяевами и рабочими. Они состоят из лиц, избираемых

в равном количестве из среды предпринимателей и рабочих. Председатель назначается обыкновенно правительственною властью, а иногда, как напр. в Италии, избирается из своей среды выборными членами. Преимущество означенных учреждений пред общими судами заключается в том, что они стоят ближе к сторонам и обладают необходимыми профессиональными знаниями и техническою опытностью для решения споров. Но они имеют и существенные недостатки. Первым из них является крайняя трудность решения дела, когда стороны ожесточены и самое дело затрагивает насущные интересы спорящих сторон. В таких случаях, при невозможности примирения мнений членов суда с обеих сторон, решение принадлежит единоличной власти председателя, что не дает достаточных гарантий беспристрастия и справедливости и подрывает авторитетность решения. Вторым недостатком является отсутствие принудительной власти. Несмотря на важное значение забастовок для общественно-экономической жизни, нельзя принудить спорящие стороны, при отказе хотя бы одной из них, обратиться к суду. Равным образом в распоряжении суда не имеется также средств и для приведения своего приговора в исполнение. Таким образом функции специальных судов сводятся лишь к примирительному разбирательству при взаимном согласии спорящих сторон. Тем не менее деятельность их имела значительное влияние на устранение недоразумений между фабрикантами и рабочими. Так во Франции с 1893 года по 1901 год было таким путем ликвидировано 478 споров по рабочим договорам.

Введение соответствующего института в России, несомненно, имело бы весьма существенное влияние на уменьшение числа рабочих забастовок. Обращаясь к вопросу о составе учреждений по разбору споров между хозяевами и рабочими, следует иметь в виду, что по действующему закону общий местный надзор за соблюдением на фабриках и заводах благоустройства и порядка, как внутреннего, так и внешнего, и принятие мер против его нарушения принадлежит губернской власти. Наблюдение за внутренним благоустройством и распорядком в означенных предприятиях лежит исключительно на органах фабричной инспекции, а надзор за наружным порядком и благочинием — на чинах полиции и отдельного корпуса жандармов. Таким образом по существу своих служебных функций наиболее заинтересованными в нормальном течении рабочей жизни и наиболее осведомленными в условиях ее являются на местах органы министерства внутренних дел и торговли и промышленности, которые и ныне принимают ближайшее участие к выяснению взаимных отношений между фабрикантами и рабочими и к устранению возникающих между ними недоразумений. Но действия их не отличаются должною согласованностью и нередко страдают односторонним освещением фактов, что отражается и на целесообразности мероприятий, принимаемых каждым в отдельности ведомством для устранения недоразумений среди рабочих.

Признавая существенно важным ввести объединяющее начало в действия местных представителей означенных ведомств и вместе с тем создать авторитетное и вполне компетентное учреждение для разрешения недоразумений между фабрикантами и рабочими во всех сферах фабрично-заводской жизни, министр внутренних дел полагал бы организовать его в составе губернатора или градоначальника в качестве

председателя, и членов: старшего или участкового фабричного инспектора и члена окружного суда, участие которого в коллегии представлялось бы желательным в интересах правильного освещения юридической стороны рассматриваемых дел.

Что же касается участия в составе суда выборных от заинтересованных сторон, то таковое, по мнению министра внутренних дел, не имело бы полезного значения для дела, ибо противоположность преследуемых ими интересов едва ли допускала бы возможность взаимного соглашения. Таким образом, при равенстве их голосов, они взаимно исключали бы друг друга, а между тем участие их вносило бы нежелательную горячность в прения в ущерб беспристрастности и справедливости разрешения дел. Поэтому министр внутренних дел полагал бы более соответственным допускать к участию при разборе дел заинтересованные стороны в лице владельца предприятия или его поверенного и уполномоченных от рабочих того же предприятия лишь для дачи показаний. Затем для всестороннего рассмотрения условий дела и в особенности технических особенностей, специально свойственных каждому роду производства, было бы полезно, по мнению министра внутренних дел, предоставить суду приглашать сведущих лиц.

В видах своевременного устранения поводов к недоразумениям представлялось бы желательным предоставить проектируемому суду, применительно к функциям одного из его членов — фабричного инспектора, входить в обсуждение условий фабричной жизни и принимать меры, в пределах действующих законов, для устранения тех или иных нежелательных явлений по собственной инициативе, помимо заявления заинтересованных сторон.

Проектируемое учреждение послужило бы авторитетным источником для всестороннего и беспристрастного освещения обстоятельств, вызвавших недоразумение между рабочими и предпринимателями. Открытое исследование дела и оглашение всех причин и виновников недоразумений посодействует, во-первых, принятию действительных мер для их устранения, а во-вторых, парализует значение тенденциозных слухов, распускаемых в целях агитации и для возбуждения общества. Кроме того опасение суда общественного мнения побудило бы и спорящие стороны соблюдать сдержанность и избегать действий и требований, явно необоснованных и несправедливых. Наконец, сведения, получаемые таким путем, явятся ценным орудием для власти, как беспристрастное объяснение причин, послуживших для тех или иных ее мероприятий, и как материал для опровержения сенсационных обвинений и запросов, которыми пользуются оппозиционные круги в своих партийных интересах. С точки зрения министерства внутренних дел учреждение примирительных камер имело бы особо важное значение, во-первых, как средство для обезоружения революционных партий, которые пользуются ныне всякими поводами, чтобы раздуть волнение среди рабочих и побудить их к объявлению стачки; во-вторых, этим путем возможно было бы избежать, хотя отчасти, применения административных репрессий, к которым приходится ныне прибегать, как к неизбежному, хотя и крайнему, средству для подавления рабочего движения.

Хотя практика европейских государств доказывает целесообразность и жизнеспособность примирительных судов для рабочих и работода-

телей, но министр внутренних дел полагал бы более осторожным первый опыт введения подобных учреждений в России провести в административном порядке; лишь затем, применяясь к выработанным практикою данным, внести соответствующий законопроект в законодательные установления. При таком условии представлялось бы соответственным ограничиться на первое время учреждением примирительных камер лишь в наиболее крупных промышленных центрах, С.-Петербурге и Москве.

Полагая полезным установление намеченных учреждений для мирного разрешения недоразумений, возникающих между рабочими и их хозяевами на экономической почве, министр внутренних дел не может вместе с тем не остановиться на вопросе об изыскании действительных средств для борьбы с забастовками политического характера. Действующее законодательство представляет существенный пробел в том отношении, что им предусматривается уголовная ответственность для зачинщиков и подстрекателей к забастовкам лишь в предприятиях, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства или же создает опасность общественного бедствия (ст. ст. 1359[3]—1359[8]). Между тем подстрекательство к забастовкам на почве предъявляемых протестов и требований политического характера, несомненно, является преступлением против государственного порядка и управления. Но признаки таковых деяний оказываются неуловимыми по существующим нормам уголовного уложения, что делает крайне затруднительным для правительства борьбу с политическими забастовками, вынуждая его или оставлять безнаказанными главных виновников, не взирая на опасность влияния их на своих товарищей, или же, в особо важных случаях, подвергать их репрессиям административного порядка. В виду сего представлялось бы, по мнению министра внутренних дел, соответственным выработать законопроект об установлении уголовной кары для агитаторов и зачинщиков за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих не из законных и справедливых экономических интересов их, а из побуждений политического и революционного характера. Установление такого закона наряду с введением судов для разбора споров между фабрикантами и рабочими весьма облегчило бы деятельность правительства по борьбе с забастовками, так как при разборе дела в означенных судах выяснились бы действительные причины возникновения забастовки и, тогда, при наличности политических побуждений, возможно было бы передать дело уголовному суду для привлечения виновных к ответственности.

По изложенным основаниям, признавая установление карательных норм для агитаторов и зачинщиков политических забастовок и учреждение примирительных судов на проектируемых основаниях наиболее действительными средствами для ослабления забастовочного движения, министр внутренних дел полагал бы соответственным ввести в виде опыта означенные суды в административном порядке в городах С.-Петербурге и Москве; для выработки же законопроекта о привлечении к уголовной ответственности зачинщиков и агитаторов политических забастовок образовать особое междуведомственное совещание.

Представляя об изложенном на уважение совета министров, министр внутренних дел обязывается присовокупить, что законопроект об

учреждении упомянутых выше примирительных судов будет внесен им впоследствии, на основании выработанных практикою данных, и по обсуждении его в особом междуведомственном совещании из представителей министерств внутренних дел, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, юстиции, военного и морского.

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков.

Особый журнал совета министров об образовании междуведомственного совещания по вопросу о забастовках рабочих от 24 октября 1913 г.[1].

Усилившиеся за последнее время во многих местностях империи забастовки фабрично-заводских рабочих не могли не привлечь серьезного внимания государственной власти к этому печальному явлению, вносящему тяжелые замешательства в торгово-промышленную жизнь страны, причиняющему существенный ущерб народному хозяйству в его целом, а, в частности, самому рабочему классу, и замедляющему даже успешную подготовку нашей государственной обороны, ибо нарушается правильная работа предприятий, обслуживающих потребности армии и флота. Наряду с этим, необходимо иметь в виду, что возбуждение среди рабочего населения забастовок и стачек является очень часто делом подпольной агитации революционных партий и служит видимым проявлением подъема революционного движения.

Понятно, что при объясненных условиях забастовки и стачки не могут уже рассматриваться как чисто экономические явления и требуют особо бдительного к себе отношения со стороны государственной власти в качестве показателя направления и силы противогосударственной деятельности стоящих за ними революционных кружков. При этом наблюдения за возникновением такого рода забастовок указывают, что они начинаются сплошь и рядом по самым ничтожным поводам, часто не имеющим ничего общего с реальными интересами рабочего люда, продолжаются значительно дольше, чем это было бы возможно, если бы рабочие не пользовались стороннею поддержкою, и быстро распространяются по обширным, друг от друга отдаленным, районам в зависимости от строгой согласованности действий забастовщиков на почве профессиональной организованности и материальной среди них взаимопомощи.

Вопрос о борьбе с обострившимся в течение минувших летних месяцев стачечным движением был уже предметом суждения совета министров в заседании 8 августа 1913 года, в связи с заявленными министром внутренних дел предположениями относительно необходимых в указанном направлении мероприятий. По существу этого вопроса совет министров нашел, что действующий уголовный закон (Улож. о наказаниях, ст.ст. 1359[3]—1359[8], по прод. 1906 г.) не вооружает в достаточной степени государственную власть для борьбы с рабочими забастовками, так как устанавливает уголовную кару не за самые забастовки, а лишь за возбуждение к ним рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к прекращению работ других рабочих и за участие в сообществе,

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 103—111.

направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, что подтверждено решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года, за № 20, исключительно в предприятиях, прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Так как однако пересмотр законодательных постановлений требует всестороннего предварительного соображения и обширных подготовительных работ, то он не мог бы последовать в ближайшем будущем, а, следовательно, приходится пока ограничиваться распорядительными мероприятиями на почве существующего закона. В этом порядке действий совет министров признал особливо серьезное значение за неуклонным, в пределах разумной осмотрительности, возбуждением судебного преследования против забастовщиков во всех соответствующих признакам вышеприведенных статей закона случаях. Только при повсеместном, однообразном соблюдении означенного правила в сознании рабочих укоренится уверенность, что виновные в подстрекательстве к забастовкам всегда несут заслуженное наказание, а с тем вместе не мало облегчится и задача административной власти по предупреждению и прекращению забастовок.

Труднее осуществимым представляется, по мнению совета, намечавшееся министерством внутренних дел удаление заводоуправлениями из предприятий вредных среди рабочих элементов, способствующих возникновению забастовок, ибо применение сей меры ведет нередко к озлоблению рабочих и к дальнейшему усилению стачек. Притом же нельзя не согласиться с заявлением тайного советника Тимашева, что самое преподание особых по сему предмету указаний, по крайней мере, частным заводоуправлениям, едва ли удобоисполнимо и вряд ли приведет к каким-либо практическим результатам. Но в этих указаниях не настоит, казалось бы, и надобности. Коль скоро будет в точности соблюдаться правило о привлечении к ответственности зачинщиков забастовки, то тем самым достигнется в значительной степени и оздоровление рабочей среды. В заключение, совет министров отметил еще, что, как известно, многие забастовки возникают на почве неудовлетворения экономических требований рабочих и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из весьма серьезных средств для предупреждения забастовок являлось бы более отзывчивое отношение хозяев заводских предприятий к предъявляемым рабочими требованиям, поскольку последние оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым вздорожанием жизни.

Озабочиваясь дальнейшим развитием мероприятий по борьбе с забастовками в предначертанном советом министров направлении, министр внутренних дел вошел ныне в названный совет с представлением, в коем высказался за необходимость учреждения примирительных камер для разбора споров между работодателями и рабочими и пересмотра уголовных норм, карающих за возбуждение забастовок. В своем представлении по настоящему делу гофмейстер Маклаков указал, что, хотя участившиеся за последнее время вспышки стачечного движения объясняются отчасти стремлением рабочих использовать нынешний период оживления отечественной промышленности для материального улучшения своего быта, тем не менее существуют, без сомнения,

и другие причины, влияющие на обострение отношений между хозяевами и рабочими. При этом в некоторых случаях, как установлено наблюдениями департамента полиции, причины подобных недоразумений лежат даже не в неумеренных требованиях рабочих, а в неправильном отношении к делу работодателей. Так например известны случаи, когда поводы к забастовке создаются самими фабрикантами, желающими почему-либо сократить размеры своего производства или распустить прежних рабочих и произвести набор новых на более выгодных для фабрики условиях. Равным образом, не составляет тайны, что недобросовестные предприниматели, предвидящие невозможность выполнить принятые на себя срочные обязательства, прибегают иногда к искусственному возбуждению забастовок, дабы оправдать ими свою неисправность перед заказчиками. Наконец, весьма нередко даже политические забастовки возникают первоначально из-за каких-либо недоразумений на экономической почве. Поэтому в первое время по возникновении таких забастовок мирное разрешение их путем взаимных уступок представляется подчас легко достижимым. Но, к сожалению, во многих случаях возможность применения упускается за отсутствием достаточно авторитетных органов, которые могли бы взять на себя улажение происшедших недоразумений; тем временем положение обостряется: рабочие, с одной стороны, и работодатели, с другой — упорствуют в заявленных ими требованиях; к возбудившим претензию рабочим примыкают в силу солидарности новые цеховые группы, домогательства рабочих разрастаются и затем начинаются уже столкновения между администрацией завода и рабочими, а также в среде самих рабочих, под влиянием агитации левых органов печати и революционных кружков, стремящихся подогреть недовольство забастовщиков для подготовки в лице ожесточенной рабочей массы революционной армии. Дальнейшее течение такой забастовки происходит обыкновенно под непосредственным воздействием противоправительственных организаций, становящихся закулисными, а иногда и явными, руководителями забастовочного движения: бастующие рабочие сплачиваются в отдельные группы, связанные строжайшею партийною дисциплиною, места бастующих объявляются под бойкотом, решившиеся поступить на них рабочие (штрейкбрехеры) подвергаются преследованиям и вытесняются с работ; заказы на бастующих фабриках и заводах также провозглашаются состоящими под запретом, и всякое предприятие, которое приняло бы их, рискует забастовкою своих рабочих. В конце концов наступает время, когда разрешение спора по добровольному соглашению оказывается уже невозможным, и уступки для ликвидации стачки делаются лишь вынужденно, под угрозою, с одной стороны, полного расстройства предприятий, а с другой, нищеты и голода. Естественно, что вынужденное соглашение не может быть прочным, и распря возобновляется при первом удобном случае.

Изложенные наблюдения над обычным ходом забастовок, в связи с взаимоотношениями между хозяевами и рабочими, приводят министра внутренних дел к убеждению в необходимости принятия таких мер, которые обеспечивали бы как своевременное устранение поводов к забастовкам и предотвращение дальнейшего их обострения, так и возможность, при начавшейся уже забастовке, достигнуть мирного соглашения между спорящими сторонами. Вопрос этот давно составляет

предмет изучения и забот правительственной власти в западно-европейских государствах, причем во многих из них, в том числе во Франции, Бельгии, Англии, Германии и Австрии, имеются уже особые учреждения для мирного улажения возникающих между хозяевами и рабочими споров. Такого рода примирительные организации образуются из лиц, избираемых в равном количестве фабрикантами и рабочими, под председательством лица, назначаемого правительством или же, как например в Италии, избираемого самою коллегиею. Хотя этим организациям, носящим характер примирительных третейских судов, и не присваивается принудительной власти, все же они оказывают весьма благотворное влияние в смысле смягчения забастовочного движения. Останавливаясь на предположении создать однородные учреждения и в нашем отечестве, министр внутренних дел полагает, что в условиях русской жизни осторожнее было бы не вводить в такого рода примирительные камеры выборных от фабрикантов и рабочих, а организовать их исключительно в составе правительственных чинов, из представителей фабричной инспекции, губернской администрации, а также полиции и чинов отдельного корпуса жандармов, с предоставлением означенной коллегии права приглашать для разъяснения разбираемых вопросов представителей спорящих сторон и сведущих лиц. Кроме того, для правильного освещения означенных вопросов с юридической стороны полезно было бы привлечь к участию в примирительных камерах чинов министерства юстиции. В соответствии с этим, состав проектируемых учреждений слагался бы из губернатора или градоначальника, в качестве председателя, и членов: старшего или участкового фабричного инспектора и члена окружного суда. Наряду с функциями примирительно-судебного свойства, на названные камеры надлежало бы возложить, по мнению министра внутренних дел, обязанность входить в обсуждение условий рабочего быта и принимать меры, в пределах действующего закона, к устранению тех или иных нежелательных явлений фабричного быта по собственному почину, независимо от заявлений заинтересованных сторон.

Придавая устройству примирительных камер во всех фабрично-заводских районах существенно важное значение, как одному из наилучших способов улажения экономических забастовок без применения административных репрессий, гофмейстер Маклаков предполагал бы первый опыт введения подобных учреждений ограничить наиболее крупными промышленными центрами, а именно обеими столицами, осуществив эту меру сначала в административном порядке, дабы практика применения ее дала все необходимые данные для последующего уже законодательного урегулирования означенного весьма сложного вопроса.

В заключение министр внутренних дел счел себя обязанным отметить, что в борьбе со стачками явно политического характера какие-либо примирительные коллегии не могут принести пользы и для противодействия подобным стачкам нужны иные меры полицейского и уголовно-репрессивного свойства. Между тем наше законодательство по этой части страдает, как это признано и советом министров (особ. жур. сов. мин. 8 авг. 1913 г.), неполнотою и требует безотлагательного пересмотра в целях установления уголовной кары за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих

не из экономических интересов, а из побуждений политического характера. Работу эту следовало бы, по мнению гофмейстера Маклакова, поручить междуведомственному совещанию из представителей министерств: внутренних дел, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, юстиции, военного и морского.

Сообразив вышеизложенное и вполне оценивая всю важность возбужденных министром внутренних дел предположений, затрагивающих один из серьезнейших вопросов современной жизни, совет министров и с своей стороны полагал, что чрезвычайно участившиеся за последние годы забастовки в среде фабрично-заводских рабочих заслуживают самого пристального внимания правительства, как признак известного неустройства в области промышленного труда и тревожный показатель усиливающейся деятельности революционных организаций. Собранные министерством торговли и промышленности сведения о числе и причинах забастовок указывают, что количество их определялось за 1910 год в 222, за 1911 — в 466 и за 1912 год — в 2 032, при 46 623, 105 110 и 725 491 бастовавших рабочих и 256 385, 791 063 и 2 875 606 потерянных рабочих днях; при этом по характеру этих забастовок они за тот же период распределяются следующим образом: экономические — 214, 442 и 732, при 42 846, 96 730 и 175 678 бастовавших рабочих, а политические — 8, 24 и 1300, при 3 777, 8 380 и 549 813 забастовавших рабочих. Что же касается 1913 года, то за первые восемь месяцев (январь—сентябрь) общее число забастовок достигло 1 671, при 678 564 бастовавших и 3 131 218 потерянных днях, причем на экономические забастовки приходится 910 случаев, при 299 198 забастовщиках и 2 694 250 днях и на политические — 761 случай, при 379 366 забастовщиках и 436 968 потерянных днях. Подробные данные о забастовочном движении в сентябре текущего года имеются относительно фабрично-заводских предприятий, подчиненных фабричной инспекции. Из общего числа таковых предприятий (17 356) стачечное движение охватило 253 предприятия, в которых произошло 256 забастовок с 85 671 участником, причем преобладающая часть забастовок (71,4%) и бастовавших рабочих (81,2%) падает на политические забастовки, главнейшими мотивами которых являлись: недовольство рабочих преследованием администрацией рабочей прессы за статьи революционного содержания, сочувствие забастовке служащих московского трамвая (С.-Петербургская и Московская губернии) и неразрешение общих собраний рабочих для обсуждения проектов уставов больничных касс (Эстляндская губерния). По напряженности забастовочного движения первое место занимает С.-Петербургская губерния (49,3% общего числа бастовавших рабочих), затем следует Московская губерния (27,2%); на эти же губернии приходится наибольшее количество забастовок явно политического характера. Приведенные данные убеждают совет министров, что забастовочное движение действительно растет в угрожающих размерах, все более и более принимая политическую окраску. Наряду с этим обнаруживается, что по количеству потерянных рабочих дней политические стачки менее длительны, чем экономические, но по числу примыкающих к ним рабочих более интенсивны. При изъясненных обстоятельствах принятие решительных и последовательно проводимых мер к предупреждению еще большего усиления забастовочных выступлений является настоятельнейшею за-

дачею государственной власти, вызываемою не только заботою об ограждении нашей промышленности, но основною обязанностью правительства охранять порядок и безопасность в государстве. Наконец, меры эти необходимы и в интересах самого рабочего населения, в огромном большинстве своем являющегося лишь слепым орудием в руках своих вожаков и противоправительственных партий, стремящихся при посредстве безработной, обнищавшей и озлобленной рабочей массы достигнуть своих политических целей.

Относясь поэтому с полным сочувствием к заявленным министром внутренних дел предположениям, направленным, с одной стороны, к мирному улажению недоразумений между хозяевами и рабочими, а с другой — к оздоровлению рабочей среды изъятием из нее вредных элементов, совет министров нашел, что проектированные в осуществление этих предположений практические меры требуют еще подробного и внимательного рассмотрения, в связи со всеми имеющимися в министерстве торговли и промышленности данными по рабочему вопросу. Против такого направления дела не возражал и гофмейстер Маклаков, заявив, что от передачи проекта учреждения примирительных камер на обсуждение междуведомственного совещания под авторитетным руководительством министра торговли и промышленности он ожидал бы лишь пользы для дела. Тому же совещанию следовало бы, по мнению министра внутренних дел, поручить и вышеотмеченный пересмотр наших уголовных законов, касающихся рабочих забастовок.

Одобряя вследствие сего мысль об образовании означенного совещания, совет министров полагал, что по важности подлежащего рассмотрению совещания вопроса занятия его не должны быть ограничиваемы разбором лишь тех предположений, на которых остановилось министерство внутренних дел в представленной в совет министров записке. Направление и объем работ совещания будут зависеть, ближайшим образом, от самого министра торговли и промышленности, связываемого лишь конечною целью совещания, задачею коего ставится изыскание мер для противодействия забастовкам рабочих. Так например, в совещании этом полезно было бы, наряду с вопросом о примирительных камерах и о пересмотре действующих уголовных законов, карающих в некоторых случаях зачинщиков забастовок, подвергнуть тщательному исследованию также и гражданские законы, касающиеся договора найма. В настоящее время забастовки не являются обстоятельством, прекращающим помянутый договор, в виду чего предприниматель остается в договорных отношениях со своими бастующими рабочими, хотя бы они решительно отказывались от возобновления работ и предъявляли самые неумеренные требования. Очевидно, такое положение представляется ненормальным. В министерстве торговли и промышленности разрабатываются уже предположения о том, чтобы признать неявку к работе в периоды стачек законным поводом к расторжению договорных обязательств. Мера эта, послужив, несомненно, сдерживающим началом для рабочего люда, побуждала бы его с большею осмотрительностью относиться к подстрекательствам к прекращению работ и не объявлять забастовок по пустым поводам. Что же касается оценки предположений министерства внутренних дел об устройстве примирительных камер по существу, то совет предпочел высказать свое окончательное по этому вопросу суждение по завершении

занятий проектированного совещания и в связи с его соображениями по сему предмету. Нельзя однако не отметить, что основная задача упомянутых камер — примирение недоразумений и предотвращение обострений между работодателями и рабочими — требует такой организации означенных учреждений, которая обеспечивала бы в представлении рабочих нравственный авторитет и полное беспристрастие примирительной камеры. Этой цели ближе всего отвечал бы выборный состав примирительных учреждений, с допущением к участию в их решениях представителей от обеих спорящих сторон, то-есть как от фабрикантов, так и от рабочих. На изъясненных основаниях и построены в западно-европейских государствах однородные с проектируемыми учреждения. Между тем намеченное министерством внутренних дел построение, при котором членами примирительных камер явятся исключительно правительственные чины, а предприниматели и рабочие окажутся лишь в положении сторон, призываемых для дачи показаний, не соответствует выработанному на западе образцу примирительных рабочих учреждений и, весьма возможно, по самому своему составу не будет в состоянии обеспечить за проектируемыми камерами необходимые для успешной их деятельности авторитет и ту внутреннюю нравственную силу, которая в учреждениях, не имеющих принудительной власти, является в сущности единственным залогом их действительно плодотворной работы. Наряду с этим, нельзя однако отрицать, что участие в камерах правительственных чинов имело бы и положительную сторону, в смысле проявления попечения правительства о нуждах рабочего населения и приучения последнего добиваться своих справедливых домогательств не забастовками, а обращением к содействию государственной власти. Чтобы примирить отмеченные противоположные интересы, целесообразным казалось бы образовать примирительные камеры в смешанном, из правительственных лиц и выборных от фабрикантов и рабочих, составе. Кроме того, надлежало бы, по мнению совета, выяснить, насколько вообще допустимо распространение компетенции упомянутых камер на казенные предприятия, находящиеся, конечно, в существенно ином положении, нежели частные фабрики и заводы.

Равным образом немаловажные сомнения возникают по поводу предположения министерства внутренних дел о предоставлении камерам принимать по собственному почину исполнительные меры к пресечению забастовок и, в частности, привлекать к уголовной ответственности участвующих в них лиц, в действиях коих камера усмотрит признаки преступных деяний. Подобное право отразилось бы, без сомнения, неблагоприятно на авторитете камер в глазах спорящих сторон, тем более, что, как показывает судебная практика, дела о подстрекательстве к рабочим забастовкам весьма часто кончаются оправдательными приговорами, в виду затруднительности установления виновности привлекаемых к ответственности лиц. Наконец, совет министров считал бы необходимым, в связи с вопросом о примирительных камерах, остановить внимание проектируемого совещания на мысли об учреждении специальных судов — промышленных, страховых и др., имеющих своею задачею мирное улажение споров, возникающих в области соответствующих гражданских правоотношений. По удостоверению статс-секретаря Щегловитова, десятилетний опыт деятельности промышлен-

ных судов в Германии, где эти суды постановляют приговоры, имеющие лишь нравственное значение, причем к судебному разбирательству не допускается адвокатура, привел к общему признанию чрезвычайно благотворного значения сказанных судов для поддержания нормальных отношений между хозяевами и рабочими промышленных предприятий.

Обращаясь, в заключение, к предположениям министра внутренних дел относительно пересмотра действующих в применении к рабочим забастовкам уголовных законов, совет министров заметил, что стачки, поскольку они обусловливаются экономическими причинами, составляют явление, вытекающее из общего строя современной промышленной жизни, основанной на свободе труда. В соответствии с сим забастовки рабочих, не сопровождающиеся насилием или повреждением имущества, признаются ненаказуемыми почти всеми западно-европейскими законодательствами. На тот же путь вступило и наше законодательство с изданием высочайшего указа 2 декабря 1905 года. Согласно постановлениям сего указа, вошедшим в Уложение о наказаниях (св. зак., т. XV, по прод. 1912 г.), уголовная кара устанавливается не за забастовку, как таковую, а лишь за возбуждение к ней рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к прекращению работ других рабочих и, наконец, за участие в сообществе, направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, как это подтверждено вышеприведенным решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года, за № 20, исключительно в предприятиях, безразлично частных или казенных, прекращение деятельности которых угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Возвращение в настоящее время к принципу преступности стачечных выступлений рабочих в борьбе за свои экономические интересы представлялось бы, при таких условиях, невозможным, тем более, что и прежний опыт применения этой меры не говорит в пользу ее практической целесообразности. Но вместе с тем нельзя отвергать, что в существующих проявлениях забастовочного движения наглядно обнаруживаются новые признаки и особенности, которые не предусмотрены постановлениями уголовного закона и к которым государственная власть не может оставаться безучастною. К числу их нужно отнести, например, возникновение забастовок открыто политического характера, организуемых одновременно, иногда на пространстве многих промышленных районов в противоправительственных целях. Такой же характер имеет прекращение работ для заявления сочувствия той или иной группе бастующих рабочих, как это было недавно по отношению к забастовке служащих на московских городских трамваях. Подобные демонстрации и протесты, не находящиеся ни в какой связи с экономическими нуждами рабочего люда и вносящие в общественную жизнь смятение и тревогу, представляются, несомненно, преступными против государственного порядка и безопасности действиями. Однако такого рода деяния, в особенности совершаемые в промышленных предприятиях, не могущих быть подведенными под указанное в упомянутом решении сената понятие, неуловимы на почве действующего уголовного закона, что в высокой степени затрудняет борьбу с политическими забастовками. Изъяснен-

ные соображения побуждают совет министров и с своей стороны высказаться за желательность безотлагательного пересмотра действующих по отношению к стачкам уголовных законоположений, причем особое внимание надлежало бы уделить намеченному гофмейстером Маклаковым установлению уголовной кары за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих не из экономических требований, а из побуждений политического и революционного характера. При всем том совет не мог не отметить, что борьба с забастовочным движением в порядке судебного преследования забастовщиков представляется оружием обоюдоострым, ибо оправдательные приговоры неблагоприятно отражаются на авторитете возбуждающей судебное дело власти и содействуют повышению настроения и притязаний рабочей массы, склонной видеть в такого рода судебных приговорах подтверждение своей правоты. Поэтому при предстоящем пересмотре подлежащих уголовных законов весьма важно было бы установить с особою точностью и определенностью квалификацию соответствующих преступных деяний, которая исключала бы возможность последующих недоразумений при возбуждении и рассмотрении судебных дел.

На основании всего вышеизложенного, совет министров полагает:

Образовать для изыскания мер против забастовок рабочих междуведомственное совещание, под председательством министра торговли и промышленности, из старших чинов министерств: торговли и промышленности, внутренних дел, финансов, путей сообщения, юстиции, военного и морского, с предоставлением министру торговли и промышленности права, при невозможности личного присутствия в совещании, передавать председательствование в оном одному из своих товарищей.

Таковое заключение свое совет министров всеподданнейше повергает на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председательствующим и членами совета министров и скреплен управляющим делами совета.

Из истории Уральских заводов

(По жандармским обзорам)

Публикуемый доклад начальника Пермского жандармского управления в департамент полиции имеет несомненную ценность.

Жандармский полковник в 1910 г. пытается дать анализ причин революционного настроения уральского пролетариата. При этом он, сам того не замечая, касается сущности тех остатков крепостничества, которые давили на рабочий класс Урала с особенной силой. В устах жандарма, непримиримого лютого классового врага пролетариата, слуги царского самодержавия, подчас странны и неожиданны высказывания, подчеркивающие тяжелое материальное положение рабочего класса и его хищническую эксплоатацию уральскими заводчиками: «...Причиной замечаемого озлобления в заводской массе служат не только экономические условия, в какие поставлены заводы в силу невозможности бороться с конкуренцией заводов Южной России, вследствие отсталости в техническом отношении, вследствие отсутствия подъездных путей и иных условий, не зависящих от заводоуправлений, но *также и крайне несправедливое, а подчас, и беззаконное отношение этих заводоуправлений к рабочим, совсем не считаясь с их полной необеспеченностью*»[1].

Причины жандармской печали совершенно ясны. Уральские заводы переживали после тяжелого общеимперского кризиса 900-х годов длительную депрессию. Старый индустриальный район — Урал, — бывший в эпоху крепостничества господствующим, в период развития капитализма оказался оттертым с передовых позиций промышленности Югом, более молодым, менее связанным остатками крепостничества.

«...Крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе. В 18 веке железо было одной из главных статей отпуска России;... Еще в «20-х годах 19 века Россия получала чугуна в 1½ раза более Франции, в 4½ раза более Пруссии, в 3 раза более Бельгии». Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма. Развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно. В 1718 г. Россия добывала чугуна около 6½ мил. пудов, в 1767 г. — около 9½ мил. пуд., в 1806 г. — 12 мил. пуд., в 30-х гг. — 9—11 мил. пуд., в 40-х гг. — 11—13 мил. пуд., в 50-х гг. 12—16 мил. пуд., в 60-х гг. — 13—18 мил. пуд., в 1867 г.—17½ мил. пуд. За сто лет производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европейских стран, в которых крупная машинная индустрия вызвала гигантское развитие металлургии»[2].

---

[1] См. публикуемое ниже донесение н-ка Пермского жандармского управления, стр. 72 (разрядка моя. — *Е. Г.*).

[2] *Ленин*, Соч., т. III. стр. 376—377.

Положение уральских заводчиков как «монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции» [1], в период крепостничества содействовало промышленному росту Урала, а с развитием капиталистических отношений в стране привело к падению его удельного веса в общей системе российской промышленности.

Статистические данные об оттеснении Урала Югом приведены В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» [2].

Это неуклонное падение удельного веса уральской промышленности характеризуют следующие данные: в 1880 г. Урал добывал 63,7% всей добычи железных руд в России, в 1890 г. — 52,9%, в 1900 г. — 27,6%, а в 1913 г. только 18,9% [3]. Такую же картину мы наблюдаем и по выплавке чугуна: с 71% в 1880 г. удельный вес уральской выплавки чугуна падает до 21% в 1910 г. [4].

Причинами отставания уральской промышленности от других, заново развертывающихся промышленных районов России являются сохранение пережитков крепостничества («...средством приобретения рабочих рук является на Урале не только наем, но и о т р а б о т к и» [5]), полукабальные взаимоотношения заводовладельца и рабочего, сохранение посессий и посессионного права, дававшего заводам дешевую рабочую силу. Последнее обстоятельство позволяло уральским заводам в течение ряда десятилетий существовать наряду с лучше оборудованными заводами Юга без особых затрат на повышение технической мощности предприятий. Но это же обстоятельство обусловливало неуклонное падение удельного веса Урала в капиталистическом хозяйстве страны.

Низкая техническая вооруженность уральской промышленности и слабый рост ее по годам отчетливо выступают из следующих данных: если на Юге в 1890 г. на один завод приходилось 1 530 лошадиных сил, а в 1909 г. — 8 003 лош. силы, то на Урале мы имеем в 1890 г. на один завод 135 лош. сил и в 1909 г. — 487 лош. сил; рост чрезвычайно незначительный. Если взять данные технической вооруженности заводов, приходящиеся на одного рабочего, то оказывается, что для Урала она никогда не достигает единицы; так, в 1890 г. техническая вооруженность на одного рабочего составляла 0,11 лош. сил, а в 1909 г. — 0,33, в то время как на Юге она возрастает с 1,02 лош. сил в 1890 г. до 3,23 лош. сил в 1909 г. [6].

«Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала» [7].

Причины его отставания скрывались в природе русского самодержавия, тормозившего капиталистическое развитие страны. Этого не может понять жандармский полковник. Он бессильно жалуется на «крайне несправедливое, а подчас беззаконное отношение заводоуправлений к рабочим». Но период зуба-

[1] Ленин, Соч., т. II, стр. 271.
[2] Ленин, Соч., т. III, стр. 380.
[3] Из «Общего обзора главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», СПБ 1915 г., стр. 168.
[4] В. Жданов, Довоенная мощность металлопромышленности и ее значение в экономике страны, М.—Л. 1925 г., стр. 5.
[5] Ленин, Соч., т. III, стр. 377.
[6] «Железная промышленность России», СПБ 1911 г., табл. на стр. 114.
[7] Ленин, Соч., т. III, стр. 379.

товщины и гапоновщины давно миновал, и начальник жандармского управления не делает никаких выводов и не вносит никаких предложений. Он только констатирует факты и считает, «что устранение такого рода отношений в самом ближайшем времени является настоятельной необходимостью в целях возможно более спокойного ожидания заводским населением улучшения экономического положения» [1].

Доклад начальника Пермского жандармского управления подтверждает тяжелое материальное положение уральских рабочих, их полную зависимость от заводовладельцев.

Доклад устанавливает, что уральские рабочие не имели земельных наделов кроме усадебных земель и сенокосов, что наличие этих угодий не могло прокормить их и работа на заводе была основной для уральского рабочего; что в случае безработицы он не уходил в деревню, а должен был искать работы на других заводах. Подтверждением этого являются данные публикуемой таблицы: в графе «чем заняты рабочие-безработные» — из 40 заводов безработные рабочие только в двух случаях указывают «сельское хозяйство» и в трех «хлебопашество и промышленность» (или «земледелие и кустарничество, земледелие и приисковые работы») и один случай — «выбывают на родину», все остальные 34 случая указывают «посторонние заработки», «приисковые работы», «уходят на другие заводы», «кустарная работа», «лесная» и «углеобжигание».

Наряду с этим интересно сопоставить земельные владения заводов, которые «создавались приписыванием, наймом, покупкой и отводом крестьянских и инородческих земель, причем земли башкир покупались на крайне выгодних условиях» [2]. Записка достаточно отчетливо вскрывает, каковы были эти «выгодные условия». Неприкрытый грабеж башкирских земель выявляется даже в этом эпическом и далеко не полном изложении.

Пермское жандармское управление насчитывает к 1910 г. в Пермской губернии 84 завода, из них 9 казенных, 32 посессионных и 43 частновладельческих. На всех этих предприятиях, включая солеварни и угольные копи, работало 124 859 рабочих. Это составляло в отношении к численности населения Пермской губ. за 1908 г. одну шестую часть, или почти 17% населения, а с членами семейств этот процент должен быть значительно увеличен (соотношение 1 : 4, 1 : 5). Население Пермской губ. на 17% состояло из коренных уральских рабочих. Исключительно пришлых рабочих имели только Надеждинский, Сосьвинский и Березниковский солеварный заводы.

Прикрепление рабочих к заводу, проведенное реформой 1861 г., создало особые условия существования уральского рабочего. «Как известно, условия освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости были сообразованы именно с отношением крестьян к горной работе; горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были весь год заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы» [3].

Таким образом, основной кадр уральских рабочих надела земли не получил. Прикрепление его к заводу было произведено путем наделения усадебной землей, отчасти сенокосом, в результате чего уральский квалифицированный рабочий был значительно обделен заработной платой, получая в 2½ раза меньше рабочего Юга. Но привязанность к своему хозяйству (домик, лошадь,

[1] См. доклад н-ка Пермского жандармского управления, стр. 72 (разрядка моя. — *Е. Г.*).

[2] Тот же доклад, стр. 77.

[3] Ленин, Соч., т. III, примечание на стр. 378.

корова) связывала уральского рабочего, не позволяла передвигаться в поисках лучшего заработка.

Из цитаты, приводимой Лениным из «Вестника финансов» за 1897 г. № 8, о том, что уральский рабочий «является... наполовину землевладельцем...» [1], очень часто делается вывод, что уральский рабочий не является чистым пролетарием, а представляет собой нечто среднее между крестьянином и рабочим, так сказать, полурабочего-полукрестьянина. Вывод, вне всякого сомнения, ошибочный.

Особенность уральского рабочего заключается отнюдь не в том, что социально он не пролетарий, а в том, что это пролетарий, подвергавшийся двойному гнету капиталистической и крепостнической эксплоатации. Цитируемый Лениным В. Д. Белов прямо говорит, что отношения заводчика и рабочего «те же, что были и прежде, до их освобождения от крепостной зависимости; переменилась только форма этих отношений, не более» [2]. Прикрепление к заводу определило невероятно низкую заработную плату уральских рабочих, сделало их положение особенно тяжелым.

Система отработков, очень распространенная на уральских заводах, еще более снижала заработную плату. «Земская статистика, напр., по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., считает тысячи крестьянских хозяйств, которые пользуются от заводов землей, выгоном, лесом и т. п. либо бесплатно, либо за пониженную плату. Само собой разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря ему чрезвычайно понижается заработная плата; заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих» [3]. «В высшей степени характерен тот термин, который сохранился поныне по отношению к уральским рабочим, именно, что они «задолжаются» на работах. Когда читаешь, напр., в земской статистике «сведение о рабочей команде, находившейся в задолжении при цеховых работах Артинского завода», то невольно оглядываешься на обложку и справляешься с датой: неужели это в самом деле девяносто четвертый, а не какой-нибудь сорок четвертый год?» [4]

Уральские заводчики являлись крупнейшими землевладельцами: «В 1890 г. при всех 262 железных заводах Империи числилось 11,4 мил. дес. земли (в том числе 8,7 мил. дес. леса), из которых 10,2 мил. дес. было при 111 уральских заводах (леса 7,7 мил. дес.). Средним числом, след., каждый уральский завод владеет громадными латифундиями, тысяч по сто дес. земли. Вырезка наделов крестьянам из этих дач и до сих пор еще не вполне закончена» [5]. А в статье «Замечательное дело» [6] Ленин в 1913 г. рассказывает, как уральские заводчики боролись против закона 1862 г. о наделении уральских рабочих землей. Даже полвека спустя после выхода закона рабочие не были наделены землей, а то, что было выделено уральским заводчиком рабочему, было значительно меньше того, чем он фактически пользовался до реформы 1861 г.: и к тому же это выделение, часто, якобы, даровое, было связано с одним из худших пережитков крепостничества в пореформенной эпохе — отработками.

Связь уральского рабочего с землей, вопреки установившемуся мнению, была, во-первых, незначительна, а во-вторых, имела своеобразный характер.

---

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 377, примечание.
[2] Там же, стр. 378.
[3] Там же, стр. 377.
[4] Там же, стр. 378, примечание.
[5] Там же, стр. 377.
[6] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 555.

Известное своеобразие положения уральского рабочего характеризуется следующими словами Ленина: «На Урале процент городского населения самый низкий: в Вятской и Пермской губерниях 3,2% в 1863 г. и 4,7% в 1897 г., но вот пример относительной величины «городского» и индустриального населения. В Красноуфимском уезде Пермской губ. городское население равно 6,4 тыс. (1897 г.), тогда как земская перепись 1888—91 гг. считает в заводской части уезда 84,7 тыс. жителей, из которых 56 тыс. вовсе не занимаются земледелием и лишь 5,6 тыс. добывают средства к жизни главным образом от земли. В Екатеринбургском уезде, по земской переписи, 65 тыс. душ безземельны и 81 тыс. имеют лишь покос. Значит, индустриальное внегородское население д в у х только уездов больше городского населения всей губернии (в 1897 г. — 195,6 тыс.!)»[1]. Таким образом в двух уездах Пермской губернии внегородского населения оказывается 230,7 тыс., из них 121 тыс. земледелием совсем не занимались, 104,1 тыс. имели только покосы и лишь для 5,6 тыс. земледелие являлось основным источником существования. Оригинальное явление уральской жизни составляли заводские поселения, не носившие названия городов, но и не являющиеся сельскими местностями, — на Урале завод означал не только промышленное предприятие, но и поселок, расположенный вокруг предприятия. Из этого пролетарского населения около 53% не были связаны с землей, 45% имели покосы, являвшиеся подсобным хозяйством уральского рабочего, и всего 2% населения заводских центров занимались земледелием, т. е. представляли собою крестьянское население. Отсюда необходимо заключить, что уральский рабочий не может быть охарактеризован как полурабочий-полукрестьянин.

Подсобное хозяйство части уральского пролетариата (домик, лошадь, корова, покос, огород) никогда не могло прокормить рабочего и служило лишь известным добавлением к низкой заработной плате. В этом нас убеждают неоднократные высказывания Ленина о низком уровне заработной платы уральского рабочего, связанном с остатками крепостничества, т. е. экономическим прикреплением к заводу.

Небезынтересно в этом отношении следующее место из всеподданнейшей записки горнопромышленников Уральской области (9 марта 1905 г.): «Закон о поземельном устройстве горнопромышленного населения, изданный лишь для казенных и посессионных заводов, доныне еще не приведен в исполнение... Все это ведет к захватам, постоянным недоразумениям, сопровождаемым тысячами тяжб населения с заводоуправляющими, что, конечно, обостряет отношения между заводоуправлениями и рабочими и не остается без влияния на самом заводско-промышленном деле. Таким образом, прочного устройства земельных отношений на Урале за полвека со времени реформы 1861 г. не достигнуто, и н а с е л е н и е п о п р е ж н е м у о с т а е т с я п р и к р е п л е н н ы м к з а в о д а м, к о т о р ы е я в л я ю т с я п о ч т и е д и н с т в е н н ы м и с т о ч н и к о м е г о з а р а б о т к а»[2]. Это утверждают промышленники в тот момент, когда их позиция была наиболее крепкой. И в последующие годы об этом же говорит любопытное заявление комиссии Урбановича (в 1910 кризисном году был послан министерством торговли и промышленности для обследования положения рабочих на закрывающихся уральских заводах): «н а д е л е н и е з е м л е й н е о б е с п е ч и т г о р н о з а в о д с к о е н а с е л е н и е о т г о л о д н о г о с у щ е с т в о в а н и я. Сенокосные расчистки находятся в руках о д н о й п я т о й ч а с т и м а с т е р о в ы х, о с т а ю щ и х с я б е з р а б о т н ы м и. Если за счет лесных земель и наделить добавочно безземель-

[1] Л е н и н, Соч., т. III, стр. 441, 442.
[2] «Уральское горное обозрение», № 6, 1905 г., стр. 6 (разрядка моя.—*Е. Г.*).

ную часть мастеровых, то на корчевание и расчистку потребуется несколько лет. Кроме того, со стороны государства необходимы миллионные ссуды на обзаведение населения инвентарем» [1]. Не ясно ли из этого, как ничтожны были клочки земли, которыми владела известная часть уральских рабочих?

Доклад с достаточной полнотой вскрывает систему эксплоатации рабочих на Урале, особенно в вопросе о порядке расплаты с рабочими купонами вместо денег. Кроме того, заводоуправления систематически задерживали выдачу заработной платы рабочим, иногда по 5—6—8 месяцев. Это обстоятельство часто являлось причиной выступления рабочих против заводчиков, начиная с первых шагов развития промышленности на Урале и кончая кануном социалистической революции 1917 г., вплоть до национализации заводов. В период кризисного положения промышленности уральские заводчики идут на любые провокации, лишь бы добиться остановки предприятия. Так например Богословское акц. о-во в 1908 г. ухудшает положение рабочих Надеждинского железоделательного завода, провоцирует их на ряд резких выступлений и закрывает завод. В то же время оно всячески старается успокоить недовольство рабочих Богословского медеплавильного завода, чтобы не потерять больших прибылей, какие давал завод в связи с высокой рыночной ценой на медь. Доклад указывает и иные методы остановки завода, практикуемые заводовладельцами, когда это входит в их интересы: «В Верне-Уфалейском заводе доменная печь не работает более полугода, и заводовладельцы указывают на этот застой, как на необходимость, в виду сложного ремонта; по отзывам же компетентных рабочих ремонт этот при хорошей постановке дела потребовал бы 2—3 недели» [2].

Причины, побуждающие капиталистов задерживать ход производства, достаточно ясны — при плохой рыночной конъюнктуре они не только не хотят терпеть убытков, но мечтают еще кое-где «подработать». В докладе указывается на использование не по назначению правительственной субсидии, которую правительство, опасаясь волнений, предоставляло в виде помощи рабочим, и которая попадала в карман владельцев заводов на искусственное понижение или повышение своих акций и т. д.

Особенное негодование жандарма вызывает организация акционерных обществ.

Основная мысль публикуемого доклада — доказать непрерывный рост революционных настроений в среде уральских рабочих: «Если проследить конкретные случаи донесений о заводской деятельности, то вполне создается впечатление о постепенном озлоблении рабочего» [3].

Сводка стачечного движения и других проявлений недовольства рабочих своим положением и борьбы их против заводчиков с 1876 по 1910 г., представленная в докладе Пермского жандармского управления, совершенно недостаточна. Она не дает даже схематического представления о той революционной борьбе, которую вели уральские рабочие, она ни одним словом не обмолвилась о годах первой революции 1905—1907 гг. Эта сводка тщательно устранила всякий намек на политическую борьбу против царизма. Но обойти молчанием влияние общереволюционного движения в стране на сознание уральского рабочего жандармское управление не могло. К тому же это было и невыгодно. Поэтому доклад дает чрезвычайно интересную статистику административно-высланных в Чердынский уезд Пермской губ. За три года (1907—1909) в Чердынский уезд было выслано 1 228 чел.; почти одна треть из них бежала

[1] «Записки пермского отделения Русского технического о-ва», 1910 г., вып. V (разрядка моя.—*Е. Г.*).
[2] См. печатаемый ниже доклад, стр. 81.
[3] См. печатаемый ниже доклад, стр. 84.

с места ссылки. «Высланные, в силу чисто географических условий, конечно, бегут на юг, если не прямо в заводы, то, во всяком случае, через них, и каждый само собой оставляет тут и плоды своего сознания»[1]. Таким образом, автору записки, чтобы мотивировать необходимость усиления надзора и увеличения жандармских и полицейских сил на огромной территории севера Пермской губ., приходится сознаться в том, что революционное движение уральского рабочего было насыщено политическим содержанием и связано с революционной борьбой пролетариата и крестьянства всей царской России.

Евг. Гольдич.

Донесение начальника Пермского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 декабря 1910 г., № 6148[2].

Сильный упадок деятельности уральских горных заводов, в особенности серьезный для Пермской губернии, как включающей в себе почти все число этих заводов, в связи с материальной необеспеченностью громадного по количеству заводского населения, составляет в настоящее время предмет особого внимания правительства. Высказываемые в обществе взгляды на плохое хозяйство заводов, нерадение инженеров, слухи о недобросовестном отношении заводоуправлений к рабочим, о задержке платы, несмотря на возможность удовлетворения, и другие, хотя и естественные причины, но так или иначе способствующие развитию крайнего недовольства в среде заводского населения, порождают разноречивые мнения печати.

Вследствие изложенного мною было приказано собрать на местах сведения для возможного освещения этого вопроса и в настоящее время сведения эти, собранные и систематизированные с достаточной убедительностью показывают, что причиной замечаемого озлобления в заводской массе служат не только экономические условия, в какие поставлены заводы в силу невозможности бороться с конкуренцией заводов южной России, вследствие отсталости в техническом отношении, вследствие отсутствия подъездных путей и иных условий, не зависящих от заводоуправлений, но также и крайне несправедливое, а подчас и беззаконное отношение этих заводоуправлений к рабочим, совсем не считаясь с их полной необеспеченностью.

Представляя при сем обработанные сведения[3], доношу, что устранение такого рода отношений в самом ближайшем времени является настоятельной необходимостью в целях возможно более спокойного ожидания заводским населением улучшения экономического положения.

С целью проверки и для воспроизведения более целостного представления настоящего вопроса, кроме собранных на местах сведений были просмотрены также архивные дела управления по отчетности политических обзоров прежних лет постольку, поскольку они касались разрабатываемого, и изложение настоящего доклада начинается дословными выборками из этих политических обзоров.

«Прошлый 71-й год в политическом отношении не представляет чего-либо неблагоприятного, хотя и было два или три случая произ-

[1] См. публикуемый ниже доклад, стр. 86.

[2] ДП, IV, 1910 г., д. № 50, ч. 2, л. 102. Документы подготовлены к печати В. Далаго.

[3] Таблица приложена в конце публикации.

несения оскорбительных слов против особы государя императора в низшей среде и в бессознательном состоянии...».

«Наблюдению, руководимому знакомством с строем общественной и семейной жизни членов общества и направлением их мысли, представляется категорическое заключение о прочной политической их благонадежности...».

«Кроме рабочих, есть и торговцы, которые из ненависти к заводовладельцам своим личным влиянием постоянно смущают народонаселение, объясняя им, что заводовладельцы неправильно наделили их землею и лесом, что они могут требовать больше; теперь состав благонадежен, но начиная с 61 года до 65-го тут в больших размерах шла политическая пропаганда, и среди молодежи распространялось вредное направление, получившее название «нигилизма». В эти местности приезжали агитаторы политического преступника Чернышевского — так например, в 61 и 62 гг. приезжал политический преступник Обручев [1], который собственно останавливался в Невьянском заводе у управляющего заводами Печаткина, но разъезжал и по Верхотурскому уезду...».

«Весьма важно в экономическом отношении, чтобы существование самих заводов было поставлено на прочном основании, чего, к сожалению, нельзя вполне предвидеть, так как и теперь уже есть несколько заводов, которые существуют так сказать изо дня в день. Большинство почему-либо недовольных никак не относят причин своих неудовольствий к высочайшей власти, а видят в том лишь распоряжения администрации, крестьянское дело в губернии с самого возникновения его, т. е. с 61 года, ведено на основаниях, по крайней мере, без всякого уменья...».

«Разрешенный правительством вопрос о продаже казенных заводов частным лицам представляется мерой весьма благодетельной как в экономическом, так и в административном отношении. Частная промышленность, не стесняемая условиями казенных заводов, при всегдашней недобросовестности, получит большее развитие и представит больше гарантий к обеспечению мастеровых постоянной работой».

«Земледельческое население более гарантировано от всяких случайностей, тогда как население заводское, не имея земельных наделов, за исключением усадебных участков и сенокосов, совершенно зависит в своем существовании от действий заводов. Если завод действует, то и население их получает известный заработок; если же по каким-либо обстоятельствам действие завода останавливается, то и население лишается заработка. Тогда рабочие по необходимости должны будут искать работы на других заводах, что весьма трудно, так как комплект рабочих на всех заводах всегда бывает полный. В настоящее время (75 г.) все заводы находятся в действии, притом нельзя не надеяться, чтобы горное дело на Урале в виду всеобщего развития и строящейся собственной горнозаводской дороги не подвинулось значительно в своем производстве. Тогда несомненно потребуется больше рабочих сил, и таким образом труд, сделавшись более общим, конечно,

[1] Обручев, Н. Н. (1830—1904), окончил академию ген. штаба, был профессором статистики. В 1861 г. был близок к Чернышевскому, член тайн. о-ва «Великорусс», деятельный участник о-ва «Земля и воля» (1862—1863), принимал участие вместе с Огаревым в составлении прокламаций «Что нужно народу» и «Что надо делать войску». Впоследствии—видный военный деятель, генерал-от-инфантерии, член государственного совета.

отзовется благоприятным образом на жителей как в нравственном, так и в политическом отношении и, должно сказать, что Пермская губерния до сего времени не возбуждает за свое спокойствие никаких опасений...».

«В частности же представляются некоторые обстоятельства, имеющие неблагоприятные оттенки. Так, например, в Красноуфимском уезде, в Нижне-Сергинском заводе, в одной части населения продолжает существовать упорство в отношении исполнения разных повинностей; в Осинском уезде — целая Бымовская волость поголовно пришла в Пермь прямо к губернаторскому дому, где и заявила о своем праве не вносить как оброчных, так и других повинностей, и пермская палата уголовного и гражданского суда без исключения приговорила всех к телесному наказанию, и приговор к общему удивлению среди такой массы народа беспрепятственно выполнен был помощником исправника».

«Огромное пространство на севере губернии, покрытое дремучими лесами, дает возможность выходцам из разных губерний — по большей части преступникам — скрываться в них, образуя нередко целые деревни, совершенно неизвестные администрации, жители коих не отбывают никаких повинностей, подчиняясь только своеобразным законам. Так в этом году в Соликамском уезде местным исправником дознано о существовании трех подобных поселков, но проникнуть в эти глухие места не было возможности. Шадринский уезд, как пограничный с Тобольской губернией, есть первая станция бежавших из ссылки, и по количеству уголовных преступлений южная часть губернии стоит на первом месте. Средняя часть губернии — горнозаводская и наиболее подвержена колебанию в политическом отношении по причине неуверенности в обеспечении средствами к жизни. Нужно упомянуть о весьма прискорбном явлении — о заметном увеличении случаев оскорбления величества, хотя, конечно, все, за весьма малым исключением, можно отнести к неумышленным и совершенным в бессознательном состоянии опьянения, но в общем народонаселение губернии в настоящее время совершенно спокойно и предано верховной власти вполне...».

Таковы были официальные донесения в 71 году, августе 75 года и январе 76 года.

С тех пор прошло почти 40 лет.

Вчитываясь в эти донесения и сопоставляя их с положением настоящего времени, невольно приходишь к выводу, что это дела давно минувших дней, что проповедь социалиста и экономические условия с жгучим аграрным вопросом оставили неизгладимые следы и, если в политическом отношении спокойствие края всегда обусловливается более или менее обеспеченным материальным положением жителей, то возможно ли и насколько возможно в настоящее время прийти к тому заключению, [что] «народонаселение губернии в настоящее время совершенно спокойно и предано верховной власти вполне», — можно судить, по нижеследующим данным.

Расположенная между 55° 40″ и 62° 15″ северной широты и 53°—64° 30″ восточной долготы от Пулково по обеим сторонам Уральского хребта, Пермская губерния занимает пространство, исчисляемое в 28 911 080,5 десятин или 290 168 квадратных верст. В администра-

тивном отношении делится на 12 уездов, в состав которых входят 15 городов: губернский, 11 уездных и 3 заштатных (Алапаевск в Верхотурском уезде, Дедюхин в Соликамском и Долматов в Шадринском) и 14 137 селений: заводов, сел, деревень и поселков.

Уезды по величине площади распределяются следующим образом: Верхотурский, Чердынский, Соликамский, Екатеринбургский, Пермский, Красноуфимский, Шадринский, Камышловский, Осинский, Оханский, Кунгурский и Ирбитский уезды. Наиболее важной географической особенностью губернии является Уральский хребет, пересекающий ее на всем протяжении по направлению с севера на юг и разделяющий ее на две резко обособленные группы земель: уезды, примыкающие к хребту с восточной и западной его стороны — Приуральские, и уезды, отстоящие от хребта по ту и другую его стороны — Зауральские.

Каменистая, песчаная, богатая ископаемыми и лесами почва приуральская естественно заставляет жителей этих уездов эксплоатировать горнопромышленность, промышленность и лишь отчасти земледелие, как подсобный промысел. Зауральские же уезды будут преимущественно земледельческие и промышленно-земледельческие.

К первым можно отнести Верхотурский, Екатеринбургский, Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский и Красноуфимский уезды, а ко вторым — Осинский, Оханский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды.

Существует еще иное деление губернии в почвенном отношении — именно Предуралье и Зауралье. В первое входит западная часть с уездами Чердынским, Соликамским, Пермским, Оханским, Осинским, Кунгурским и Красноуфимским; второе же обнимает уезды: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский. Так как наибольшее количество ископаемых сосредоточивается в пределах горного хребта и его ответвлений, то первое деление губернии будет ближе подходить к истине, если рассматривать вопрос в пределах горной промышленности. Север губернии изобилует болотами, а юг и отчасти юго-восточная часть — озерами.

Из сопоставления ряда цифр колебаний прироста населения за последние девять лет видно, что в дальнейшем прирост населения все возрастает, и к 1 января 1909 года численность населения выражалась в 3 620 824 души обоего пола. По сведениям же, хотя бы за 1883 год,— численность населения определялась в 2 552 800 ч., т. е. в течение 25 лет население возросло на целый миллион.

Горный промысел начался на Урале собственно солено-промышленностью, и отводы для этих целей начинаются земельными пожалованиями Строгановым, которые явились в «Великой Перми» во второй половине XVI века, когда «Григорий Аникиев сын Строганов бил челом царю Ивану Васильевичу», объявляя, «что по реке Каме до реки Чусовой места пустые, лесы черные, реки и озера дикия, острова пустые, а всего до того места сто сорок шесть верст». В 1558 году в ответ на это челобитье Строганову «велено на том пустом месте ниже Великие Перми за восемьдесят восемь верст по Каме реке городок поставити, где бы было место крепко и осторожливо, а где в том месте рассол найдут, и ему варницы ставити и соль варить».

Горнозаводское же землевладение, в тесном смысле слова, на Урале

началось уже в XVII веке, именно в 1640 году, когда возник второй по времени завод Пыскорский (первый — в 1632 г. около г. Тулы).

Пыскорский завод на Урале действовал один в продолжение целого столетия, и только в 1697 году 15 июля Верхотурскому воеводе Протасьеву послана была императором Петром Великим грамота об устройстве завода. Постройка его началась в 1700 году, а в 1702 году завод по высочайшему указу отдан во владение «туленину оружейных дел мастеру Никите Демидову» и получил название Невьянского. В том же году 6 декабря Демидов получил новый указ, в котором выражается неотложное изволение о постройке по реке Нейве и иных заводов: «где удобно, выше или ниже», но с непременным условием, чтобы заводы «беспрерывно и впредь, дондеже государь благоволит, во благополучном ходу стояли и шествие свое имели; и у тех заводов построить церковь божию, а у церкви однолично деткам школы и больным больницы и их кормить и всячески призирать и лечить».

С этого времени и начинают возникать заводы Урала, так что в 1769 году их насчитывалось уже 94.

Собственно железная руда была найдена в 1669 году при царе Алексее Михайловиче Тумашевыми на месте нынешнего Верх-Нейвинского завода.

После Невьянского завода Демидовыми были основаны Верхне-Тагильские — в 1716 году, Нижне-Тагильский в 1725, Шайтанский — в 1727 году, Суксунский — в 1729, Ревдинский — в 1734, Висимо-Шайтанский — в 1741 году, Верхне-Сергинский и Нижне-Сергинский — в 1742, Верх-Кыштымский — в 1757, Бисертский — в 1761, Верх-Нейвинский — в 1762 году, Висимо-Уткинский — в 1771 году, Верхне-Салдинский — 1778, Михайловский — в 1808 г., Никитинский — в 1811 г.

Строгановыми: Уткинский — в 1729 г., Билимбаевский — в 1734 г., Добрянский — 1752 г., Нытвенский — в 1756 г., Очерский — в 1759г., Кыновский и Чермозский — в 1761 г., Лысьвенский — в 1785 г., Бисертский — в 1786 г., Кизеловский — в 1788 г., Кувинский — в 1856 г.

Яковлевыми: Верхне-Синячихинский — в 1769 г., Режевский — в 1773 г.

В этот же период времени открыты заводы и другие, причем одними из старейших: Каменский, основанный в 1701 г., Нейво-Алапаевский — в 1704 г.; в 1736 году основаны Кушвинский и Мотовилихинский в 1729 г. — Черноисточинский, в 1739 г.—Сылвинский, в 1737 г.— Верхне-Туринский, в 1747 г. — Баранчинский, в 1749 г.—Уткинский, в 1746 г.—Каслинский, в 1751 г.—Кусье-Александровский, в 1754 г.— Пожевский, в 1757 г. — Богословский, в 1760 г. — Нижне-Салдинский, в 1764 г. — Серебрянский, в 1777 г. — Нейво-Шайтанский, в 1776 г. — Ирбитский, в 1784 г. — Архангело-Пашийский, в 1789 г. — Петрокаменский, в 1817 г. — Саранинский, 1818 г. — Всеволодо-Вильвенский, в 1826 г. — Верх-Исетский, в 1885 г. — Сосьвинский, в 1893 г. — Надеждинский и другие.

Некоторые заводы со времени их открытия несколько раз переходили от казны к частным лицам и обратно перепродавались друг другу частными лицами.

В 1754 году за определенное денежное вознаграждение были переданы в «партикулярное» содержание Гороблагодатские заводы; в 1759 году графу Ягужинскому — Уткинский завод; Гурьеву — Ала-

паевский, Синячихинский, Сусанский; Турчанинову — Полевской, Северский и Сысертский; гр. Воронцову — Висимский, Пыскорский, Ягошихинский и Мотовилихинский.

От Гурьева заводы переходят к Савве Яковлеву; он же от «Прокофия Акинфиева сына Демидова, в роде своем не последнего» покупает и Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский и Шайтанский заводы.

Верх-Нейвинский в 1769 году был продан Яковлеву, от него перешел к Стенбок-Фермору, потом к настоящим владельцам — к акционерному обществу.

Верх-Исетский от Стенбок-Фермора перешел к Яковлеву, затем к акционерному обществу.

Верхне-Тагильский от Демидова к Яковлеву, к Стенбок-Фермору, затем к акционерному обществу.

Каслинский, основанный «туленином Яковом Коробковым», от него перешел к Демидову, после к Расторгуеву, после к акционерному обществу.

Богословский основан купцом Походяшиным; в 1791 году перешел в казну, от казны к Половцову, от Половцова к акционерному обществу.

Громадные владения заводов создавались приписыванием, наймом, покупкой и отводом крестьянских и инородческих земель, причем земли башкир покупались землевладельцами на крайне выгодных условиях: так например, одним из заводов приобретено у башкир 300 000 десятин строевого леса за 300 руб. и 100 000 десятин леса за 100 рублей, 10 000 лесу на сруб за 50 рублей и несколько фунтов чаю или откортомлено на вечные времена 180 000 десятин за 20 рублей в год.

Земли, входящие в состав Нязепетровского и Шемахинского заводов, были куплены в 1750-х годах у вотчинных башкир «ведомства Исетской провинции, Сибирской дороги, Катайской волости туленином, медных и железных вододействующих заводов содержателем, Иваном Перфильевым сыном меньшим Мосоловым за 30 рублей», причем купил эту землю Иван Перфильев сын Мосолов «что есть всю без остатку» — (площадь в поперечнике более 50 верст), хотя на всем пространстве башкирам все же было предоставлено «право бортями владеть, звериную ловлю иметь и хмель щипать».

Земли Кыштымских заводов в 500 000 десятин приобретены у башкир за 250 рублей ассигнациями.

Вся горнозаводская промышленность включает чисто заводскую деятельность и промыслы, фабрикатами которых являются главным образом: варка соли, добыча каменного угля, золота, платины, асбеста, мрамора, драгоценных камней и т. д.

Чисто заводская деятельность с выплавкой чугуна, выделкой различных сортов железа сосредоточена в казенных, посессионных и частновладельческих заводах.

Казенных заводов в губернии девять: Кушвинский, Баранчинский, Верхне-Туринский, Нижне-Туринский, Нижне-Исетский, Серебрянский, Каменский, Артинский и Пермский пушечный (Мотовилиха).

Посессионных заводов — тридцать два: Верх-Исетский, Режевский, Верх-Нейвинский, Нейво-Рудянский, Верхне-Тагильский, Уткинский, Сылвинский и Пышминско-Ключевской, составляющие Верх-Исетский округ акционерного общества, бывший Стенбок-Фермор; Нижне-Тагильский, Висимо-Шайтанский, Нижне-Салдинский, Верхне-Салдинский,

Висимо-Уткинский, Черно-Источинский, Лайский и Выйский — Нижне-Тагильский округ Демидова кн. Сан-Донато; Северский, Сысертский, Ильинский и Полевской — Сысертский округ Соломирского; Нейво-Алапаевский, Нейво-Шайтанский, Верх-Синячихинский и Ирбитский — Алапаевский округ, бывший Яковлева; Шайтанский — наследника Берга; Невьянский и Петрокаменский — наследников Яковлева; Ревдинский, Мариинский, Бисертский и Барановский — Ратькова-Рожнова.

Частновладельческих заводов сорок три: Александровский, Никитинский и Усьвенская дача (углежжение и эксплоатация леса) — Демидова кн. Сан-Донато; Кизеловский, Чермозский и Полазнинский — Абамелек-Лазарева; Билимбаевский, Уткинский, Кыновский, Кувинский, Добрянский, Очерский и Павловский — графа Строганова; Лысьвенский, Кусье-Александровский, Бисертский и Теплогорский — наследников графа П. П. Шувалова; Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский, Михайловский, Атигский, Верхне-Уфалейский с Суховязским и Нижне-Уфалейский — акционерного товарищества Сергинско-Уфалейских заводов; Кыштымский, Каслинский, Верхне- и Нижне-Нязепетровский и Шемахинский—Кыштымский округ; Чусовской, Архангело-Пашийский и Нытвенский — Камского акционерного общества; Богословский, Надеждинский, Туринские рудники и Сосьвинский — акционерного общества Богословского завода (бывший Яковлева); Юго-Камский — насл. А. П. Шувалова; Всеволодо-Вильвенский — Морозова; Вельсовский, Верхне и Нижне-Саранинский и Иргинский — генерала Бобянского; Пожевский — князя Львова; Суксунский и Молебский — братьев Каменских, Камбарский — Кондюрина и Павдинский завод.

Варка соли производится в Соликамском уезде в селе Усольском, Березниках, Дедюхине и Соликамске; каменный уголь добывается в том же уезде на Луньевских копях Кизеловских, Губахинских, Захаровских, в копях Камского акционерного общества, в Усьвенских Вердинского и Егоршинских.

Численность населения в заводах, по данным 1908 года, выражалась следующими цифрами.

В казенных заводах местных заводских жителей насчитывалось 63 137, подзаводских — 13 601 и пришлых 18 967, а всего 95 705.

В посессионных заводах местных жителей считалось 209 631, подзаводских — 29 434, пришлых 17 187, всего 256 252.

В частновладельческих заводах всего было 306 858, из которых местных жителей — 240 542, подзаводских 33 072 и пришлых 33 244.

На солеварнях считалось — 17 817.

Как особенность, являются Надеждинский и Сосьвенский заводы и солеварня Березняки, населенные исключительно пришлым элементом.

За тот же 1908 год число рабочих со вспомогательными на казенных заводах было 15 400, на посессионных 40 700, на владельческих 51 000; на солеварных 3 059 и на каменноугольных копях 4 700.

Если произвести приблизительное соотношение указанных цифровых данных, то на заводах оказывается работало $^1/_6$ часть всего населения.

Всего заводы чугунноплавильные и железоделательные и, за весьма малыми исключениями, чисто чугунноплавильные; существует и добыча меди. Чугун плавится древесным углем из дач, принадлежащих

заводам; железо в большинстве случаев вырабатывается способом мартена и в крайне ограниченном числе заводов пудлингованием или кричным способом. Как продукты железа вырабатываются: кровельное железо, котельное, сортовое, фасонное, рельсы, скрепления, сталь, проволока, жесть, пушки, снаряды, разные изделия и полуфабрикаты.

Тяжелый кризис настоящего времени в заводской промышленности Урала и освободительное движение, породившее Лбовых и Давыдовых, резко выбило все слои населения из обычной колеи. Печать всячески выискивает первопричину промышленного кризиса, и существующие мнения в литературе об упадке промышленности распадаются на многие положения. Одни ставят первопричиной непосильную для Урала борьбу с забивающими южными заводами, другие обвиняют прежде всего посессионное право, третьи видят коренное зло в системе заводско-округного хозяйства, иные видят косность владельцев, плохое хозяйство, неподготовленность и нерадение инженеров, отсталость в технике производства, в однообразии выделываемых продуктов, несогласованных с требованиями рынка, в перепроизводстве, в отсутствии хороших подъездных путей, а некоторые и в том даже, что население губернии, в сущности являясь не горнозаводским, а земледельческим, попросту не тем занято. Каждый из авторов предлагает и свои положения, выставляет как наиболее желательные. Весной прошлого года в целях освещения этого вопроса уральские заводы посетил и профессор Петербургского университета И. Х. Озеров вместе с горным инженером А. Н. Митинским, которые издали по книге [1].

Не входя в оценку правильности постановки заводской деятельности в ее чисто технических условиях или в ее борьбе с конкурентами производства, общий ход их деятельности с тенденцией к возможно большему сокращению с достаточной убедительностью показывает, что производство заводов падает весьма быстро, а безработность и необеспеченность населения, зависящего почти исключительно от деятельности заводов, увеличивается, и результатом этого является иногда полная беспомощность рабочих семей.

Если же принять во внимание распоряжения акционеров-заводчиков по отношению к заботливости их об обеспечении быта рабочего, то эти распоряжения создают очень печальную картину хищничества, крайней недобросовестности и отсутствия малейшей жалости.

Как один из ярких примеров подобных отношений может служить обследование заводов Сергинско-Уфалейского акционерного товарищества, которое по циркулирующим слухам намерено совершенно прекратить заводские работы.

В текущий момент этому товариществу на правах частного владельчества принадлежат заводы Верхне-Уфалейский с Суховяжским и Нижне-Уфалейский — в пределах Екатеринбургского уезда и Атигский, Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский и Михайловский заводы — в Красноуфимском уезде.

---

[1] Весной 1909 г. члены Государственной думы обратились к министру горговли и промышленности с просьбой командировать на Урал в целях освещения вопроса о положении уральской промышленности профессора И. Х. Озерова и горного инженера А. Н. Митинского. В результате поездки был собран большой фактический материал об уральской промышленности, который и был использован в книгах И. Х. Озерова, Горные заводы Урала. Москва 1910; А. Н. Митинского, Горнозаводский Урал. СПБ 1909.

Главными акционерами состоят Гинсбург, Мейер, Рабинович и Бабель.

Начало заводам относится к XVIII в., когда Демидовым и Мосоловым были основаны оба Уфалейские, в 1742 г. оба Сергинские и в 1808 году Михайловский завод. Ко всем заводам причислена громадная, с запасами бурого и магнитного железняка, площадь в 358 982 десятины, из которых 218 590 десятин под лесом, что при земской оценке дает сумму около 2 000 000 руб.

В 60-х годах заводы принадлежали Ушакову, потом вследствие неудачных денежных операций перешли к Губкину и в последнее время по тем же причинам к настоящему товариществу, а 19 октября 1908 года по тем же делам этого товарищества опять таки вследствие неудачных денежных операций учреждена администрация с председателем Гувелякеном.

Население заводов выражается следующими цифрами: в Верхне-Сергинском 8 940, Нижне-Сергинском 12 658 ч., Михайловском 10 219, Атигском 3084, Верхне-Уфалейском 10 141 и Нижне-Уфалейском 6 107, а всего 51 512 человек. Если же принять во внимание подзаводское население и пришлый элемент, численность которого будет около 2 500, то эта цифра увеличивается до 54 012, из которых собственно рабочих в настоящее время 3 469, т. е. $^1/_{15}$ часть населения.

Все заводы — чугуноплавильные и железоделательные с выделкой кровельного, котельного, сортового железа и проволоки, причем главное производство составляет выплавка чугуна на 4 доменных печах и выделка кровельного железа.

В настоящее время большая часть цехов или совершенно не работает, или же сокращена на половину, так что чисто заводской работой вместе с женщинами и подростками заняты в Верхне-Уфалейском заводе около 200 человек, в Нижне-Уфалейском около 900, в Верхне-Сергинском...[1], в Нижне-Сергинском 184, Атигском 140, Михайловском 313, а всего...[1] человек, так что по сравнению с 1908 г. число рабочих уменьшилось на...[1] человек. Большая часть оставшихся без работ ушла или уходит на заработки в соседние заводы и даже совершенно в другой горный округ, а остальные пробиваются около того же завода, всячески изыскивая подсобные промысла.

Общий заведенный порядок расплаты с рабочими, порядок, который вошел для заводоуправления в норму и на который сам рабочий смотрит как на какое-то вполне правовое отношение, таков. Рабочий, средний заработок которого от 15 до 50 рублей в месяц, получая плату тогда лишь, когда вздумается администрации, прежде всего и в большей части рассчитывается купоном, а не наличными деньгами, вследствие чего создается такое положение, при котором рабочий, не зная, когда его рассчитывают, в период времени от прошлой получки до настоящей успевает выбрать из причитающихся ему заработанных денег по купонам товаром большую часть заработка. Самый обмен происходит следующим образом. Так как рабочему иногда нужны именно деньги ими на взнос податей, покупку платья и т. п., то заводоуправление выдает ему купон, своего рода удостоверение, в котором значится размер заработанных им денег. Купон этот рабочий передает местному торговцу и взамен его получает товар часто не тот, который ему ну-

[1] В подлиннике пропуск.

жен, и всегда по самой высокой цене. Товар этот, положим муку, он тут же сдает обратно, и лавочник, само собой, не покупает уже у него за ту же цену, а дает меньше. Иногда завод уплачивает железом по своей цене, и тогда рабочий продает его на стороне по более дешевой. Таким образом у него в руках появляются незамысловатые деньги, которыми ему и приходится обходиться по своей нужде, дважды потеряв ценность. Когда же приходится получать с завода наличными деньгами, то оставшаяся сумма заработков почти никогда не выдается полностью, а в один расчет он получает только 50%, а в другой 60 и, в лучшем случае, 70%, что и было, например, 8 августа нынешнего года в Уфалейских заводах. Так что были такие счастливцы, которые за июнь и июль получили 3—4 рубля вперед на неопределенное время, причем волостной старшина тут же требовал с них взноса причитающихся податей, между тем как гг. Гинсбург, Мейер, Рабинович и вообще все владельцы и администрация получили свое громадное содержание полностью, и носятся слухи, что получали раньше даже и вперед за месяц. По причитающимся расчетам рабочим следовало получить 39 000 рублей, но они должны были удовлетвориться только 8 000 руб. Следует также иметь в виду, что доадминистрационные долги совсем не уплачиваются, и если это случается, то в крайне ограниченных случаях; факт этот совсем не единичен.

В Верхне-Уфалейском заводе доменная печь не работает более полугода, и заводовладельцы указывают на этот застой, как на необходимость, в виду сложного ремонта; по отзывам же компетентных рабочих ремонт этот при хорошей постановке дела потребовал бы 2—3 недели.

Заводскую руду ранее добывали из шахт, и выработанное железо носило высокую марку; теперь же совсем почти не берут, а везут ее на лошадях за 25 вёрст из Нижнего Уфалея или же берут с отвалов, т. е. с таких слежавшихся верхних напластований, которые представляют из себя отбросы от былой хорошей работы в заводе, и вследствие этого завод с грехом пополам вырабатывает уже не первый сорт железа, а второй и то с браком, так что местные жители для собственных нужд покупают железо не у своего товарищества.

Часто случается, что выведенный из терпения рабочий подает, наконец, исковую жалобу на то, что ему завод не платит, а заработанных — 10, 20, 50 или 100 рублей. Жалоба идет своим порядком, истец получает исполнительный лист ко взысканию, а администрация очень обязательно предлагает ему прокатиться за этими десятью рублями в Петербург, где живет товарищество, и употребить таким образом на проезд по меньшей мере 20 рублей. Охотников обыкновенно не находится, а кто имеет получить 100 рублей, тот изредка решается на прогулку, получает в конце концов за вычетом всех расходов до 50 рублей и по возвращении видит, что его место у станка занято другим рабочим, а спустя некоторое время, после 2—3 получек заработанных денег и при существовании в заводе 2 казенных и 4 пивных лавок, мать пятерых ребят, стирая белье, оставляет их пока нагими, так как перемена белья остается только желательной [1].

От бывшего владельца Ушкова население завода имеет уставную

[1] Так в подлиннике.

грамоту, по которой каждому рабочему предоставлено право подворного владения размером в 30 сажен в глубину и 10—15 саж. по фронту, причем надел этот разрешается сельским сходом. На новых местах возможно и некоторое увеличение этой площади. Покос отводится там, где установит сход, лес на постройку отпускается за плату, а для отопления бесплатно по 3 куба на домохозяина. За хлебопашество, которым заняты единичные лица, производится уплата арендной суммы по 50 коп. за десятину.

По данным последней ревизии в Верхне-Уфалейском заводе к настоящему времени считается 2 450 ревизских душ, в Нижне-Уфалейском 1 157, Атигском 634, Верхне-Сергинском 2 547, Нижне-Сергинском 3 475, в Михайловском 2 687.

Население, в общем склонное к тому, чтобы заводы не прекращали своей деятельности, в отношении земельного надела очень упорно отстаивает наделение на наличную душу в среднем от 8 до 15 десятин и совсем не соглашается на предложение владельцев получить по 4½ десятины на ревизскую душу, число которых с 63-го года уменьшилось приблизительно в 2 раза. В данном случае весьма понятна тенденция владельцев раз навсегда отделаться от населения в земельном вопросе. Между прочим междуведомственная комиссия, работавшая в Красноуфимском уезде, делала именно такое предложение населению, причем в состав этой комиссии входили гг. Рабинович, Бабель, т. е. люди, вполне заинтересованные наделом. Если бы и возможно было наделение при тех условиях, которые желательны населению, то в виду того, что большая часть площади покрыта лесом, разработка ее под пашню потребовала бы довольно продолжительного времени, и, кроме того, рабочие на первых порах не имели бы не только навыка, но даже и необходимых земледельческих орудий. Как исключение можно указать на Михайловский завод, в котором хлебопашество принимает значительные размеры, но этот завод — на юге уезда, вообще богатого пахотной землей.

У профессора Озерова в его исследовании «Горные заводы Урала» (38 стр.) есть крайне интересная заметка из доклада главного лесничего Д. Г. в главное управление Сергинско-Уфалейских заводов в 1897 году. Доклад, конечно, соответствует цели сохранения лесов для надобности завода, как древесный уголь при обжигании руды. Но, с другой стороны, иллюстрирует и взаимоотношение лесничего и заводоуправления.

Судить так, может быть, и возможно было в 1897 году, но вряд ли это выдерживает критику для настоящего времени.

«Не имея, кроме собственного труда, — говорится в докладе, — никаких расходов, следовательно, получая хлеб как даровой и в довольно большом количестве, обеспечивающем их на более или менее продолжительное время, они не особенно дорожат заводской работой, вследствие чего и постоянные стачки и требования увеличения заработной платы. А потому, по моему мнению, следовало бы распашку заводских покосов и других земель или совершенно воспретить или назначить арендную плату, которая была бы им чувствительна. Мое личное убеждение употребить все меры к сокращению хлебопашества, хлебопашец — плохой фабричный рабочий».

Если предпосылка лесничего касалась сохранения лесов для заводоуправления, то заключение его, что «хлебопашец — плохой фабрич-

ный рабочий», не составляет ответа и уже во всяком случае не выходит логическим следствием. Для каждого понятна эксплоатация леса заводами и та ревность, с которой они уберегают свои лесные площади — артерии жизнедеятельности завода при плавке и обработке руды и металла древесным углем, без которого завод замирает. Отстаивание заводских интересов в ущерб рабочих заметно в том же Нижне-Сергинском заводе со стороны лесничего Буракова и в настоящее время.

Он сильно налегает на урезку покосов, а при запашках рубит сохи, бороны, отбирает топоры и, нисколько не стесняясь, заявляет, что «штрафа не боится», так как делает это с ведома заводоуправления.

Так как заводы, хотя и в очень сокращенном производстве, продолжают выработку, и продукты ее после их заклада в государственный банк обеспечиваются вполне достаточной суммой для удовлетворения прежде всего нужды населения, то в совершенном закрытии заводов или, по меньшей мере, в непременном желании владельцев оставить их в том состоянии, которое они теперь вынашивают [1], приходится невольно предполагать предвзятую цель владельцев. Выработанного материала закладывается в государственном банке приблизительно до 30 000 пудов по цене 1 р. 40 коп. за пуд, что составит 42 000 рублей.

Из этой суммы прежде всего удовлетворяются желания владельцев, потом идет жалованье администрации, в состав которой опять-таки входят владельцы, уплата долгов банку, а после того уже, т. е. сколько останется, раздается рабочим. В то же время наблюдаются случаи продажи земли: так в Верхне-Уфалейских владениях продано 40 десятин с лесом по 25 рублей за десятину. Есть слухи о неладах между владельцами и об искусственном повышении и понижении на бирже своих акций. Был случай правительственной субсидии, причем деньги пошли не по прямому их назначению. Все эти явления с достаточной убедительностью указывают на возможно большее высасывание — специфический признак акционерного начала, и вся операция представляется так. Вырабатываемое закладывается в банк, получается еще субсидия от правительства, удовлетворяются свои желания, долг уплачивается банку, банк в свою очередь платит свой долг заграницу, а рабочий не получает ничего и об этих операциях знает, так как культурные просветители в заводских библиотеках, в дозволенных и недозволенных лекциях посвящают рабочих прежде всего в эти операции, а затем, как совершенно справедливо замечает г. Воеводин [2], читают им анатомию, психологию, астрономию, физиологию и вообще все, что угодно, только не о нравственности, не о минералогии и не о вреде алкоголизма. Конечно, справедливо и то, что при настоящем положении покупка завода доступна лишь огромному капиталу, что неминуемо ведет к приобретению заводов акционерами, хотя, казалось бы, при всей свободе горного промысла государство не отказалось бы совершенно от своего вмешательства, и основное начало указа 1719 года было таково: «Нам одним, яко монарху, принадлежащие горные заводы и оных употребление каждому, и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем».

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Очевидно имеется в виду чиновник департамента полиции Воеводин, сподвижник Зубатова.

Если проследить конкретные случаи донесений о заводской деятельности, то вполне создается впечатление о постепенном озлоблении рабочего. «В 1876 году, — значится в донесении, — в Верхотурском уезде очень беспокоит положение жителей Богословских заводов, приобретенных от правительства Башмаковым, который медеплавильное дело закрыл, и большая часть населения без работ».

В 78 году «рабочие с заработком, за исключением Богословского завода».

В 81 году «далеко не все заводские мастеровые, живущие в заводе, заняты работой вследствие разных экономических расчетов заводоуправлений, а также и потому, что есть заводы, прекратившие по разным причинам свою деятельность, отчего мастеровые вынуждены обратиться к другим промыслам. Отношение заводоуправлений к рабочим не без стремления эксплоатировать их».

В 85 году «были неудовольствия: заводы прекращали деятельность и уменьшали поденную плату, в виду этого много рабочего люда должны были искать работ другими промыслами, но, не имея навыка, не всегда могли обеспечить свое существование».

В 86 году... «замечались ропот, жалобы, недовольство. Отношение между рабочими и заводоуправлением нельзя считать удовлетворительными».

В 87 году... «в заводской жизни проявилось несколько случаев явного неудовольствия и жалоб на распоряжения заводоуправления».

В 90 году... «при соответствующей деятельности заводов, понижении заработной платы в Нижнем Тагиле была 2-х недельная стачка».

В 92 году... «были волнения и забастовки в Баранчинском, Сусанском, Михайловском и Атигском заводах вследствие неправильных штрафов. Заметно развитие между рабочими корпоративного духа».

В 93 году... «известие, что с 11 июля 94 года вводится положение о завершении поземельного устройства мастеровых и рабочих посессионных заводов, встречено несочувственно».

«Были волнения в Шемахинском заводе из-за остановки его управляющим, в Михайловском из-за штрафов, назначаемых управляющим. Забастовка продолжалась около недели».

В 94 году... «в Чермозском заводе рабочие прекратили работу, требовали увеличения платы».

В 96 году... «в Михайловском заводе и Серебрянском — стачки и волнения. В Михайловском заводе 16 марта заявлено об увеличении платы до того размера, какой был 5 лет тому назад, так как существующие теперь цены от 40 коп. до 75 коп. за 8 часов работы, при уменьшении вообще работы, совершенно недостаточны. С 1 апреля забастовали до 8-го, когда был составлен акт о гарантии 80 коп. за 8 час. работы. На Серебрянском заводе 11 августа отказались работать железо из плохого чугуна, не дающего им возможности вырабатывать условное количество железа».

В 97 году... «в Нижнем Тагиле 600 человек просили у правителя работ и расчета с 18 сентября по 10 октября: уплочено по частям. В Нижне-Салдинском 15 октября остановлен рельсопрокатный цех, без работ 400 человек».

В 98 году... «настроение в Красноуфимском и Кунгурском уездах в заводском населении — озлобленное против заводской администрации, неблаговидно пользующейся полной зависимостью [населения] от за-

водских работ. В Кыштымском заводе 4 января составлен приговор на сельском сходе об удалении управляющего Карпинского, стесняющего в сенокосе, руде и угле. В июле в Северском заводе составлен общественный приговор об удалении управляющего за грубость».

В 99 году... «не довольствуясь теми доходами, которые дают обмеривание, обвешивание и браковка, и, несмотря на то, что, по уверению хорошо осведомленных лиц, свободной, ни чем незанятой земли и леса, хватит для заводов лет на 200, управляющий Кыштымскими заводами Карпинский теснит совершенно обнищавших башкир и, на законном якобы основании, желает снести деревни старую и новую Юлдашеву, Обтрякову и Юсупову, которые расположены на приобретенных заводами землях у башкир, пользуясь их темнотой, доверчивостью и пропуском их доверенными сроков на обжалование решения оренбургской межевой конторы. В Серебрянском заводе рабочие жалуются на продолжительные остановки работ, тогда как соседний Кыновский работает не только безостановочно, но даже с увеличением работ».

В 903 году... «нельзя не заметить затруднительности заводского населения по случаю сокращения работ. Плата понижена, число рабочих уменьшено, Висимо-Шайтанский и Петрокаменский остановлены».

В 904 году... «заводское население крайне в затруднительном положении из-за сокращения и прекращения работ. Есть места — Нижне-Шайтанский завод — с платой по 20 коп. в день при пяти сменах».

В настоящее время положение заводской деятельности на Урале в отношении эксплоатации рабочего труда мало чем отличается от заводов Сергинско-Уфалейского товарищества и легко поддается учету по прилагаемой сводке. Конечно, есть заводы, где работы не только не прекращаются, но даже до некоторой степени увеличивают свое производство; таковыми являются Богословские заводы с оборудованием, далеко опередившим остальные заводы, Лысьвенский и Пожевской; но эти заводы лишний раз подтверждают, что нет правила без исключения.

Более пришибленная и обозленная натура горнозаводского рабочего, который с 16-летнего возраста, а иногда, конечно, и раньше, вращается около тридцатипудового раскаленного добела куска железа и в каком-нибудь рельсопрокатном цехе в плоть и кровь впитывает гул, лязг, свист и крепкое слово, естественно поддается подмывающей мстительной проповеди даже доморощенного социалиста, который, не зная около себя цены на морковь, трактует о борьбе труда с капиталом. Между тем доступ к рабочему более культурного просветителя при тех примитивных способах проверки рабочих на заводах, когда учет проходящих в заводские ворота основывается главным образом на памяти пропускающего их нарядчика, совсем не представляет затруднения...

В наше время странно бы было предположить, чтобы где-нибудь в Пермской губернии, хотя бы даже в Чердынском уезде, самом северном, очень лесистом и болотистом, со множеством мелких речушек, возможно было, подобно Соликамскому, «дознать о существовании трех поселков, но не иметь возможности проникнуть в эти глухие места».

Тем не менее сухая голая цифра о трудности проникновения так рассказывает об административно-высланных в Чердынский уезд.

За последние три года — 1907, 908 и 909 — цифра высланных туда достигает 1228 человек, из которых, по сведениям к 15 июля настоящего года, налицо 402 человека, умерло 15, освобождено 312, переведено в другие места и содержатся под стражей 60 человек, в разрешенной отлучке 229 и бежало 210. Пожалуй, не обинуясь, можно прибавить к числу бежавших и значащихся в разрешенной отлучке. И таким образом получится цифра 440 человек, т. е. почти 1/3 часть высланных, показатель существенный.

Высланные, в силу чисто географических условий, конечно, бегут на юг, если не прямо в заводы, то во всяком случае через них, и каждый, само собою, оставляет тут и плоды своего сознания [1].

А насколько это явление неизбежно, приходится опять-таки считаться с цифрой.

Территория Чердынского уезда исчисляется в 62 318 квадратных верст; полицейского надзора в Чердынском уезде, считая чиновников и нижних чинов, 96 человек, т. е. каждому из этих лиц надзора вменяется в обязанность быть «оком» на пространстве средним числом в 650 кв. верст, причем необходимо иметь в виду, что население крайне редко и разбросано с севера на юг на всей этой громадной площади небольшими поселками. Есть в городе Чердыни и жандармский надзор — один унтер-офицер.

Сведения настоящего доклада, касающиеся численности населения, за исключением особо оговоренных, взяты из списка населенных мест губернии по данным 1908 года.

В настоящее время они, конечно, ошибочны в виду естественного прироста, но это нисколько не изменяет обстоятельств изложенного в его целом, так как цифровые итоги должны прибавиться, а результаты безработности в силу этого сгущаются.

Полковник Комиссаров [2].

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Комиссаров, М. С., жандармский полковник, известный своей провокационной деятельностью в Петербурге, в 1905 г. изготовлял в департамент полиции и распространял погромные прокламации. В 1909 г. был назначен начальником губернского жандармского управления в Енисейске, где широко применял практику разложения среди политических ссыльных. Позже был начальником Пермского жандармского управления.

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потреби. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Казенные											
1	Кушвинский	50	9 885	9	9	1 000	12—3	—50	—	—	Общинное земл.	163 500
2	Баранчинский	—	4 626	5	4	1 400	8—3	—50	—	—	—	60 000
3	Верхне-Туринский	30	6 339	10	10	1 556	12—3	—50	—	—	—	1 248 617
4	Нижне-Туринский	36	4 247	8	7	560	—	—50	—	—	Хуторское земл.	
5	Нижне-Исетский	1	4 448	5	5	—	—	—40	—	—	—	—
6	Серебрянский	21	5 291	6	—	448	4—6	140	60	Постор. заработок	Подворн. надел.	284 918
7	Каменский	54	4 808	4	4	330	10—3	—60	—	—	Общинное	68 000
8	Артинский	7	7 973	4	1	185	12—2	—20	75	Постор. заработок	Охотно-общинное	73 992
9	Мотовилихинский	82	15 520	25	25	10 772	9—3	— 1	—	—	Безразлично	142 681
	Посессионные											
	Акционерн. общества											
1	Верхне-Исетский	—	16 820	5	5 сокр.	—	—	—40	—	Постор. заработок	—	23 346 [1]
2	Режевской	89	7 720	11	11	1 232	10—4	—90	—	—	—	
3	Верхне-Нейвинский	—	5 311	—	—	—	—	—	—	—	—	539 699
4	Нейво-Рудянский	—	2 719	—	—	—	—	—	—	—	—	
5	Верхне-Тагильскии	—	6 677	—	—	—	—	—	—	—	—	16 576
6	Уткинский	—	2 979	—	—	—	—	—	—	—	—	153 835
7	Сылвинский Демидова	—	5 155	8	—	—	7	—75	100	Сельское хоз.-во, Постор. заработок	Над. по 6 дес. на наличную душу Неохотно	
8	Нижне-Тагильский	50	34 770	10	8 сокр.	2 184	12	—50	20	Постор. заработок		
9	Висимо-Шайтанский	1	5 526	3	—	—	—	—	100	Приисков. работа	Охотно хуторское	536 309
10	Нижне-Салдинский	5	12 983	3	—	—	—	—	—	—	—	
11	Верхне-Салдинский	5	7 172	8	4	1 460	10—3	—50	—	Уходят на другие заводы	Хуторское	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребления по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
12	Висимо-Уткинский . . .	7	3 810	7	4	363	8—3	—	—	Уходят на другие заводы	Общинное	
13	Черно-Источинский . .	9	6 429	4	2	87	8—3	—	—	То же	—	
14	Лайский	8	3 705	2	—	360	—	—50	100	Углеобжигание, постор. заработки	Хуторское	536 309
15	Выйский Соломирского	50	+ Тагил	2	—	1 097	12	—50	20	Углеобжигание и приниск. работа	В собственность	
16	Северский	3	3 164	18	9	490	8	—40	—	Уходят на другие заводы	—	
17	Сысертский	1	9 514	9	2	500	12—2	—60	75	То же	Общинное	
18	Ильинский	2	+ Сысерть	11	1	500	12—3	—60	50	»	Неохотно	432 730
19	Шолевской н-ков Яковлева	2	7 664	4	2	350	12—3	—60	—	»	Общинное —	
20	Нейво-Алапаевский . .	5	7 482	9	2	2 092	8—6	—50	10	Выбывают на родину	Общинное	
21	Нейво-Шайтанский . . .	2	4 412	10	2	587	10—4	—50	—	Приниск. работа	»	321 051
22	Верх.-Синячихинский .	2	1 224	3	2	216	10—4	—50	—	—	—	
23	Нижне-Синячихинский .	—	1 970	3	—	—	—	—	—	—	—	
24	Ирбитский	2	2 958	4	4	449	4—5	—	—	—	—	83 539
25	Шайтанский н-ков Берга	—	7 557	—	—	—	—	—	—	—	Стремлений нет	40 317
26	Невьянский акц. о-ва .	6	17 195	6	2	189	10—3	—60	60	Земл. приниск. раб.	—	73 000
27	Петрокаменский	—	2 554	—	—	—	—	—	—	—	—	52 791
28	Ревдинский Ратькова-Рожкова	—	9 604	—	—	—	—	—	—	—	—	
29	Мариинский	—	1 399	—	—	—	—	—60	—	—	Наделены по	155 304
30	Бисертский	6	7 687	6	6	431	8—3	—	—	Земл. и кустарн. работа	закону 1903 г.	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Частно-владельческие											
	Демидова											
1	Александровский	—	2 758	—	—	—	—	—	—	—	—	192 724
2	Никитинский	—	3 456	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Абамелек-Лазарева											
3	Кизеловский	—	10 445	—	—	—	—	—	—	—	—	421 300
4	Чермозский	—	5 664	—	—	—	—	—	—	—	—	157 098
5	Полазнинский	2	2 241	5	5	580	8—3	—.60	—	—	Стремлений нет	144 864
	Гр. Строганова											
6	Билимбаевский	—	4 729	—	—	—	—	—	—	—	—	83 680
7	Уткинский	4	5 776	3	3	127	—	—	—	—	—	49 998
8	Кыновский	4	3 013	7	4	380	—	1.—	50	Постор. заработки	Надел на рев. душу	104 301
9	Кувинский	—	1 960	—	—	—	—	—	—	—	—	362 708
10	Добрянский	5	6 889	7	7	1 959	—	—	—	—	—	354 994
11	Очерский	15	8 362	7	7	846	10—	—.80	—	Кустарничеством	Стремлений нет	96 244
12	Павловский	9	+Очер.	5	5	602	10—	—.80	—	»	»	—
	Гр. Шувалова											
13	Лысьвенский	15	10 837	10	10	2 684	8—3	—	—	—	—	41 420
14	Кусье-Александровский	4	2 389	2	2	444	8—3	—	—	—	—	
15	Бисертский	4	1 673	2	2	693	8—3	—	—	—	—	
16	Теплогорский	4	500	1	1	296	8—3	—	—	—	—	
	Акционерные общества											
17	Верхне-Сергинский . .	3	8 940	8	7	1 434	12—3	—	10	Уходят на другие заводы	Отрицат. на налич. душу	182 464
18	Нижне-Сергинский . . .	—	12 658	6	Сок. 1/2	1 379	10—4	—.80	50	»	»	
19	Михайловский	—	10 219	6	»	283	—	1.—	—	»	»	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
20	Атигский	1	3 084	1	1	120	—	—	—	Уходят на другие заводы	Отрицат. на налич. душу	182 464
21	Верхне-Уфалейский	6	10 141	—	Сок.1/2	—	—	—.70	—	»	»	158 981
22	Нижне-Уфалейский	—	6 007	—	»	—	—	—.70		»	»	
23	Кыштымский	—	19 380	38	30	1 062	8—3	—.70	25	Кустарничеством	Хуторское	630 185
24	Каслинский	—	14 723								Общинное	
25	Нязепетровский	6	13 783	9	8	1 711	—	—.40	80	Уходят на другие заводы		
26	Шемахинский	—	4 242	—	—	—	—	—	100	»	Надел на рев. душу	
27	Чусовский	8	6 900	10	10	1 990	8—3	—.50	—	—	Склон. нет	454 488
28	Архангело-Пашийский	4	2 926	4	4	626	8—3	—	—	—	—	
29	Нытвенский	2	5 115	4	4	1 056	8—3	—	—	—	—	
30	Богословский	10	4 422	7	7	900	12—3	—.60	—	—	60% пришл. элем.	397 084
31	Надеждинский	9	5 495	10	10	4 916	—	—.60	—	—	»	
32	Турьинские рудники	8	6 942	6 шахт	—	3 351	8—3	—.60	—	—	»	
33	Сосьвинский	6	1 328	5	5	750	12	1.—	—	—	Хуторское	
	Гр. Воронцовой-Дашковой											
34	Юго-Камский	6	3 238	9	9	491	8—3	—	—	—	—	103 121
	Морозова											
35	Всеволодо-Вильвенский	—	1 734	—	—	—	—	—	—	—	—	37 306
	Ген. Бобоянского											
36	Саранинский	—	5 446	—	—	93	12	—	50	Хлебоп. и пром.	Общинное	101 004
37	Иргинский	1	4 567	—	—	—	—	—.30	100	»	Подворное	
	Кн. Львова											
38	Пожевский	—	2 982	—	—	—	—	—	—	»	—	105 366
	Бр. Каменских											
39	Суксунский	1	4 055	2	2	50	—	—.50	—	Сельск. хоз.	Получ. зем. надел	66 980

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
40	Молебский	6	3611	—	—	—	—	— 30	100	Лесным	То же	
	Кондюрина											
41	Камбарский	4	6342	6	6	120	12—2	—	—	—	—	

Примечание к таблице Ротмистр Чувствин

По техническим условиям таблица воспроизводится в несколько измененном виде, а именно: между 1 и 2 графами опущены три графы: а) «владелец», б) «образовательный ценз управляющего» и в) «максимум его полномочий».

Сведения о владельцах заводов включены в первую графу печатаемой ведомости. На всех казенных заводах управляющие—инженеры, сведения об их уполномочиях не указаны. На посессионных заводах в печатаемой ведомости под № 1, 2, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22 и 26 управляющие—инженеры, на заводах № 8, 15, 21, 30—техники; об остальных сведений не имеется; на частновладельческих заводах под №№ 5, 10, 11, 12, 13—16, 19, 21,—31, 33, 34—инженеры, об остальных сведений не имеется.

В графе о полномочиях управляющих имеются следующие отметки: а) «увольнять рабочих»—на посессионных заводах под № 1, 2, 8, 10—12, 15, 21, 22, на частно-владельческих под № 5, 7—33, 36, 41; «закрыть завод»—на посессионных под № 9, 13, 14, 16—20, 24, 26 и на частновладельческих под № 34, 39 и 40; «сократить рабочих»—на Бисертском; «продать»—на Иргинском, относительно остальных заводов сведений нет.

Между графами 9 и 10 опущена графа с заголовком «Чем рассчитываются рабочие», в которой указано, что на заводах Нижне-Тагильском, Висимо-Шайтанском, Нижне- и Верхне-Салдинском, Висимо-Уткинском, Черно-Источинском, Лайском, Выйском, Верхне- и Нижне-Сергинском, Михайловском, Атигском, Верхне- и Нижне-Уфалейском расчет производится деньгами и купонами, а на остальных деньгами.

Между 10 и 11 опущены три графы: а) «Получает ли завод правительственную субсидию»—отмечено получение одним Нижне-Тагильским заводом; б) графа—«Существует ли кустарный промысел», где отмечено: на Сылвинском—«молочное хозяйство», на Невьянском—«сундучный», на Саранинском, Очерском и Павловском—«молотилки», на Кыштымском и Каслинском—«кустари разных цехов», на Иргинском—«кузнечное, кожевенное»; в) в графе «Насколько реагирует в этом случае [безработицы] земство»—отмечено: Кыштымский, Каслинский, Бисертский, Иргинский, Нижне-Исетский—«кредит»; Висимо-Шайтанский—«учебно-показательные мастерские»; Очерский, Павловский—«организация сбыта».

В конце ведомости опущены две графы, а именно: а) «Кахово взаимоотношение рабочих и администрации», где отмечено: Верхне-Нижне-Сергинский, Михайловский, Атигский, Нижне- Верхне-Уфалейский, Кыштымский, Каслинский, Серебрянский, Артинский, Режевский—«неудовлетворительно»; б) «Предполагается ли дальнейшее сокращение»—отмечено по отношению заводов Верхне- и Нижне-Туринского—«доменный», Серебрянского—«остановка», Артинского—«дальнейшее сокращение», Сылвинского, Нижне-Тагильского, Лайского, Шемахинского, Иргинского, Молебского—«не действует», Кыновского, Очерского, Павловского—«закрыть».

Аграрное движение в Смоленской губернии в 1905—1906 гг.

Публикуемые материалы о крестьянском движении в 1905—1906 гг. в Смоленской губернии в отличие от материалов, опубликованных в предыдущих томах «Красного архива», освещают не действия особоуполномоченных сановников по подавлению крестьянского движения, как Дубасов и Игнатьев 2-й, а рисуют деятельность низших чинов царской администрации, губернской и уездной. Рассматривая действия этих звеньев царской администрации, мы видим, что они мало чем отличаются от деятельности высших чиновников. Представленный «к отличию» полковник Гладышев применяет ту же «всеспасающую» меру — поголовную порку крестьянства, к которой прибегали усмирители Дубасов, Игнатьев 2-й и пр. Он вкупе с смоленским начальником охранки приходит к выводу, что розги и только розги и порка могут предотвратить дальнейшее развитие революционного движения среди крестьян. «Зная близко современное настроение крестьян, нахожу вынужденным доложить департаменту полиции, что только телесным наказанием возможно предотвратить резню и разорение в предстоящую весну».

Тюрьма не страшит крестьян, немыслима высылка массы «подстрекателей», накопившихся повсеместно в тюрьмах. Тюремная жизнь облегчается помощью со стороны комитетов разных наименований и поддерживается организационными связями, а потому по мнению царского чиновника только розги, «не отрывая работников от семей, без кровопролития, могут умиротворить страсти и уронить агитаторов в глазах населения».

Что касается выражения «без кровопролития» в приведенной выдержке, то это пустая фраза для отвода глаз и оправдания массовой порки. На деле же при подавлении крестьянского движения в Смоленской губернии расстрел толпы применялся повсюду. Наоборот, когда действия усмирителей были не особенно решительны, что имело место только один раз, причем был один раненый, от товарища министра внутренних дел был получен выговор с выражением недовольства за нерешительные действия полиции.

Кроме мер репрессивных Гладышев, подобно Дубасову и Игнатьеву, прибегает к тем же мерам «отеческого» внушения и разъяснения. Однако эти «разъяснения» действовали лишь, пока находились войска, велась порка, применялся расстрел. При малейшей возможности движение возникало вновь и шло дальше, шире и глубже.

Откровенное на этот счет заявление мы находим в донесении земского на-

чальника Хмара-Барщевского: «Посетив несколько митингов с целью разъяснения крестьянам лживости сообщаемых им агитаторами сведений и «законов», я убедился в трудности таких разъяснений, так как толпа отказывается понимать самые основные положения права, подстрекаемая агитатором не доверять теперь должностному лицу, и убеждения действовали лишь на серьезных домохозяев», т. е. на кулаков.

Публикуемые материалы безусловно интересны тем, что на протяжении от июня 1905 года по конец декабря 1906 года показывают смену разных форм крестьянского движения, постепенное и последовательное его нарастание.

Движение начинается с борьбы крестьян за отрезки. Тов. Сталин, разбирая вопрос об отрезках, указывает, что:

«В 1903 г., когда партия говорила об «отрезках», российское крестьянство еще не было втянуто в движение. Обязанностью партии было бросить в деревню такой лозунг, который бы зажег сердца крестьян и поднял бы крестьянство против остатков крепостничества. Как раз такой лозунг был «отрезки», которые ярко напоминали российскому крестьянству о несправедливости остатков крепостничества. После того времена изменились. Крестьянское движение выросло... Сегодня речь идет не о том, *как должно быть приведено* в движение крестьянство, а о том, *что должно требовать пришедшее в движение крестьянство*. Ясно, здесь необходимы определенные требования, и вот партия говорит крестьянству, что они должны требовать конфискацию всех земель» («Аграрный вопрос», ст. 1-я, газета «Элва», 17 марта 1906 г.) [1].

На III съезде партии аграрная программа была изменена. Было выдвинуто требование конфискации помещичьих, казенных, монастырских и церковных земель наряду с созданием крестьянских комитетов.

На примере Смоленской губернии мы видим, как действительно движение не ограничивается борьбой за отрезки и как оно идет дальше. Этот период неразрывно связан с влиянием на движение со стороны рабочих, пришедших с фабрик, что неоднократно подчеркивается в публикуемых документах.

Движение развертывается в ряде мест в вооруженные столкновения крестьян с полицией и войсками и ослабляется только после разгрома движения карательными отрядами. Нельзя не отметить того важного факта, что генерал-майор Громыко, считая войска абсолютно ненадежными предлагал действовать лишь казачьими отрядами и кавалерийскими частями.

И. Кузнецов.

Рапорт пристава 1 стана Бельского уезда прокурору Смоленского окружного суда от 9 июня 1905 г., № 1051 [2].

Два года тому назад крестьяне Холмовской волости селений: Пустошки, Федина, Веретенина, Каимова, Репища, Бартенева, Казилова, Некрасова, Санова, Вырбова и Лехмина самовольно завладели отрез-

[1] Цитировано по бр. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Партиздат, 1935, стр. 54.

[2] Фонд канц. смол. губернатора, 1905 г., д. № 11, л. 141; документы подготовлены к печати В. Дмитриевым.

ными от наделов их землями владельца села Холма графа Игоря Алексеевича Уварова, производя пастьбу скота, покос травы и пашню. В мае месяце сего 1905 года завладели отрезными землями и крестьяне селений: Пузикова, Фастова, Романикова и Васильева, хотя до этого времени крестьяне всех этих селений за пользование этими отрезными землями платили арендную плату графу Уварову. Дела по самовольным завладениям крестьянами первых одиннадцати селений до сих пор находятся в рассмотрении подлежащих судебных учреждений, по жалобе графа Уварова, и как у земского начальника, так и в бельском уездном съезде решены в пользу графа Уварова и, несмотря на это, они и с весны сего года начали самовольное пользование. При посещении моем 3—4 сего июня этих селений некоторые оказавшиеся дома крестьяне-домохозяева увещаний моих прекратить самоволие не послушались, причем крестьяне дер. Федина Стефан Петров и Иван Ильин высказались, что если их, крестьян, за это посадят, то будет бунт, и они пойдут громить усадьбу графа Уварова, что в Петербурге народ бунтуется, и несмотря на то, что в него стреляют и убивают, и что они подождут Петрова дня (29 июня), и посмотрят, что тогда будет.

Я считаю самовольное завладение крестьянами сказанных селений отрезными землями графа Уварова аграрным движением среди крестьян, могущим распространиться среди крестьян и остальных селений волости и соседних волостей, если только не будут приняты законные меры к прекращению начатого самоволия; а то, что они высказались: «подождут Петрова дня» — началом повсеместного завладения покосами по владению графа Уварова, так как около этого времени начинаются покосы.

Пристав 1 стана Кременский.

Рапорт духовщинского уездного исправника смоленскому губернатору от 30 июня 1905 г., № 510 [1].

Пристав 3-го стана рапортом, полученным 28 сего июня, донес мне, что ему 27 июня заявил арендатор имения гг. Лазаревских, Иван Константинов Штембель, что отданные им, Штембелем, на скос травы луга крестьянам деревни Скачихино, которых крестьяне Сущевской волости дер. Нефедоровщины не допустили косить. Пристав, тогда же прибыв на место, застал крестьян дер. Нефедоровщина косившими луга Лазаревских, отданные крестьянам дер. Скачихино, и на предложение не нарушать чужого владения, они все единогласно отказались исполнять его требование, говоря, что в надельном плане их числится эта земля за ними и они будут ею пользоваться, ввиду того, что был и ведется у них с Лазаревскими суд относительно спорных участков земли.

Получа рапорт пристава, я в тот же день прибыл в дер. Нефедоровщину, вызвал к себе крестьян, которые под влиянием местного земского начальника Забелло (недалеко от них живущего), ранее разъяснившего им незаконность их действий, а затем и моих убеждений в присутствии старшины, прекратили самовольство и вошли вновь

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 11, лл. 147—148.

в доброе отношение с владельцем, уплатившим им некоторую часть за работу по скосу принадлежащих ему 3½ десятин луга.

Уездный исправник Сулима-Самуйлов.

Рапорт пристава 3 стана ельнинскому уездному исправнику от 2 июля 1905 г., № 939 [1].

В пределах Ивонинской волости в деревнях: Выползове, Тишове, Плоток, Березкине, Нежеде, Крашневе и Старой Буде крестьяне сговариваются произвести беспорядки аграрного характера и, как мною дознано, 26 минувшего июня в Крашневском лесу устраивали сходку, на которой участвовало двое каких-то приезжих, которых крестьяне называют «студентами». На сходку эту созывали двое крестьян: из дер. Выползово Иван Бондарев, служащий в ивонинском министерском училище преподавателем столярного ремесла, и его товарищ, тоже столяр, Прокофий Васюков, живущий на хуторе Крашневе. Созывали они с ярмарки, бывшей в тот день в Ивонине. По объяснению крестьян дер. Старой Буды: Тимофея Прохорова Долбащенкова, Семена Павлова Корначева, Николая Архипова Муравского и Павла Абрамова Пузанова на сходке решался вопрос не итти на работы к местным помещикам, как требующим слишком высокую плату за отрезные земли под уруги и пр., а равно брать все нужное в помещичьих усадьбах и косить луга их в свою пользу. На последнее Бондарев с Васюковым и из деревни Плоток Семеном Аввакумовым Трошиным возразили, что прежде нужно уничтожить всех помещиков и разграбить их имения и только тогда будет достигнута цель. Сходка еще должна была состояться 29 июня, но вследствие арестования мною некоторых из участников и принятия других мер, таковая не состоялась. Кроме перечисленных лиц, на сходке были: из Крашнева — Аверьян Никитин, дер. Плоток — Алексей Антонов Иосифов, дер. Тишова — Иван Фролов и Иван Иваничкин, дер. Выползова — Прокофий Карпов (этот был в С.-Петербурге при движении фабричных 9 января и ставил примером стойкость фабричных, несмотря на стрельбу из ружей), дер. Б. Нежеды — Иван Аверьянов. Всего было на сходке более 70 человек. Столяр училища Бондарев сознался о состоявшейся сходке и утверждал, что на таковой «студентов» не было, а свои, не узнанные, но кто именно, — не сказал. В частном моем разговоре с заведующим училищем Иосифом Макаровым последний высказался, что он с своим сослуживцем Ивашкевичем, учителем того училища, болеют о тяжелом положении крестьян, но, заметив мои подозрения об их участии в движении крестьян, легко мог передать Ивашкевичу, который немедленно и выбыл в Смоленский уезд, где живут родные в пределах Хохловской волости. Созыв крестьян на сходку преподавателем столярного ремесла, исчезновение учителя Ивашкевича и отсутствие его на ярмарке во время сходки, а равно и сочувствие Макарова положению крестьян — дают основание сделать вывод, что инициатива в крестьянском движении исходит исключительно из ивонинского училища, где Макаров состоит учителем около 25 лет и пользуется большим влиянием среди многих крестьян; к тому же и на сходке участвовали многие из бывших его учеников, не исключая Бондарева и Васюкова.

Пристав Иодко.

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 11, л. 144.

Телеграмма управляющего Смоленской губернией товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, от 12 июля 1905 г.[1].

8-го вечером в усадьбе Клетиной, Смоленского уезда, крестьяне деревни Наготь, собравшись толпой, разбили в господском доме и в усадьбе окна. Ночью исправник со взводом драгун восстановил порядок, арестовано трое. Следствие, ввиду политической подкладки, производится жандармским управлением. 11-го близ Ярцева в имении купца Скоробогатова крестьяне деревни Новоселья, Духовщинского уезда, прогнали экономических косцов, нанеся им побои, и стали сами косить луга. С помощью посланного полуэскадрона драгун крестьяне деревни Новоселья удалены с лугов, 16 зачинщиков арестовано, луга и скошенное сено передано владельцу, порядок восстановлен, производится судебное следствие.

Управляющий губернией тайный советник Звегинцов.

Телеграмма начальника Смоленского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов от 17 августа 1905 г.[2].

16-го августа в имении Бакланово княгини Оболенской произошли беспорядки, выразившиеся в потравах, разбитии окон, оскорблении полиции, высланы казаки.

Генерал-майор Громыко.

Рапорт Рославльского уездного исправника начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 19 августа 1905 г., № 415[3].

Сообщаю вашему превосходительству, что крестьяне вверенного мне уезда, Костыревской волости, дер. Большой Буды Семен Андреев Доронин, Емельян Фомин Пупыкин, Карней Кузьмин Чулков, Ефрем Федоров Зуев, Евсигней Харитонов Шермаков и Семен Васильев Бычков, обвиняемые, по данным производимого расследования, как руководители, в захвате вооруженной толпой, в составе целого общества, с нанесением побоев лесной страже, около 150 десятин земли и леса, принадлежащих соседним землевладельцам той же волости Евстафьевым, и самовольном проведении просеки, с прорубкою леса шириною в одну сажень и длиною около двух верст, — поставлением моим, согласно циркуляра МВД от 17 июня 1898 г. за № 4894 и на основании 29 ст. полож. об охране, подвергнуты сего числа аресту в рославльской тюрьме, с сообщением копии постановления прокурору Смоленского окружного суда и донесением смоленскому губернатору.

Обоснования крестьян к захвату несложны. Старики им засвидетельствовали, что данная площадь земли и леса когда-то, якобы, принадлежала Буднянскому обществу крестьян, да, кроме того, она им и нужна очень, так как прилегает к их купленной земле, а между тем

---

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 55, л. 17, воспроизводится по отпуску.

[2] Фонд Смоленское губернское жандармское управление, 1905 г., д. № 81, л. 99; воспроизводится по черновику; имение Бакланово находилось в Краснинском уезде.

[3] Там же, 1905 г., д. № 81, лл. 104-105.

платить землевладельцам аренду и отрабатывать послугу очень убыточно, вследствие чего они и решили сходом захватить эту площадь, хотя и принадлежащую Евстафьевым лет тридцать, как свидетельствуют сами крестьяне. Они уже поделили лес на делянки и намеревались рубить, несмотря ни на какие увещания. Рассчитываю, что арест руководителей отрезвит их. Во всяком случае, я не допущу дальнейшего самоуправства, хотя бы пришлось для этого вызвать военную силу, ибо нельзя отрицать возможности неожиданностей. Местный надзор строго установлен.

Надлежит упомянуть, что данные аграрные беспорядки, повидимому, имеют связь с ранее появившимися в Буде прокламациями — «Ко всем крестьянам», где именно рекомендуется подобный способ действий. Таким образом, дело, как надо полагать, не лишено и политической подкладки, что дальнейшим расследованием и может выясниться.

Ввиду сего и других необходимых выяснений по делу я ходатайствую перед губернатором о продлении срока расследования впредь до окончания такового.

Присовокупляю, что арестованный крестьянин Семен Доронин есть сельский староста, о заключении которого по охране сообщаю вместе с сим земскому начальнику 1 участка.

И. об. рославльского исправника Благонравов.

Рапорт ельнинского уездного исправника смоленскому губернатору от 24 августа 1905 г., № 595 [1].

Пристав 1 стана вверенного мне уезда донес рапортом от 11 сего августа за № 460, полученным 19 августа в мое отсутствие, что, по поручению подведомственного мне полицейского управления, о производстве аукционной продажи имущества крестьян села Язвина, Балтутинской волости, за неплатеж ими в пользу казны 19 руб. 69 коп. межевой недоимки, по делу о размежевании, по решению окружного суда, дачи села Язвина землемерным помощником Аниховским, согласно расчета, присланного смоленским губернским правлением при предложении от 10 февраля 1904 г. за № 319 — он, пристав, назначил аукционную продажу на 10 сего августа при Балтутинском волостном правлении то имущество крестьян, которое было отмечено к продаже земским начальником 5 участка Ельнинского уезда. В день продажи пристав, имея сведения, что крестьяне добровольно не отдадут подлежащее продаже имущество, для доставления из села Язвина в Балтутино к волостному правлению, созвал всех урядников стана (4 чел.), сотских (10 чел.) и часть десятских и, прибыв в село Язвино с вышеозначенным нарядом нижних чинов полиции, предложил крестьянам: или уплатить деньги — межевую недоимку в сумме 19 руб. 69 коп., или выдать имущество, предназначенное к продаже; крестьяне же как от уплаты недоимки, так и от выдачи имущества наотрез отказались, а когда пристав сделал распоряжение нижним чинам взять у них разрешенный к продаже скот, находившийся в то время в поле, то крестьяне в числе 41 человека, вооружившись кольями, воспротивились этому. Ввиду чего продажа не состоялась, и при-

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 63, л. 4—7.

ставом о сопротивлении общества крестьян села Язвина составлен протокол и для привлечения их к ответственности по 273 ст. уг. ул. о нак. и передан судебному следователю по Ельнинскому уезду.

Между тем мною на месте в селе Язвине выяснено следующее:

1) что пристав предъявлял крестьянам требования об уплате не 19 руб. 69 коп., а 113 руб. 64 коп., 2) неудовольствие крестьян по поводу назначения в продажу имущества без производства предварительно у них приставом описи и 3) что крестьяне считают предъявленное им взыскание межевой недоимки преждевременным, так как они ожидают еще какого-то суда, но какого именно, того объяснить не могли и что, ввиду ожидания суда, они отказались и отказываются от уплаты межевой недоимки, вследствие чего я признал необходимым вызвать пристава телеграммой со всей перепиской, относящейся к данному делу. Сего числа пристав явился и представил требуемое.

Из обозрения представленной переписки и личного доклада пристава выяснилось следующее: 1) что действительно приставом опись имущества крестьян не производилась и, как видно из переписки, в этом небезгрешно и подведомственное мне полицейское управление, ибо пристав ходатайствовал рапортом от 2 апреля с. г. за № 460 разрешить опись и продажу движимого имущества крестьян с. Язвина, но полицейское управление поручило приставу 7 мая за № 342 доставить сведения, в чем именно заключается движимое имущество крестьян, которое предполагает пристав подвергнуть описи и продаже, с указанием и приблизительной стоимости имущества, каковые сведения, по требованию, были доставлены балтутинским волостным правлением ему, приставу, а последним полицейскому управлению, которое передало переписку земскому начальнику для отметки в доставленных сведениях «предметов», могущих быть проданными без разорения сельского хозяйства недоимщиков и, по получении от земского начальника сведений с отметкой, что может быть продано, поручило приставу произвести продажу отмеченного скота — 27 июня за № 342. В исполнение чего пристав и назначил продажу на 10 августа — на пополнение межевой недоимки в сумме 19 руб. 69 коп., о чем были извещены и недоимщики; 2) что пристав, прибыв 10 августа в село Язвино, имея в руках, кроме вышеуказанного, другое предписание губернского правления от 27 мая сего года за № 1372 о взыскании с тех же крестьян за вышеуказанное межевание еще 68 руб. 15 к. и частное взыскание по исполнительным листам земского начальника 3 участка Ельнинского уезда от 20 августа 1904 г. за №№ 876 и 877 в пользу г. Феоктистова 25 руб. 80 коп. (по искам Феоктистова с общества крестьян села Язвина по делу о восстановлении нарушенного последними владения г. Феоктистова в 1904 г.), действительно предъявил крестьянам взыскание в сумме 113 руб. 64 коп., разъяснив им род взыскания, и 3) что при забрании подлежащего продаже имущества крестьян пристав лично не присутствовал и, следовательно, сопротивления ему, как исполнявшему предписание начальства, со стороны крестьян оказано не было.

Вследствие вышеизложенного мною вместе с сим предложено полицейскому управлению возвратить всю по делу переписку приставу 1 стана для производства описи и продажи имущества недоимщиков — крестьянского общества села Язвина, установленным законным порядком, на пополнение числящихся на них недоимок по межеванию,

а приставу поручено лично: 1) не смешивать частных взысканий с взысканиями казенными и 2) опись имущества и затем продажу произвести в возможно скорейшем времени, причем подтвержден порядок ведения этого дела и вменено отнестись к таковому с крайней осторожностью и энергией, чтобы, если крестьяне добровольно не уплатят числящихся недоимок во вновь имеющий быть назначенным срок, принять лично участие в деле доставления описанного скота.

Донося о вышеизложенном вследствие предписания вашего превосходительства от 17 сего августа за № 8664, считаю долгом доложить, что все недоразумения между крестьянами и землевладельцем Феоктистовым возникли по следующему поводу: крестьяне общества села Язвина в 1902 г. приобрели от г. Феоктистова, с помощью Крестьянского поземельного банка из дачи имения Язвина землю в количестве 129 дес. 1000 кв. саж.; на эту землю в смоленском отделении Крестьянского поземельного банка имеется план, на коем продаваемая земля (как показано и на представляемом наброске) показана граничащей с надельною крестьянской села Язвина землею (граница от А до Б); этот план подписан г. Феоктистовым и, следовательно, границы продаваемой Феоктистовым земли признаны правильными, между тем в 1903 году 17 января московская судебная палата, по иску г. Феоктистова, утвердила проект распределения дачи села Язвина, по которому часть земли крестьян села Язвина к меже купленной ими же (граница АВ) в количестве 47 дес. 1900 кв. саж. отошла во владение г. Феоктистова, и в ноябре месяце того же года землемерным помощником Аниховским (за что производится помянутое взыскание 87 р. 84 к.) приведен этот проект в исполнение. Таким образом отмежеванный в пользу г. Феоктистова участок земли оказался между надельной землею крестьян и ими же купленной у г. Феоктистова, ввиду чего крестьяне вынуждены или совершать кружный объезд, или просить г. Феоктистова разрешить им проезд через отрезанный участок, чтобы попасть на купленную землю, да и расставаться с тою землею (отрезанною в пользу Феоктистова), которою крестьяне владели десятки лет, им показалось неправильным, почему они пытались и продолжают пытаться самоуправно владеть ею и с весны прошлого 1904 года стали пасти скот на отмежеванной земле, а затем пахать и сеять ее; Феоктистов обращался в суд, к земскому начальнику о восстановлении нарушенного крестьянами владения, и последним решено в пользу г. Феоктистова, каковое решение приведено в исполнение, кроме присужденного денежного взыскания — 25 руб. 80 коп., которые пристав и предполагал произвести 10 августа. О действиях крестьян было донесено предместнику вашего превосходительства рапортом от 9 августа и 22 сентября 1904 г. за №№ 703 и 780.

Считаю также долгом довести до сведения вашего превосходительства, что в 1903 и начале 1904 года крестьяне были согласны купить у г. Феоктистова отрезанные 47 десятин 1900 кв. саж. по 100 руб. за десятину, т. е. по той же цене, по которой куплена ими земля у Феоктистова в 1902 г., но он менее 200 руб. за десятину землю не соглашался продать, а теперь и крестьяне, видимо, задались мыслью владеть спорным участком самоуправно без покупки.

Исправник Зубакин.

Рапорт ельнинского уездного исправника смоленскому губернатору от 2 сентября 1905 г., № 1385[1].

1 сего сентября от землевладельца села Новоспасского, Докудовской волости, вверенного мне уезда, Льва Григорьевича Зеликина, проживающего в гор. Смоленске, в подведомственном мне полицейском управлении, было получено заявление, что 26 истекшего августа его управляющий с работниками и поденщиками-крестьянами дер. Шатькова той же волости отправились косить принадлежащий Зеликину луг и едва успели скосить одну треть, явились крестьяне дер. Шатьково, прогнали с луга косцов, забрали скошенное сено и пустили по лугу своих лошадей; посланный управляющим за урядником последнего дома не застал, почему и во избежание повторения подобных самоуправств со стороны крестьян Зеликиным подано означенное заявление с просьбой содействия. Ввиду чего я командировал в Новоспасское своего помощника и одновременно послал телеграмму местному приставу о выезде туда же с урядниками. С. Новоспасское от города Ельни — 28 верст, а от становой квартиры — 40 вер.

Сего числа, в 3 часа пополуночи я получил с конным нарочным из Новоспасского от моего помощника следующее донесение: спорная земля в количестве двух десятин находится при самой дер. Шатьково, составлявшая прежде усадебную землю бывшего винокуренного завода, принадлежавшего экономии с. Новоспасского; теперь ни завода и никаких построек на ней нет, вся земля обращена в луг. Сперва владелец экономии этою землею пользовался, отдавая ее в аренду крестьянину д. Шатькова Василию Львову по 20 руб. в год; после два года сряду косил сам владелец и убирал беспрекословно, даже сами крестьяне дер. Шатькова за плату, как поденщики, убирали, не протестуя против владения экономиею. В 1904 г. крестьяне затравили этот луг своим скотом, что побудило Зеликина судиться с ними. Волостной суд присудил с крестьян 30 руб., крестьяне перенесли дело в уездный съезд, где оно еще не рассмотрено; 26 августа, когда рабочие Зеликина стали косить, то крестьяне прогнали их и пустили свой скот, продолжая травить, о чем до прибытия моего помощника уже составлен местным урядником протокол, который передан управляющему, а последний намерен представить его земскому начальнику для преследования за самоуправство и взыскания убытков в сумме 40 руб. и за порчу луга свиньями 25 руб. На вопрос помощника моего, обращенный к крестьянам, почему они самовольно захватили луг, крестьяне ответили, что при нарезке наделов бывшим тогда владельцем им, будто бы, было сказано, что земля будет принадлежать экономии до тех пор, пока на ней стоит завод, но если когда-либо он будет уничтожен, то за право пользования для заводского пруда берегами крестьянской надельной земли земля из-под завода поступает в их, крестьян, владение, о чем, будто бы, и в сказке записано, но документы их сгорели, — надеются их добыть в губернском правлении, причем в донесении мой помощник добавил, что о высылке в Ельню главных зачинщиков сделано распоряжение, что он остается до сего дня для убеждения крестьян и о том, что к нему прибыли пристав с урядниками и местным волостным старшиною.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 11, л. 169.

Донося о вышеизложенном, докладываю вашему превосходительству, что о результате убеждения крестьян и о положении дела в уездном съезде мною будет донесено дополнительно.

Исправник Зубакин.

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 21 сентября 1905 г., № 10063 [1].

Смоленский уездный исправник рапортом от 15 сего сентября за № 1890 донес мне, что крестьяне дер. Новой, Владимирской волости, самовольно производят рубку леса в имении землевладельца мещанина Никиты Семенова Василевского на участке в 24 десятины под названием «Потеевщина», прилегающем к их земельному наделу, каковой участок крестьяне считают своей собственностью ввиду недостающего у них количества надельной земли около 6½ десятин, которая уже присуждена им Смоленским окружным судом, но еще не прирезана к их наделу за непредставлением крестьянами следуемых денег на выезд землемера и члена окружного суда. При этом присовокупил, что рубка леса и потрава лугов на упомянутом участке крестьянами производилась периодически с 1903 года, в настоящее же время участок под названием «Потеевщина» крестьяне самоуправно разделили между собой на отдельные земельные площади с целью пользования. Для прекращения самоуправных действий со стороны крестьян деревни Новой чинами местной полиции были приняты надлежащие меры с разъяснением им всех незаконных их действий и той строгой ответственности, которой они за это могут быть подвергнуты, но такого рода увещания на крестьян не подействовали, и они единогласно объявили, что никакая власть не приостановит их действий, о чем заявили даже местному земскому начальнику при разборе дела по жалобе Василевского на крестьян за самоуправство. Затем 9 текущего сентября крестьяне, продолжая свои действия, позволили себе срубленный ими в 1903 году лес, на который, согласно исполнительного листа земского начальника 1-го участка Смоленского уезда, наложен был арест, с передачей на хранение такового владельцу Василевскому, поделить между собой и перевезти в деревню к своим дворам. Главными руководителями в этом деле были крестьяне дер. Новой: Тит Евдокимов, Тихон Леонов, Орест Кузьмин и Владимир Яковлев. Ввиду такого положения настоящего дела были вызваны указанные главари в г. Смоленск, но таковые прибыли ко мне 15 сентября не одни, а со всеми крестьянами дер. Новой, которым я лично разъяснил всю незаконность их действий по отношению к собственности Василевского, предъявив к ним требования впредь не делать самоуправных захватов чужой собственности, в противном случае они будут отвечать за причиненные убытки и строго наказаны, а земля от них все-таки будет отобрана силою. После долгого уговора крестьян, не придя ни к какому результату, я, на основании п. 3 циркуляра министра внутренних дел от 17 июня 1898 г. за № 4894 и ст. 29 положения об охране, подвергнул крестьян-главарей Тита Евдокимова, Тихона Леонова и Владимира Яковлева аресту при смоленской тюрьме. Затем командировал на

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 69, л. 9.

место в деревню Новую отряд казаков в 25 человек под командой урядника сотни вместе с смоленским исправником и местным земским начальником, с прибытием коих порядок был восстановлен без употребления оружия и вообще без всяких насильственных действий со стороны казаков или полиции, причем крестьяне дер. Новой, вполне сознавая свою вину в этом деле, чистосердечно раскаялись в незаконном своем поступке и дали обещание не повторять более подобного самоуправства, а самовольно срубленный ими в даче Василевского лес перевезен в усадьбу последнего и сдан ему на хранение. Для окончательного же восстановления добрых отношений с владельцем крестьяне, явясь к нему, просили о прощении за незаконность их действий, причем владелец Василевский в знак примирения с ними пришел на помощь им и внес 50 рублей на выезд землемера и члена окружного суда для отмежевания недостающей у них земли около 6½ дес.

Ввиду раскаяния крестьян дер. Новой, а также и ходатайства их об освобождении из-под стражи односельчан их: Тита Евдокимова, Тихона Леонова и Владимира Яковлева, которые также убеждены в незаконности своих действий, я признал возможным освободить из тюрьмы Евдокимова, Леонова и Яковлева 20 сего сентября.

Губернатор Суковкин.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 2 ноября 1905 г., № 934[1].

Вчерашнего числа явились ко мне жандармский унтер-офицер станции Ново-Дугинской и пристав 1 стана, которые доложили, что 30 прошлого октября близ означенной станции собрался из крестьян соседних селений в количестве около 300 человек митинг, на котором обсуждались разные политические и экономические вопросы населения и что таковой же митинг назначен на 6 сего ноября с гораздо бо́льшим количеством (предполагается от 2 до 3 тысяч человек). Собравшаяся толпа на первом митинге вела себя слишком бурно и нетактично, а в настоящее время распространился упорный слух, что 6 ноября будет устроен разгром находящихся там: почтовой конторы, вокзала и трактирных заведений. Вследствие сего мною сделано распоряжение, чтобы на это число были (туда) собраны становые пристава и урядники, куда также отправлюсь и я лично. Но полицейских сил в данном случае будет, конечно, весьма недостаточно, и я при всем старании одними увещаниями не буду, может быть, в состоянии предотвратить могущий быть погром, а потому в дополнение к рапорту моему от 25 прошлого октября за № 914 вновь ходатайствую о присылке в г. Сычевку от 40 до 50 вооруженных солдат. Подобные, как выше указано, митинги предполагаются во многих местах уезда, причем в некоторых созываются таковые против желания самих крестьян: такой случай имел место в с. Тесове, где собирал неоднократные митинги земский врач Николай Осипович Глинка и в результате

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 394, лл. 5—6.

получилось то, что означенный Глинка 29 прошлого октября месяца сообщил г. председателю земской управы Герасимову, что 30 числа того же месяца в селе Тесове черная сотня собирается громить земскую больницу, сельскохозяйственный склад и министерское училище, причем предполагают убить его, врача Глинку, заведующего складом крестьянина Дмитрия Ростова (состоявшего ранее под гласным надзором полиции за государственные преступления) и учителя Игнатенкова. Получив означенное заявление от председателя Герасимова, я того же 29 числа с местным становым приставом и четырьмя урядниками отправился в село Тесово и обратился к местному священнику с предложением прочесть в церкви высочайший манифест 17 октября и отслужить благодарственный молебен, причем, захватив с собою этот манифест, напечатанный в 400 экземплярах, и ваше объявление, присланное при предписании от 26 октября за № 137, роздал их 30 числа в церкви, при участии председателя земской управы, всем присутствующим, но когда, по окончании литургии и молебна, я вышел из церкви, то увидал на площади большое собрание крестьян, которые в возбужденном состоянии между собою довольно громко разговаривали; когда же я вошел в толпу, то они начали приносить мне жалобу, прежде всего на своего учителя Игнатенкова, который, будто бы, не желает открывать школы и вообще плохо занимается своими делами, состоя одновременно надсмотрщиком леса местного помещика Тимофеева, заведующим комитетскою чайною, библиотекою и начальником пожарной дружины (которая также бездействует). На первый пункт жалобы г. председатель земской управы разъяснил, что означенная школа не открывается по распоряжению инспектора народных училищ, ввиду распространившейся между учениками болезни скарлатины, но этот факт крестьяне опровергают, говоря, что ученики все здоровы и был один только случай заболевания, который не мешает начать учение; далее начали заявлять претензию на их доктора Глинку, который собирает митинги, читает, как им казалось, подложный манифест и разъясняет его; причем в этом участвует заведующий сельскохозяйственным складом Дмитрий Ростов, которого они знают за неблагонадежного человека; при этом добавили, что на одном из митингов доктор Глинка говорил о выборах в Государственную думу и предлагал им подписать какую-то бумагу, которую между прочим не читал, а только объяснял, что выборы в Думу должны быть всеобщие, а не такие, какие даны правительством в настоящее время, и что об этом нужно послать за общими подписями протест в газету, а Ростов, будто бы, говорил, что теперь хотя и мало осталось прав у государя императора, но нужно отнять и последние; вообще эти крестьяне просили, чтобы ни доктор, ни учитель и, в особенности, Ростов, никто не вмешивался в их дела и не созывал бы их на эти митинги. На это я, разъяснив им последний манифест, доказывал, что теперь всякий может говорить об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния, лишь бы эти суждения не противоречили началу незыблемости основных законов империи, но никто из них, крестьян, не обязан исполнять, что говорит другой,— и они могут, если желают, не слушать посторонних лиц, а обсуждать свои дела сами, как хотят. Таким образом, рассуждая с ними около часа, я доказывал им, что всякие насилия, а тем более погромы строго будут преследоваться. На это они дали мне слово, что ничего подоб-

ного быть не может, если ни доктор, ни учитель, ни тем более Ростов не будут вмешиваться в их общественные дела, после чего все спокойно и без шума разошлись по своим деревням, и весь день прошел благополучно. Затем я разговаривал по сему предмету с доктором Глинкою и советовал ему не вмешиваться в дела крестьян, дабы не возбуждать их страсти и не собирать митинги, в особенности при участии Ростова; на это последний, поддерживаемый председателем управы г. Герасимовым, заявил, что теперь всякий имеет право говорить и никто не может ему воспретить собирать митинги, о чем просят его, будто бы, сами крестьяне разных деревень и что в данном случае только небольшой кружок под названием «черносотенцы» восстает против таких собраний.

Сообщая все откровенно вашему превосходительству, долгом считаю добавить одно: насколько я убедился на месте, что крестьяне села Тесова и окружных деревень сами по себе едва ли устроят какие-либо беспорядки или аграрные, движения, если действительно не будет вмешиваться в их дела, так называемая, местная передовая интеллигенция: доктор Глинка и в особенности заведующий складом, бывший поднадзорный Дмитрий Ростов, которого я советовал г. председателю перевести в другое место, хотя бы в Сычевку, но последний, опровергая все мои доводы и расхваливая этого человека, не пожелал исполнить моей просьбы, почему я, в случае (если) эти господа, как бы они хороши в действительности ни были, будут продолжать вмешиваться в дела крестьян и, конечно, в производство населением выборов в Государственную думу (циркуляр 27 сентября с. г. за № 126), не ручаюсь за дурные последствия, ибо моим разъяснениям эти крестьяне перестанут давать какую-либо веру. Сомневаюсь теперь, чем может окончиться 6 ноября при станции Ново-Дугино, ибо там агитаторами являются крестьяне села Слизнева Богомолов, Тарабукин и др., которые привлекались неоднократно за государственные преступления, и вся их деревня заражена крайними социал-демократическими и даже революционными взглядами, а потому я считаю весьма необходимым на это число иметь на месте вооруженную военную силу, чтобы хотя в будущем они имели в виду, что против всяких насилий имеется верная защита. ,

Уездный исправник Баранцев.

Телеграмма германского консула смоленскому губернатору от 13 ноября 1905 г.[1].

Покорнейше прошу оградить имение Александровское германского подданного Фугельзанг на станции Дорогобуж от угрожающего погрома.

Германский консул подпись.

Фонд. канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 391, л. 24.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 14 ноября 1905 г., № 5359 [1].

Настроение умов крестьянского населения Смоленской губернии внушает опасения. Высочайший манифест от 17 октября истолкован крестьянами в нежелательном направлении; разъяснения смысла манифеста властями встречаются с недоверием, и, наоборот, кривотолки представителей противоправительственной организации и свободной печати принимаются на веру. Освобожденные из заключений политические преступники стали героями дня и главарями аграрного и революционного движения.

Манифест от 3 ноября о наделении крестьян землею не удовлетворил ожиданий крестьян; недовольство поддерживается современной печатью и ораторами на указанных митингах, которые устраивались прежде в городах, а ныне привлекают тысячи слушателей в селениях. С трибун, в присутствии полицейских властей, ораторы побуждают крестьян прекратить уплату повинностей, не исполнять законных требований сельских полицейских властей и земских начальников, делить владельческие земли, рубить леса и разбирать хлебные запасы.

Смута охватывает сельское население, и с весною нужно ожидать полной анархии.

После издания манифеста 17 октября все средства законной борьбы парализованы, и власти, сознавая полную беспомощность, опустили руки.

Настроение войск не внушает доверия: прапорщики запаса из бывших поднадзорных и нижние чины, вступившие в ряды войск из состава противоправительственных организаций, деморализуют сослуживцев (в дисциплинарном отношении) и возбуждают против имущего класса.

На-днях, фельдфебель 1 батареи 60 артиллерийской бригады, на вопрос командира дивизиона, как понят солдатами манифест от 3 ноября, откровенно высказал, что все нижние чины (в существе манифеста) не только не видят царской милости, но новую платежную кабалу, на которую крестьяне согласиться не могут. Казенные, помещичьи и церковные земли, по мнению фельдфебеля, должны быть распределены между крестьянами бесплатно.

Несомненно, такой взгляд усвоили нижние чины и других воинских частей, а потому расчеты на войска, при подавлении предстоящего аграрного движения, должны быть исключены из средств, намеченных правительством, за исключением казачьих войск и кавалерийских частей, расквартированных вне городов и не заразившихся до сего времени городской атмосферой.

Необходимы также точные указания мне, как начальнику губернского жандармского управления, где предел законности и беззакония, о чем я просил заведующего политической частью департамента полиции отзывом от 26 минувшего октября за № 5113, ибо с изданием высочайшего манифеста о вольностях я утратил базу своего служебного назначения и возможность руководить деятельностью подведомственных мне чинов.

Генерал-майор Громыко.

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 52, лл. 43—44.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 ноября 1905 г., за № 5371 [1].

14 сего ноября, за № 5359, мною донесено департаменту полиции о тревожном настроении Смоленской губернии.

Спокойное состояние Смоленской губернии, до издания манифестов 17 октября и 3 ноября сего года, резко изменилось: «Днепровский вестник», под редакцией еврея Соломона Гуревича, известного департаменту полиции, перепечаткою с комментариями столичных сообщений по поводу аграрных разгромов и распространением газеты в среде крестьян, вызвал общее возбуждение. Крестьянские митинги, на которых ораторы из революционеров истолковывают превратно манифесты, и резолюции крестьянского союза, в смысле уже решенных земельных вопросов, рассеяли сомнение крестьян относительно их прав на собственность землевладельцев.

Присутствие властей при подобных митингах и безнаказанность ораторов еще более убеждают крестьян в правоте их стремлений на захват земли соседних владельцев.

Сего числа ко мне обращался крупный землевладелец Смоленского уезда Александрович и заявил, что крестьяне окружных деревень являлись к нему после митинга, бывшего в имении Кощино князя Оболенского, и заявили, что им разъяснили права на землю, леса и имущество помещиков и что они ему не позволят рубить лес для своих потребностей.

Александрович обращался к г. смоленскому губернатору, который, будто бы, высказал, что он бессилен остановить движение за неимением войск и не может привлекать к уголовной ответственности виновных до разгрома или самоуправления крестьян.

Хотя г. губернатор с юридической точки зрения, может быть, прав, но такое отношение к заявлениям неминуемо поведет к огульному уничтожению народного богатства, созданного веками.

По моему мнению, необходимы поездки умеренных и влиятельных земцев в зараженные местности для убеждения крестьян; необходима также отмена митингов при бытности полицейских чинов. Если митинги и будут собираться секретно, то отсутствие властей умалит доверие слушателей к измышлениям ораторов и, наоборот, присутствие властей на митингах и полная свобода толкований земельных и правовых интересов укрепляет веру в законность аграрных домогательств, иначе власти, по понятию крестьян, воздержали бы ораторов.

Генерал-майор Громыко.

Рапорт поречского уездного исправника смоленскому губернатору от 18 ноября 1905 г., № 781 [2].

В дополнение к рапорту своему от 10 сего ноября за № 781 доношу вашему превосходительству, что самоуправные действия крестьян дер. Большого Шевелева в имении землевладельца Поречского 2-й гильдии купца Харитона Павловича Пашеткина мерами полиции прекращены, и крестьяне с 12 ноября рубку леса оставили. Отбитый

[1] Фонд смолен. губ. жандарм. упр., 1905 г., д. № 81, лл. 120—121.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 392, лл. 33—34.

у Пашеткина участок под лесом крестьяне разделили поровну между собою на 16 резов: в ширину по 12 саж. в каждом, а в глубину по 250 саж., и хотели рубить всю эту площадь до находящейся там обрезной земли (лесная же дача Пашеткина в этом месте тянется на 4 версты). Рубили лес названные крестьяне 4, 5, 7, 10 и 11 чисел, причем вырубили приблизительно около 5 десятин; попортили же площадь в этом участке в разных местах приблизительно до 10 десятин. Из числа нарубленного леса вывезено ими на свою надельную землю до 125 деревьев, а остальной вырубленный лес остался на месте, каковой весь, вместе с вывезенным, и арестован; увезено же крестьянами в деревню всего только лишь три воза дров. Участия в самовольной рубке леса Пашеткина не принимал совсем лесной сторож его, крестьянин дер. Большого Шевелева, Петр Григорьев, а затем, после моих увещеваний, отказались от рубки Петр Никифоров, Иван Спиридонов, Яков Иванов и Григорий Родионов.

13 ноября на место происшествия прибыл судебный следователь 2 участка Поречского уезда и приступил к производству следствия по настоящему делу, причем ему заявили, что прекратят рубку Василий Емельянов и Кузьма Алексеев. По окончании следствия судебным следователем сделано распоряжение о заарестовании и доставлении к нему в г. Поречье на 16 ноября главных виновников в этом деле: Василия Антипова, Василия Спиридонова, Андрея Алексеева, Филиппа Петрова и Василия Петрова, каковые лица полицией арестованы и доставлены по принадлежности к назначенному числу, причем следователем трое из них заключены под стражу в местную тюрьму, а двое, ввиду их чистосердечного раскаяния и усиленных просьб не заключать под стражу, отданы под надзор полиции. Дальнейшее наблюдение за действиями крестьян мною поручено приставу 3 стана Константинову и полицейскому уряднику Климову.

17 ноября прибыл в Слободскую волость уездный предводитель дворянства Рачинский и всех домохозяев-крестьян дер. Большого Шевелева и владельца Пашеткина на 18 число вызвал в слободское волостное правление для переговоров по настоящему делу.

Уездный исправник Златоустовский.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 22 ноября 1905 г., № 992[1].

В дополнение к рапорту моему от 18 сего ноября, за № 986, докладываю вашему превосходительству, что, по произведенному приставом 1 стана расследованию по делу о воспрещении крестьянами дер. Мысова, Гривской волости, землевладельцу с. Коптева, мещанину Коненкову рубить дровяной лет на своих отрезках оказалось: крестьяне, подстрекаемые разными неблагонадежными лицами, которых в настоящее время по случаю забастовок в больших городах замечается большой наплыв, а также, начитавшись газет о Всероссийском крестьянском союзе, глубоко уверились в том, что находящиеся у помещиков земли непременно в скором времени отойдут в собственность крестьянам, в особенности отрезные; поэтому, когда Коненков, предполагая

[1] Фонд канц. Смолен. губ., 1905 г., д. № 394, л. 16.

произвести пилку дров для экономии и на продажу, 14 сего ноября начал производить рубку на отрезной земле, межующей с надельной землей крестьян деревни Мысова, то крестьяне означенной деревни, все домохозяева, считая эту лесную дачу за свою собственность, явились в лес и прогнали пильщиков, угрожая последним поломать их инструменты, и, несмотря на все убеждения и разъяснения пристава их незаконных действий, крестьяне упорно настаивали, что отрезки будут их и из боязни, что снятием леса земля обесценится, не позволят Коненкову производить рубку дров, основываясь отчасти на том, что рубка производится без разрешения лесохранительного комитета; по предъявлении же им приставом означенного разрешения от 12 ноября 1890 г. за № 135, из которого видно, что Коненкову разрешено произвести вырубку леса одновременно пятилетнюю пропорцию, полагая в год по 18 десятин всего девяносто десятин (60 десятин в участке под названием Макарихи, а 30 десятин в Московском участке), то крестьяне не удовлетворились этим, говоря, что этому разрешению истекло 15 лет и, несмотря на то, что Коненковым из разрешенного количества в 1904 году вырублено всего лишь 4 десятины, объяснили, что они подождут объявления от комитета, куда, будто бы, подали прошение, но все же категорически заявили, что никоим образом не допустят рубки леса и против силы будут действовать силой, для чего соберут в помощь себе 5 соседних деревень; ввиду таких угроз и отказа пильщиков производить под насильственными действиями работу, Коненков приостановил пилку дров, прося оказать ему в этом деле законное содействие, а также и сам пристав, ввиду сильно возбужденного настроения крестьян, не мог принять в данном случае каких-либо крутых мер, дабы таким образом не возбудить погрома, а ограничился тем, что произвел по сему делу дознание о самоуправстве крестьян, которое 20 сего ноября за № 1686 передано на распоряжение г. земского начальника 3 участка Сычевского уезда для привлечения виновных к ответственности.

Ввиду всего вышеизложенного прошу ваше превосходительство дать мне знать, как поступить в отношении крестьян деревни Мысова, так как без воздействия высших властей и без военной силы крестьяне не дозволят рубки леса, что вредно может отразиться на имения других помещиков, ибо негласно дознано, что крестьяне других деревень, изобрев в своем роде забастовку, хотят не допустить рубки леса в разных помещичьих усадьбах, которых немало имеется в пределах Гривской волости; кроме того, я имею сведения, что на границе вверенного мне уезда в пределах Бельского 13 деревень уже начали производить аграрные беспорядки, причем 16 ноября на хутор Баенки, принадлежащий князю А. Н. Мещерскому, явилось до 300 человек, которые в присутствии управляющего Антушевича ограбили из кассы 200 рублей денег, уничтожили книги и разные письменные обязательства крестьян своих деревень и предъявили ему требования по разного рода льготам о покосе, пастьбе скота и пр., требуя дать ответ к 20 сего ноября, а на митинге в дер. Леуздове, Бельского уезда, решили, в случае неудовлетворения их требования, в тот же день разгромить хутор Баенки и, кроме того, отправиться громить именье Дугино, приглашая по пути на этот погром крестьян встречных деревень. И, действительно, недавно выяснилось, что неизвестные лица покушались уже на подстрекательство крестьян деревни Слепцова,

Воскресенской волости, собраться громить лесопильный завод Жерновку, принадлежащий тому же князю Мещерскому, но, к чести этих крестьян, получили отказ; во всяком же случае как в с. Дугино, так и для восстановления прав землевладельца Коненкова я нахожу крайнюю необходимость ходатайствовать о высылке войск, с помощью которых я мог бы восстановить права Коненкова и оградить имение Дугино. Что же касается означенных требований крестьян Соловецкой волости Вяземского уезда, предъявивших к экономии графа Шереметьева, то о сем мною сообщено 18 сего ноября за № 984 вяземскому уездному исправнику; относительно же крестьян дер. Мысова мною телеграммой предложено приставу 1 стана объявить последним, что, в случае их дальнейших сопротивлений, будут высланы войска, в крайнем же случае немедленно выеду на место сам. Сейчас получил письмо от управляющего имением Дугино г. Гофмейстера (при сем прилагаемое)[1] о прибытии в имение 11 казаков, которых ходатайствую, ввиду данных, указанных в настоящем моем рапорте, не только оставить на более продолжительное время, но даже усилить большим количеством.

Уездный исправник Баранцев.

Донесение смоленского губернатора управляющему министерством внутренних дел[2].

В дополнение к представлению моему от 7 ноября за № 799 и к телеграмме, посланной вчерашнего числа, довожу до сведения вашего высокопревосходительства, что движение крестьянского населения в пределах вверенной мне губернии с каждым днем развивается все шире и шире, захватывая большой район. Не ограничиваясь одними только самоуправными порубками владельческих лесов, крестьяне переходят уже в некоторых местностях к агрессивным действиям, пробуя устраивать кое-где погромы, не принявшие, однако, пока еще значительных размеров, благодаря отправленным в разные места губернии небольшим военным отрядам.

Эта мера предотвращения беспорядков и прекращения начинающихся волнений, как показал опыт, является действительным средством к поддержанию спокойствия, но, к сожалению, я положительно лишен возможности в настоящее время пользоваться ею вследствие полнейшего недостатка гарнизона в губернии. 306 пех. Ковровский полк сократился наполовину за увольнением в запас нижних чинов, предстоит еще отпуск в запас, и в самом непродолжительном времени губерния остается совсем без войска, так как прибытие предназначенных для квартирования в губернию полков 13 армейского корпуса откладывается на неопределенное время. Между тем волнения растут под влиянием усиленной агитации, распространяемой всякого рода ораторами на митингах и путем прессы, призывающей народ к полной анархии.

В прилагаемом номере местной газеты «Днепровский вестник» ваше высокопревосходительство благоволите усмотреть, что на страни-

[1] Приложение опущено.

[2] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 411; воспроизводится по черновику, причем ни даты, ни номера не имеется.

цах легальной газеты помещается открыто призыв крестьянского населения к аграрным беспорядкам и статьи, дискредитирующие правительственную власть (заметка «Шифрованная политика»), и местная власть при существующем порядке привлечения к ответственности подобного рода злоумышленников бессильна остановить разрушительную деятельность их.

Если такое положение дела продлится еще неделю-две, то я не могу ручаться за то, что и в Смоленской губернии не [повторятся] кровавые ужасы, имевшие место в Саратовской губернии, о которых крестьяне отлично осведомлены, благодаря энергичному просвещению их деятелями революционных партий, для прекращения коих потребуются силы во много раз большие, чем те, какие нужны теперь для предотвращения беспорядков.

Докладывая об изложенном, вновь прошу ваше превосходительство об удовлетворении ходатайств моих относительно увеличения гарнизона в Смоленске и о предоставлении права подвергать агитаторов аресту и содержать их под стражей на срок до трех месяцев.

Губернатор [Суковкин.]

Резолюция крестьян дер. Макарьевки, принятая на сходе 7 декабря 1905 г.[1].

1905 года декабря 7 дня. Собравшись сего числа на сельский сход, мы, крестьяне Ширковского сельского общества д. Марьевки, советовались между собой о том, как улучшить свое горькое положение, и пришли к убеждению, что для нашего благосостояния необходимы следующие условия:

1) Наделить нас землею в достаточном количестве, хотя дес...[2] на личную душу, так как в настоящее время один надел приходится на два или три семейства и поневоле приходится голодать или же залезать в неоплатные долги.

2) Земли владельцев, прилегающие к нашим усадьбам и не позволяющие иметь свободный выгон скота, должны быть уступлены нам за ту сумму, за какую сами владельцы приобретали ее.

3) Наши земли купленные, находящиеся от наших усадеб в 5 и 6 верстах (а вследствие чего крайне нам не подручные), мы согласны заменить смежными к нашим усадьбам владельческими землями без всякой с нашей стороны приплаты.

4) В каждом селении должны быть устроены народные школы с 5-летним курсом (только не церковно-приходские), и каждая школа должна быть устроена не менее как на 80 человек учащихся и должна снабжаться учебными пособиями и учебниками в достаточном количестве, и учителя (а не учительницы) в них должны быть люди хорошо образованные и знающие школьное дело, а не беглецы от воинской повинности, жалование должно быть положено им от казны не менее, чем священникам (600 руб. в год и более).

5) Детей, которые захотят учиться по окончании народной школы, казна должна учить на свой счет в гимназиях и университетах, а деньги, затраченные на их учение, могут быть взысканы с их жалования.

[1] Фонд с молен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 428.
[2] В подлиннике не указано количество десятин.

6) Весь причт церковный — священник, дьякон и дьячок — должны содержаться на жалование от казны, и лишить их всех доходов, какими они пользуются в настоящее время.

7) Суд над духовными лицами должен быть передан светской власти.

8) Отобрать всю землю, принадлежащую причту, и передать ее крестьянам за цену ее стоимости.

9) Деньги, вырученные за причтовую землю, должны итти на нужды храма, но не причта.

10) За неаккуратное и небрежное отношение к своим служебным обязанностям лица духовные должны подлежать уголовной ответственности.

11) Суммы церковные не должны быть употребляемы на содержание духовных училищ потому, что дети наши туда не допускаются.

12) Налоги должны быть равны для всех сословий.

13) Уравнить в правах крестьян и мещан с дворянами и присвоить всем название граждан.

14) Леса, принадлежащие кому бы то ни было, не должны быть истребляемы без особой на то необходимой нужды, а только на свои потребности, но не на продажу.

15) Уничтожить полицию.

16) Сократить жалование лицам высокопоставленным и никому не платить больше 6000 в год.

17) Лишить тех лиц пенсии, у которых есть свои родовые имения.

18) Освободить всех политических преступников, ратовавших за свободу народа.

19) От воинской повинности не освобождать лиц духовных и учителей.

20) Сократить налоги на водку, спички, табак и другие товары.

21) Убрать казаков, которые истязают людей, часто невиновных.

22) Сирот, оставшихся после погромов и войны, воспитать на счет казны или на средства виновников японской войны.

23) Увеличить число фельдшерских пунктов и больниц.

24) Предать смертной казни виновников японской войны.

Предписание смоленского губернатора и. о. рославльского уездного исправника от 22 декабря 1905 г., № 1082 [1].

Управляющий смоленскою казенною палатою отношением от 19 сего декабря за № 28947 уведомил меня, что податной инспектор Рославльского уезда, представляя ведомость о поступлении окладных сборов за ноябрь месяц, образование крупного недобора, выразившегося на 1 декабря в сумме 31 670 руб. 59 коп., объяснил исключительно упорным отказом крестьян платить окладные сборы; причем к составлению описей движимого имущества ни волостных старшин, ни сельских старост крестьяне не допускают.

Вследствие сего предлагаю вашему высокородию с вновь сформированной стражей приступить ко взысканию с крестьян следуемых с них платежей, согласно указаний местных земских начальников, самыми решительными мерами, прибегая при отказе крестьян от

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 83.

добровольной уплаты к описи и продаже принадлежащего недоимщикам имущества.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Донесение земского начальника 3 участка Бельского уезда смоленскому губернатору от 30 декабря 1905 г., № 1550[1].

Начиная со дня обнародования высочайшего манифеста 17 октября 1905 года во вверенном мне участке началась усиленная вредная деятельность многочисленных агитаторов, из коих много фабричных, высланных из столиц с забастовавших фабрик, поселившихся по деревням, так как население участка в значительном числе занимается отхожими промыслами фабричного характера.

Первое время агитаторская деятельность выразилась в постоянных, часто ночных, сборищах крестьян, где ораторы собирали подписки и убеждали подписываться под приговорами о вступлении во всеобщий крестьянский союз, имеющий целью общими силами бойкотировать владельцев-некрестьян, но мало-по-малу поведение этих ораторов делалось все более вызывающим, подстрекательства более и более серьезными, причем некоторые из них (напр. Семченков), составив около себя группу самых буйных в пьяном виде крестьян, начали терроризировать население деревень, угрожая поджогами или кольями, в случае неповиновения их приказаниям, заставляли подписываться под заранее заготовленными приговорами крестьянского союза, которые агитаторы, в роде Семченкова, умудрялись получать, несмотря на забастовку почты. Полная разобщенность местной власти с центральными, благодаря железнодорожной и почтово-телеграфной забастовке, прилала еще более дерзости агитаторам, убеждая их в полной безнаказанности, личности коих стали определенно выясняться в каждой волости, а подстрекаемые ими крестьяне начали переходить уже к активным противозаконным действиям.

Таким образом совершился разгром конторы имения кн. Мещерского Баенки, Большевской вол. и беспорядки в Мольнинской вол. 4 земского участка и арест агитатора Василия Захарова, уже известные вашему превосходительству; затем вымогательство денег и имущества (дров, лесу, принудительная сдача покосов, установление нелепой таксы) в мелких имениях (Александрино, Хващеватое), причем один из владельцев Раковский, малодушно откупившись, сделался постоянным данником. Получив телеграмму одного из владельцев (г. Мерлина) о предстоящем разгроме имения и сообщение о немедленном выезде семейства, я отправился туда в назначенный для разгрома день, объехав предварительно и другие имения. Бунтующие деревни, видимо, следили за мной и, не явившись в указанное имение в мое присутствие, тем не менее толпой в несколько сот человек остановили меня, бывшего со мною сотского и кучера вечером на обратном пути и лишь после долгих разъяснений незаконности их поступков пропустили. Затем митинги и сборища приняли массовый характер, и устроители их, одни и те же лица, не соблюдая установленных правил, начали все сильнее и сильнее подстрекать крестьян к насильственным действиям

[1] Фонд Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 136, лл. 80—87.

против землевладельцев, причем весьма характерно, что те волости и деревни, в коих не были агитаторы или кои, вняв законным увещаниям моим, не пустили их к себе, — остались спокойными. Особенно зловредною деятельностью выделились нижеследующие лица: фабричный крестьянин Каменецкой вол., дер. Бараново, Семен Степанов Семченков, не окончившие курса земледельческих училищ дворяне Сергей и Михаил Константиновичи Энгельгардт, Ахтырской вол., дер. Петрово, запасные воинские чины: Иван Мухин и Семен Тихомиров, Никольской вол., дер. Осташево, Осип Иванов, Михаил Никонов, Фрол Федоров, причем Семченков, постоянно получающий тюки революционной пропаганды, а также и деньги, должен быть признан главарем, агитатором, анархистом. При этом упомянутому революционеру, по заявлению стражника Виноградова, живущего вблизи деревни Семченкова, была доставлена на подводе какая-то кладь в ящике, сравнительно небольшом, но настолько тяжелом, что лошадь с трудом тянула сани, почему Семченкова следует признать лицом наиболее опасным. Означенные лица, преимущественно первых трое, неустанно разъезжая по деревням и митингам, ими устраиваемым, толковали о необходимости национализации земли и разделе ее только между крестьянами, указывая, что «кровожданое правительство жалело снаряды и пулеметы в войне с японцами, чтобы обратить их на крестьян», и приглашали крестьян сменять и не повиноваться существующим властям, являясь на волостные сходы всем. Семченков, между прочим, настаивал на необходимости крестьянам присоединиться к всеобщему крестьянскому союзу, приглашая их подписываться у него под приговорами, обещая свою поддержку, если он, Семченков, будет избран членом Государственной думы. Предводимая им толпа являлась и к жене моей землевладелице, а также и ко мне с дерзкими требованиями нелепых экономических уступок и угрозами: получив в обоих случаях твердый отказ подчиниться насилию и обещание итти навстречу всякому законному акту, была собрана им ночью в свою деревню и здесь, в доме Семченкова, пред зажженной свечой была им приведена целованием креста и евангелия как бы к присяге, не производить самим и силою не давать другим работать в имении, и тотчас же четыре деревни отказались выполнить условленные работы, а путем угроз кольями не допускаются поденщики, почему все работы остановились. Затем Семченковым было предложено жечь школы, чтобы прекратить обучение детей «глупой грамоте о букве ять» и «стишкам». Посетив несколько митингов с целью разъяснения крестьянам лживости сообщаемых им агитаторами сведений и «законов», я убедился в трудности таких разъяснений, так как толпа отказывается понимать самые основные положения права, подстрекаемая агитатором не доверять теперь должностному лицу, и убеждения действовали лишь на серьезных домохозяев, которые, к сожалению, далеко не всегда могли противостоять ничем не стеснявшимся в искажении фактов агитаторам. Уверив на митингах крестьян, что продовольственные их капиталы раскрадены губернаторами и земскими начальниками (первый митинг в с. Каменце), анархист Семченков настаивал на необходимости немедленно вытребовать все вложенные по сберегательным книжкам деньги, а Михаил Энгельгардт разъезжал по деревням, убеждал [вытребовать] их до 1 января 1906 г., уверяя, что иначе не будут выданы и те остатки их, кои еще сохранились, почему почти все общества участка бросились составлять приговора о безвозвратной выдаче капитала, толпами яв-

ляться в камеру, дерзко требуя выдачи прямо на руки представлений о сем в уездный съезд, и только очень немногие общества, после долгих убеждений в нелепости их предположений, послушались меня и взяли обратно свои приговора.

За все это время не могли состояться судебные разборы, так как забастовка почты не рассылала повесток, а рассыльные и другие должностные лица волостного управления не решались вручить их, будучи запуганы агитаторами, воспрещавшими явку их в селения по делам службы, тем более, что агитаторы срывали законные волостные съезды и являлись на них в числе толпы в несколько сот лиц, постановляли незаконные приговора о смене старшин и других лиц волостного управления. Сходы эти собирались по повесткам, рассылаемым от имени агитатора или общества, к которому принадлежал агитатор, и толпа часто переходила к насилию, заставляя бежать из волости писарей и старшин (Никольская волость). Описанный выше способ был применен и в с. Каменце 22 числа сего месяца, где агитатор Семченков, собрав огромную толпу, силой занял помещение волостного правления и, приказав вынести на улицу судейский стол, стал на него и возбуждал крестьян сменить должностных лиц силой, а затем было решено собрать сходку на 23 декабря всех домохозяев, потребовать от земского начальства немедленной явки его и утверждения постановлений того «схода», а в противном случае — пустить на ветер его дом.

Ввиду чего, признавая, что дерзость этого опасного анархиста достигла своих пределов, имея в виду изорвание в клочки всех документов конторы кн. Мещерского, спасение целости документов мольнинского волостного правления своевременным вызовом войск и опасаясь за целость вверенных мне по службе дел, документов и казенного имущества, помещающихся в камере жилого дома моего, и сознавая по долгу службы невозможным подчиниться незаконным требованиям толпы, я счел необходимым заблаговременно телеграфировать вашему превосходительству, тем более, что многие благоразумные крестьяне обращались с просьбами, если можно, освободить их от этого агитатора, замучившего население нескольких деревень своими застращиваниями, причем есть указания, что упомянутый агитатор при своих разъездах и шатаниях объяснял, что хорошо бы сменить государя и выбрать нового, хотя бы [великого] к[нязя] Михаила, который, как выборный, будет у них в руках. 27-го вечером прибыли в с. Каменец пристав 1 стана, жандармы, урядники и стражники, причем, только благодаря присутствию последних, пристав, по его словам, беспрепятственно проехал через село. Арест Семченкова в ночь с 27 на 28-е не удался, так как он скрылся и взять его удалось 28-го, когда он, сопровождаемый братьями Энгельгардт и толпой в 800 человек, явился в село и направился к камере земского начальника, причем ринувшаяся к нему на выручку толпа остановилась, только увидав вооруженную силу. Толпа не расходилась целый день, ведя себя вызывающе, и требовала освобождения Семченкова, открытия схода, но законные участники схода, получив разрешение образовать его, не решились приступить к своим работам ввиду крайнего возбуждения толпы. Среди этой толпы особенно агитировали оба Энгельгардта и мачеха их, урожденная Якушкина подстрекая толпу и читая ей какой-то «новый закон» снять из имения всех рабочих, что и было исполнено силой и угрозами сжечь их дома, так что в настоящее время имение обслуживается лично

мной и работником с женщиной не местными жителями, отказавшимися выехать из имения и работающими под охраной стражников. Все эти дни происходят постоянные нашествия толпы, требующей немедленного освобождения Семченкова, допущения волостного схода в составе, не указанном законом; таким образом целыми днями приходится объяснять возбужденной пьяной толпе незаконность их действий, что представляется настоящим нравственным истязанием.

Можно смело сказать, что распоряжение вашего превосходительства об аресте Семченкова, этого вреднейшего агитатора, предупредило самые серьезные осложнения, и теперь начинают понемногу появляться признаки, указывающие, что отсутствие этого подстрекателя благотворно действует на крестьян, им запуганных, сбитых с толку и постоянно им волнуемых; мне думается, что отсутствие Семченкова во время предстоящих выборов уполномоченных для избрания в Государственную думу даст желаемую возможность крестьянам спокойно обсудить этот вопрос и отнестись к нему с серьезностью, столь необходимой в сем важном деле; нахождение же его среди населения повело бы, по крайнему моему убеждению, прямо к вооруженным схваткам и открытому мятежу.

Земский начальник П. Хмара-Барщевский.

Отношение пристава 4 стана Рославльского уезда помощнику начальника Смоленского жандармского управления по Рославльскому уезду от 5 января 1906 г., № 19[1].

Сообщаю вашему высокоблагородию, что 4 сего января я, вследствие переданной мне к исполнению телеграммы смоленского губернатора об оказании содействия Московскому лесопромышленному товариществу в деле розыска и отобрания порубленного крестьянами леса, прибыл для исполнения этого поручения в дер. Коровники, Луговской волости, совместно с отрядом полицейских стражников, поверенным товарищества Михаилом Николаевичем Хлебниковым и понятыми, причем при входе в деревню, когда я только-что остановился и спешил команду, крестьяне означенной дер[евни] в числе 100 человек при явном противлении восстании, вооруженные цепами и кольями, бросились на меня и отряд стражников и начали избивать, после чего мною, по предварительном полагаемом по закону предупреждении, было употреблено огнестрельное оружие. Со стороны крестьян оказалось, по предварительном исчислении, 8 человек убитых и 9 раненых, точная же цифра не установлена; со стороны полиции ранены 4 стражника, нанесены удары цепами мне, приставу и стражнику Никифорову; местный же урядник Рогожкин пропал без вести; есть основание полагать, что он убит крестьянами. Дознание в настоящее время, до прибытия вооруженной силы, произвести не представляется возможным. О призыве войск местным исправником сделано распоряжение, а о происшествии сообщено судебному следователю 2 у[частка] Росл[авльского] у.

Пристав 4 стана Рославльского уезда Шершевицкий.

[1] Фонд смолен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 129.

Протокол [1])

1906 года января 10 дня в гор. Смоленске, я, начальник Смоленского губернского жандармского управления генерал-майор Громыко, рассмотрев переписку, препровожденную рославльским уездным исправником от 4 января с. г. за № 123, нашел, что крестьяне дер. Кордов, Корсиковской волости, Кузьма Самуйлов Хомченков, Яков Макаров Середин и Павел Егоров Горностаев руководили и подстрекали крестьян местного общества к аграрным беспорядкам, а именно: казенные налоги не платить, воинскую повинность не отбывать, сено с лугов Кордовской экономии забирать силою, не давая условной части экономии, земли не покупать, а пользоваться таковой даром, уничтожить постройки экономии и самовольно рубить экономический лес.

Показаниями свидетелей: Никона Купоржанова, Игната Винтекова, сельского старосты Семена Никонова и крестьянина Ефима Иванова выяснена вредная деятельность названных шахтерей Хомченкова, Середина и Горностаева вполне удостоверена. Хотя в деяниях Хомченкова, Середина и Горностаева очевидны признаки преступлений, предусмотренных уголовным уложением, но преследование их общим гласным судебным порядком, полагаю, не будет иметь надлежащих результатов, так как свидетельскими показаниями при общей деморализации крестьянского населения установить виновность не представится возможным.

Ввиду приведенных оснований, признаю дальнейшее пребывание крестьян Кузьмы Хомченкова, Якова Середина и Павла Горностаева в Рославльском уезде вредным, а потому, руководствуясь распоряжением департамента полиции, изложенным в телеграмме, препровожденной мне г. смоленским губернатором от 4 декабря 1905 года за № 962, постановил: «возбудить ходатайство через г. смоленского губернатора об административной высылке их из Смоленской губернии и впредь, до получения на этот предмет распоряжения, содержать их под стражей в рославльской тюрьме, в порядке положения о государственной охране и до направления настоящего протокола в административном порядке, войти в соглашение на этот предмет с прокурором смоленского окружного суда.

Начальник Смоленского губернского жандармского управления
генерал-майор Громыко.

Заявление крестьян Сычевского уезда, Ново-Гривской волости помещику И. Ф. Керн [2]).

Милостивый государь, Иван Федорович! Мы, крестьяне деревни Новой, собрались вместе обсудить свое житье-бытье; потолковав между собою, расспросив у стариков об их прошлой жизни, нашли, что на-

---

[1]) Фонд Смол. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 406; заголовок подлинника.

[2]) Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 394. Это заявление И. Ф. Керн было направлено смоленскому губернатору с просьбой о принятии мер к ограждению его имущества от самоуправных насилий со стороны крестьян, а последний 15 января 1906 г., за № 180, направил сычевскому исправнику, который командировал на место пристава 1 стана. Последний донес следующее: «Судя по той искренности, с коей они (крестьяне) мне объяснили свое заблуждение по поводу подачи ими прошения, то можно предполагать, что они одумались в своих незаконных требованиях, если только не найдутся подстрекатели, которых выяснить в настоящее время не представляется возможным».

ша жизнь нисколько не переменилась, как и была при дедах и прадедах наших, разница только та, что не порют нас на барских конюшнях. В самом деле, трудимся мы день и ночь, поливаем потом и кровью кормилицу-землю, а что получаем мы за свой каторжный труд? Придет зима лютая, а нам и скотине нашей есть нечего, нет нам хлеба, нет, и скотинушке есть нечего, корму нет, нет дровишек и отопить наши жилища, — все это надо купить, хорошо, если есть за что, но если нет, что тогда делать, лезть в кабалу к какому-нибудь богачу-кулаку. Что за причина нашей бедности? Одни говорят, что мужик — пьяница, другие, что он — лентяй, а мы, посудив да порядив, нашли, — это гнусная ложь, если и выпьет мужичок, так от горя. Много у него накипело на сердце; мы нашли, что бедность наша от малоземелья, землицы мало, а налогов много, — вот отсюда-то наша и бедность. Ваши предки поступили несправедливо с нами; они обделили нас землей, дали неполные наделы, да в придачу к этим наделам поставили ловушки для нас (разные отрезки да заказники), чтобы мужичок не выходил из рук барина. Ох, дорого мы заплатили за эти ловушки! Сколько труда, пота и крови оставлено нами на ваших полях! Для нас лично ловушки — это ваш заказник. Много поработали мы за него, много пота и крови пролили мы за него, мы окупили его в несколько раз, если всю нашу работу перевести на деньги. Долг совести и справедливости, долг порядочного человека требует уступить нам этот заказник, мы не говорим бесплатно, мы уже сказали, что сторицею заплатили вам за него; мы, наши жены и дети просим вас об этом. Не доведите нас до крайних мер, чаша терпения нашего переполнилась, упаси бог, если она прольется. Тяжко нам, душно нам, спасите нас! Да хорошо нам терпеть крайнюю обиду между бедными, не говоря о прочих. А между своими есть разница, работали все три деревни: Поповка, Ржавец и Новая в имении Егорьи, а получили нарезку земли не поровну: у нас в Новоселове гораздо меньше земли, чем [в] вышеуказанных селениях.

Просим немедленно ответить на имя старосты Сергея Петрова Голубкова, не ответите, за будущее не ручаемся, народ сильно возбужден.

К сему и подписываемся, крестьяне деревни Новой [следует 26 подписей крестьян].

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 20 января 1906 г., № 288 [1].

Представляя донесение помощника, подполковника Гладышева от 15 сего января за № 5 [2], считаю своей обязанностью доложить: поручение смоленского губернатора выполнено подполковником Гладышевым с должной энергией и одобрено г. губернатором в представлении г. министру внутренних дел.

Заслуга подполковника Гладышева в том, что, предвидя месть со стороны революционеров, он не задумался применить телесное наказание, где это признавал необходимым.

Результаты выразились не только в умиротворении крестьян дер.

[1] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 2.
[2] См. след. документ.

Коровников, Буды и других, но слухи о крайних мерах за насилия распространились во всем Рославльском уезде и остановили дальнейшее аграрное движение.

Зная близко современное настроение крестьян, нахожу вынужденным доложить департаменту полиции, что только телесным наказанием возможно предотвратить резню и разорение в предстоящую весну.

Тюрьма не страшит крестьян, немыслима высылка массы подстрекателей, накопившихся повсеместно в тюрьмах. Тюремная жизнь облегчается подачками и помощью со стороны комитетов разных наименований и поддерживается организационными связями, а потому только розги, не отрывая работников от семей, без кровопролития, могут умиротворить страсти и уронить агитаторов в глазах населения.

Начальник Смоленского губернского жандармского управления

генерал-майор Громыко.

Донесение помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления начальнику жандармского управления от 15 января 1906 г., № 5[1].

Вследствие словесного приказания вашего превосходительства и предложений смоленского губернатора от 5 и 8 сего января, за № 63 и 154, доношу, что я выезжал с воинскими командами 5 и 10 января для усмирения крестьян в пределах 4-го и 2-го стана Рославльского уезда. Поездки были вызваны следующими обстоятельствами.

4 января сего года в д. Коровники Рославльского уезда по распоряжению губернатора выезжали пристав 4-го стана с урядником и стражниками для прекращения самовольной рубки крестьянами леса в даче, принадлежащей Московскому товариществу. Увидя приближавшуюся полицию, крестьяне поголовно по заранее условному сигналу, вооруженные молотильными цепами, кольями и косами, выбежали на улицу и сомкнутой массой бросились на полицию с криком: «леса не отдавать!» Становой пристав Шершевицкий предупреждал крестьян, что, если они не остановятся, он прикажет стражникам употребить оружие. Между тем крестьяне, игнорируя предупреждение, напали на полицию, и между сторонами произошло столкновение: урядник был убит и четверо стражников ранены, из них один впоследствии умер, а из крестьян убито 8 человек и ранено 16, один из них умер на второй день. Малочисленность полиции вынудила Шершевицкого отступить. Противодействие крестьян дер. Коровников не замедлило отразиться на окрестных селениях. Утром 7 января я прибыл с отрядом в дер. Коровники. Крестьяне вначале выразили упорное нежелание возвратить лес и выдать подстрекателей. Ввиду чего я вынужден был прибегнуть к крайним мерам, согласно данных мне полномочий, а потому приказано наказать розгами всех упорствовавших домохозяев. Мера оказалась действительной: крестьяне изъявили полиции покорность, назвали подстрекателей братьев Никифоренковых, убитых 4 января, и выдали весь лес, нарубленный в даче товарищества. Из Коровников отряд мною был направлен чрез д.д. Даниловку, Макаровку, Буду, Михайловку, Брюханово и Косицы. В д. Буде, состоящей из

[1] Фонд смол. губ. жанд. упр., д. № 71, лл. 184—185, 193.

140 дворов, встретилась необходимость прибегнуть к репрессивным мерам, так как крестьяне не желали подчиниться требованиям властей, прекратили уплату повинностей и рубили лес землевладельца Евстафьева, у которого захватили участок земли до 150 десятин. Так как подстрекатели из местных крестьян в числе 9 человек были известны и во главе их стоял сельский староста, то все они мною подвергнуты наказанию розгами. Наказание произвело моральное действие на крестьян, и они, выражая покорность, заявили, что между ними находится еще один подстрекатель Матвей Иванов, который также был подвергнут наказанию. После экзекуции и моего внушения крестьяне заявили готовность возвратить весь порубленный лес владельца Евстафьева и не посягать на принадлежащую ему лесную дачу. По пути дальнейшего следования отряда я внушал крестьянам отнюдь не посягать на чужую собственность, уплачивать повинности и не противодействовать властям. Принимавшиеся мною крайние меры в д.д. Коровниках и Буде произвели воздействие на всю округу, так что при моем приближении крестьяне сами откапывали из-под снега похищенный ими лес, вывозили на дорогу с намерением возвратить владельцу по первому его требованию. Объезжавший селения после прихода отряда, по моему распоряжению, пристав 4-го стана Шершевицкий нашел, что среди крестьян брожения прекратились, все деревни успокоились и добровольно возвращают самовольно нарубленный у землевладельцев лесной материал. Как выяснилось на месте, в д. Буде еще в ноябре прошлого года являлись на крестьянские митинги трое неизвестных молодых людей, в числе которых подозреваются известные департаменту полиции братья Турчаниновы, и на эти митинги приходили из дер. Коровников Никифоренковы, убитые в схватке 4 января. С 10 по 14 января я объезжал с отрядом следующие селения Рославльского уезда: д.д. Островню, Радичской волости, Старое и Новое Колышкино, Толонькино, Старую и Новую Клеву, Сергиевской волости, село Жарынь и дер. Волконщину, Жарынской волости. 11 января в дер. Островке, жители которой поголовно рубили лес у владельца Похвиснева, а 9 текущего января во время обычных в деревне в этот день молебен крестьяне, преимущественно шахтеры, в числе 5 человек, насильно принудили священника служить панихиду по рабочим, убитым в этот день в 1905 г. в С.-Петербурге, и затем ходили по деревне с красным флагом, — я приказал в присутствии деревни наказать розгами одного из виновных Илью Сигналога, так как другие его единомышленники скрылись. В с. Жарыни были обнаружены 7 подстрекателей, которые внушали крестьянам не платить повинностей, не признавать начальства, рубить лес землевладельцев, а 26 декабря теми же лицами насильно взяты у двух управляющих имениями Крупиной и Давыдова по 10 руб. и у жены местного дьякона 2 руб. Все 7 подстрекателей подвергнуты телесному наказанию в присутствии крестьян села Жарыни. В д. Волконщине крестьянами было решено рубить владельческий лес, не платить податей и не подчиняться властям. Подстрекателями явились 7 крестьян, из них трое успели скрыться, остальные четверо, в том числе и сельский староста, как главный руководитель, были наказаны розгами. Во всех деревнях, как и тех, где применялись телесные наказания для поддержания престижа власти и восстановления порядка, так и в других селениях, мною в энергичной форме внушалось крестьянам подчиняться властям, уважать чужую собственность и своевре-

менно вносить платежи. Все селения выразили полную покорность, и по моему требованию в каждом сельском обществе избраны по два ответственных домохозяина, которым объявлено наблюдать за поведением товарищей и, в случае ослушания, выборные должны немедленно доносить о виновных местной полиции, в противном случае сами понесут строгое наказание.

При этом считаю необходимым доложить, — в беседах с крестьянами я вынес впечатление, что им хотя и читались высочайшие манифесты от 17 октября и 3 ноября 1905 г., но крестьянами они не были поняты в том смысле, как надлежало им разъяснить. Этим воспользовались злонамеренные лица и внесли в деревни смуту. Насколько позволяли время и возможность, я разъяснял крестьянам возникшее у них сомнение, и видимо мои пояснения удовлетворяли слушателей.

Подполковник Гладышев.

Донесение смоленского губернатора министру внутренних дел от 5 апреля 1906 г., № 1129 [1].

27 марта 1906 г. пристава 1-го стана Бельского уезда и 3-го стана Духовщинского уезда прибыли с тремя урядниками и стражниками в числе 24 человек в деревню Городну, Шиловичской волости, Духовщинского уезда, для производства дознания о насильственной порубке леса в имении землевладельца, Бельского уезда, Крапивенской волости, Павла Васильевича Рачинского, а равно и для отобрания похищенного леса. На неоднократные требования приставов крестьяне не явились к ним для дачи ответа по обвинению их в упомянутом преступлении. Ранее этого было столкновение бельской стражи с крестьянами и в ночь с 23 марта в лесу Рачинского, причем были задержаны трое обвиняемых: Вукол Иванов Трунов, Петр Яковлев и Максим Гаврилов, которых полиция намерена была отправить в тюрьму, но крестьяне стали волноваться, высказывая крайнюю враждебность, и заявили, что арестованных лиц они не дадут забирать, причем толпою, в числе около 200 человек, начали кричать: «надо бить становых и стражников», после чего бросились к лежавшим тут же на улице дровам и, вооружившись кольями, направились на полицейскую стражу; один из крестьян Василий Евдокимов набросился на стражника Савостьянова, замахнувшись на него колом, и Савостьянов вынужден был в свою защиту выстрелить в него и, ранив Евдокимова, приостановил временно движение крестьян. Вскоре к нападающим присоединились крестьяне других пяти соседних деревень и не допустили чинов полиции произвести дознание и отобрать похищенный лес, угрожая уничтожить всех, кто только появится в их деревне.

Ввиду такого упорного сопротивления чины полиции не решились пустить в ход оружие, опасаясь, что при стрельбе в толпу погибнет много народа. Раненый крестьянин Василий Евдокимов в крапивенской больнице, Бельского уезда, умер в ночь на 28 марта 1906 года.

---

[1] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 16. На подлинном резолюция: «Губернатор кажется полагает, что стража должна действовать оружием только в том случае, когда сопротивление не отличается упорством. Прошу составить бумагу, в которой указать, что полиция не исполнила своих обязанностей, проявив прискорбное малодушие и нерешимость [неразобрано] и просить [неразобрано] расследовать этот случай и о последующем уведомить. 9 апреля».

Кроме того, стражник Савостьянов по неосторожности причинил рану старшему стражнику Быкову в ногу, и последний находится в настоящее время на излечении в крапивенской больнице, Бельского уезда.

Произведенное дознание о сопротивлении крестьян чинам полиции препровождено судебному следователю 3-го участка Бельского уезда.

Об изложенном донесу вашему высокопревосходительству, присовокупляя, что мной предписано вновь назначенному в Духовщинский уезд исправнику лично выяснить на месте положение дела и принять меры к успокоению крестьян и восстановлению законного порядка.

И. д. губернатора, вице-губернатор Ф е р е.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции и командиру отдельного корпуса жандармов от 8 июня 1906 г., № 2268/2268 [1].

Крестьяне деревни Шелбицы, Смоленского уезда, под влиянием толков о переделах земель, отказались взять луг владелицы Лисевич, которым пользовались за отработки натурою. Тогда соседние крестьяне дер. Пищалова взяли луг у Лисевич на скос в текущем году. Крестьяне деревни Шелбицы заявили, что не дадут пищаловцам косить и с начала весны выгнали скот на пастьбу на луг Лисевич. Все попытки владелицы и крестьян дер. Пищалова восстановить свои права на пользование лугом встречали грубое насилие.

Неоднократные увещания местного пристава оставить насильственное пользование не привели к благоприятным результатам, и 5 сего июня пристав и 5 стражников были изгнаны крестьянами из деревни.

По распоряжению исправника, 6 июня, для восстановления престижа власти и прекращения насильственного пользования захваченным лугом, был командирован отряд из пеших и конных стражников в составе 34 человек.

Крестьяне в числе более 60 человек, вооруженные косами, вилами и кольями, двинулись на пеших стражников и заставили их отступить. Подоспевший отряд конных стражников с офицером полицейской стражи, корнетом Пилюгиным, после сигнального предупреждения, перешел в наступление холодным оружием, бой длился около 10 минут: крестьяне бросались с косами и кольями, стражники отбивались и наносили удары прикладами и плашмя шашками.

Во время столкновения один из крестьян занес косу на шею стражника, — скатанная шинель помешала смертельному поранению; трубач, видя опасное положение товарища, выстрелом из револьвера убил нападавшего. После выстрела крестьяне приостановили нападение, по сигналу отбой борьба прекратилась с обеих сторон. Из участвовавших в вооруженном сопротивлении 10 человек задержано и взято 14 кос как вещественные доказательства. Некоторым стражникам нанесены удары и порезы, ложи двух винтовок повреждены. Дело о вооруженном сопротивлении передано судебному следователю. Столкновение, видимо, отрезвило соседних крестьян, интересовавшихся ходом борьбы

[1] Фонд смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., № 415а, лл. 13—14.

за землю, с вооруженною силою и, если судебные власти отнесутся к делу более серьезно, в Смоленском уезде аграрное движение будет ослаблено.

Генерал-майор Громыко.

[Для командира отдельного корпуса жандармов].

Настоящее столкновение полицейской стражи с крестьянами, вооруженными косами, вилами и кольями, убеждает, что употребление холодного оружия мало действительно: косой и вилами крестьяне не допускают приближения стражи и успешно нападают, а стражники, работая штыком и шашкою, способны только слабо отпарировать удары. Так как в предстоящих аграрных беспорядках крестьяне будут вооружены преимущественно косами, стамесками и долотами, насаженными на длинные колья, то необходимость вынуждает избегать атак холодным оружием и поражать стрельбой на дальней дистанции.

Во избежание больших потерь, естественных при стрельбе, безусловно полезно было бы конных стражников, хотя наполовину, вооружить пиками. Пика позволит лишь выводить из строя только передовых упорных бойцов, наносит редко смертельные раны и наконец атака с пиками производит устрашающее впечатление. Независимо от того пика даст возможность без риска вступить в рукопашные схватки, не страшась крестьянского вооружения, уменьшит количество жертв, весьма часто случайных при дальности огнестрельного поражения.

Генерал-майор Громыко.

Донесение смоленского губернатора министру внутренних дел от 14 июня 1906 года, № 1803 [1].

В дополнение к представлению от 7 сего июня за № 1751 доношу вашему превосходительству, что в виду появившейся в местной газете «Смоленский вестник» статьи по поводу вооруженного столкновения 6 июня стражников с крестьянами деревни Шелбицы, Смоленского уезда, в коей утверждалось, что крестьянин Федотченков убит стражниками безоружный, причем, будто бы, два стражника держали его за руки, а третий выстрелил в него в упор из винтовки, — был командирован на место чиновник особых моих поручений для расследования как этого обстоятельства, так и всего происшествия.

По донесению названного чиновника столкновение произошло при следующих обстоятельствах: 6 июня около 1—2 часа дня отряд стражников конных и пеших, в числе 32 человек с уездным исправником, становым приставом и офицером, заведующим строевой частью стражи, из экономии владелицы Лисевич, в 3/4 версты от деревни Шелбицы, прибыл в последнюю, где имеется до 30 крестьянских дворов; отряд прибыл сюда для того, чтобы собрать крестьян этой деревни и предъявить им требование о прекращении упорного самоуправства, заклю-

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 415а, лл. 9—11.

чающегося в захвате ими в свое пользование травяного выпаса на участке земли, принадлежащем владелице Лисевич, заарендованном у последней крестьянами деревни Пищаловой, а также для задержания некоторых из крестьян, агитаторов этого самоуправства, и для розысков в их домах разного оружия, о заготовлении которого для оказания сопротивления полиции имелись сведения.

По прибытии стражи в деревню большинства крестьян на лицо не оказалось. Полиция, получив сведения, что некоторые из крестьян скрылись в своих домах, а некоторые вне деревни, распорядилась через урядников и стражников произвести розыски в хатах с тем, чтобы если будут обнаружены крестьяне-агитаторы или оружие, то доставлять их в указанное место. Урядники и стражники начали производить розыски и в нескольких домах нашли крестьян, которые, по указанию прибывшего сюда же управляющего владелицы Лисевич Близюченко, были признаны за агитаторов. Таким образом было задержано три крестьянина; оружия найдено не было.

Во время этих розысков одна дверь оказалась запертой изнутри, вследствие чего для проникновения в хату одним стражником была повреждена дверь; в хате другого крестьянина при таких же обстоятельствах было повреждено окно. Во время производства в этой деревне розысков конная стража под командою офицера отправилась, по распоряжению исправника, розыскивать остальных крестьян в ближайшем при деревне лесу, но здесь никто из агитаторов обнаружен не был.

Производившие розыски в деревне стражники позволяли себе попадавшимся им на пути наносить удары нагайками и ногами; насилия эти проявлялись над крестьянами и крестьянками, дерзко и бранью отвечавшими на требования, предъявляемые при розыске стражниками; установлено также при расследовании несколько случаев, что стражниками были нанесены крестьянам удары нагайками по приказанию офицера стражи за дерзкие ответы и отказ исполнить требование, следовать для допроса, а также случай нанесения удара нагайкой и самим офицером. Во время этих розысков, производившихся конною стражей в лесу, исправником и приставом, находившимися с пешею стражею и арестованными на шоссе в деревне, получены были сведения, что в деревню Шелбицы направляются из пяти или девяти деревень крестьяне на выручку и освобождение арестованных. Действительно, около трех часов дня замечено было, что по шоссе, по направлению к деревне, движется толпа с косами; по сведениям полиции, эта толпа наступала с целью оказать сопротивление страже силою, для чего вооружилась косами. Между тем, по показанию спрошенных лиц, появление этой толпы объясняется следующим обстоятельством: в экономии землевладельца Белавенцева при деревне Лазареве был закончен покос сена, после которого крестьяне-лазаревцы в числе 24 человек были угощены изрядным количеством водки; кроме того, им было выдано еще и деньгами четыре рубля, которые они решили пропить и прямо с работ отправиться в ближайшую винную лавку или в деревню Замятино, или же через деревню Шелбицы в деревню Моргуново, где имеются винные лавки. Лазаревцы, находясь в 1/4 версты от Шелбицы, видели тревогу, происходившую в этой деревне. По сведениям полиции, лазаревцы были извещены о действиях стражи в Шелбицах: по показанию же спрошенных при дознании, они направились в деревню

Моргуново, забрав с работ свои косы, чтобы в этой деревне продолжать пьянство; когда лазаревцы подошли к деревне Шелбицы на расстояние 200 шагов от расположения построенного отряда стражи, то офицер, командовавший стражею, решил, что придется открыть пальбу, и уже к этому приготовился, предварительно же к толпе лазаревцев был послан урядник и отдельно стражник-трубач с предупреждением, что если лазаревцы не остановятся и не возвратятся, то, по сигналу, по ним будет открыта стрельба. Лазаревцы отказались исполнить требование, и офицер решил приготовиться открыть стрельбу. Бывший вблизи исправника крестьянин Филимоненков обратился с просьбой к нему не стрелять, а послать кого-нибудь к толпе для переговоров и вторичного требования возвратиться; был послан сначала староста деревни Пищаловой, которого лазаревцы не послушались и продолжали итти. После того вторично к толпе был послан исправником крестьянин Филимоненков; последний спрашивал лазаревцев, что им нужно; ответом на это было: «мы хотим посмотреть, что здесь делается, и хотим переговорить»; толпа была пьяная. Филимоненков сказал им, что если они хотят итти, то пусть бросят косы, а самое лучшее пусть возвращаются, так как, если они будут итти с косами, то в них будут стрелять, толпа послушалась увещаний Филимоненкова и пошла обратно.

В это время исправник и офицер решили окружить толпу и узнать, зачем она шла; по команде офицера конная стража, обойдя толпу, окружила ее и предъявила требование бросить косы; так как исполнить это требование они не захотели, то было отдано приказание обезоружить крестьян. С этого момента началась схватка, во время которой часть крестьян разбежалась с косами, некоторые без кос, а часть толпы, оставаясь на месте, оказывала сопротивление при насильном отнятии от них кос. Выяснилось дознанием, что в этой схватке стражники конные и пешие действовали шашками наголо и прикладами, а окруженные крестьяне — косами; разбегавшихся крестьян стражники догоняли и задерживали. После задержания крестьянина Федотченкова, наиболее сопротивлявшегося при схватке, он был привезен стражниками к прежнему месту, и здесь в разгаре схватки стражник-трубач Вощилло сделал выстрел в Федотченкова, от которого он упал и через 15 минут скончался. При каких обстоятельствах Вощилло выстрелил в Федотченкова, точно выяснить не удалось ввиду разногласия в показаниях свидетелей, но указание в корреспонденции на то, что выстрел был сделан в тот момент, когда Федотченкова держали за руки стражники, не подтвердилось. В той же схватке другому крестьянину Герасиму Тетеркину был нанесен удар по голове шашкой урядником Горячкиным, от этого удара раненый скончался на третий день. Перед началом схватки офицер сделал распоряжение не стрелять; после выстрела, произведенного стражником Вощилло, был дан сигнал собраться. Лазаревцы, кроме задержанных, разбежались. Скончавшийся Федотченков с места был отправлен в смоленскую больницу, туда же поступил крестьянин Тетеркин и крестьянин Егоров, раненый шашкою по голове, но жизнь последнего находится вне опасности. Уездным врачом Рутковским были освидетельствованы в деревне Шелбицах две женщины и шесть человек крестьян, заявивших о нанесении им побоев: крестьянину деревни Лазарева — во время столкновения, а остальным — во время производства розысков, до столкновения, у ко-

их оказались знаки насилия в виде легких кровоподтеков и незначительных опухолей.

Доводя об изложенном до сведения вашего высокопревосходительства, присовокупляю, что из приведенных данных нельзя не усмотреть, что со стороны чинов полиции и офицера, заведывающего строевой частью стражи, корнета Пилюгина, в настоящем деле допущен ряд неправильных действий и нетактичностей по отношению к крестьянам и что по выяснении подробно производящимся по сему делу судебным следователем предварительным следствием незаконных действий чинов полиции и корнета Пилюгина против виновных будет возбуждено судебное преследование, если для сего будут добыты следствием достаточные основания.

Смоленский губернатор Суковкин.

Рапорт ельнинского уездного исправника начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 14 июня 1906 г., № 181[1].

Пристав 3 стана вверенного мне уезда, рапортом от 3 сего июня, за № 1018, донес, что деревни Выползово, Ивонино, Тишово, Плотки, Крашнево и Ляды расположены вблизи села Ивонина, где более 25 лет существует министерское 2-классное училище и в упомянутых селениях много имеется уже взрослых, окончивших курс в этом училище; из них некоторые занимаются хозяйством, а многие служат на станциях Рязанско-Уральской ж. д. и получают газеты революционного направления. Легче других газет им попадает «Смоленский вестник», распродаваемый по станциям и разъездам с товарно-пассажирскими поездами, к которым крестьяне даже посылают за газетой, чему приставу приходилось быть очевидцем. Начитавшись такой газеты, крестьяне во главе своих сельских старост помянутых деревень, 1 сего июня со станции Савкино послали телеграмму в 150 слов Государственной думе, составленную из воззваний, помещенных в «Смоленском вестнике»; в телеграмме высказали просьбу не отступать от предъявленных требований и об упразднении земских начальников, жандармов, полиции и стражников, как сильно их притесняющих; требуют отстоять наделение обрезными землями, за которые они служат и платят помещикам более 40 лет, и т. п. Телеграмма эта принята от крестьян старшим телеграфистом Полехиным, за отказом младших телеграфистов принять таковую.

О чем сообщаю вашему превосходительству.

Ельнинский уездный исправник [подпись].

Донесение смоленского губернатора товарищу министра внутренних дел А. А. Макарову от 21 июня 1906 г., № 1852[2].

Пользуясь данным мне вашим превосходительством разрешением обращаться к вам непосредственно, в случае каких-либо недоразумений и сомнений, в направлении дел политического и аграрного характера, позволю себе утруждать ваше внимание сообщением нижеследую-

[1] Фонд Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 136, л. 354.

[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., № 136, лл. 398—399. Печатается по копии.

щих сведений, имеющих серьезное значение в деле распространения волнений среди населения Смоленской губернии.

1. В Поречском уезде крестьянами Кавшинской волости в начале сего месяца был составлен приговор для передачи в Государственную думу: о наделении крестьян землею бесплатно, об отмене смертной казни, ограничении власти администрации, и пр. тому подобных предметах. Автор этого приговора, учитель сельского училища, из местных крестьян, Трифонов, лично отправился с ним в Петербург.

2. В пределах Шоптовской и Глуховской волостей, Бельского уезда, крестьяне под влиянием писем члена Государственной думы местного крестьянина Волкова собирают сходы, на которых обсуждают вопросы о национализации земли и о свободе печати, собраний, союзов, и пр. Ораторами на сходах и энергичными деятелями по собиранию сходов являются два местных учителя сельских школ Чупыркин и Голосов. Насколько сильно их вредное влияние на местное население,—пока не установлено, но в Шоптовской волости крестьянское волнение выразилось: рядом поджогов строений землевладельцев, имеющих, несомненно, аграрный характер; кроме того, в этой же волости толпа крестьян напала на местных станового пристава и урядника и угрожала им насилием за то, что они, по мнению толпы, невинно арестовали крестьянина Федорова, подозреваемого в поджогах.

3. В Краснинском уезде толпа крестьян жестоко избила полицейского урядника, очень скромного, корректного и спокойного человека, за то, что он зимою арестовал сельского учителя Королева, агитировавшего в этой местности, причем толпа заявила, что такая же расправа будет учинена и со всеми чинами полиции.

Предложив директору народных училищ вверенной мне губернии, на основании высочайше утвержденного 14 января сего года предположения совета министров, уволить названных трех учителей от занимаемых ими должностей, я поручил местной полиции установить за дальнейшею их деятельностью особый надзор, предполагая заключить их под стражу в порядке положения об охране, если они не прекратят вредной деятельности среди населения и, кроме того, просил прокурора Смоленского окружного суда обратить особое внимание на дело о нанесении тяжких побоев уряднику в Краснинском уезде и, если можно, принять по отношению к обвиняемым высшую меру пресечения, (если они будут) уклоняться от суда и следствия.

Доводя об этом до сведения вашего превосходительства, покорнейше прошу не отказать мне в указаниях, соответствует ли устранение от должностей учителей-агитаторов, а также предположение об арестовании их по охране направлению общей внутренней политики высшего правительства и, если бы подобного рода распоряжения мои шли вразрез с принятым министерством направлением, благоволите уведомить меня по телеграфу.

Покорнейше прошу ваше превосходительство принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Смоленский губернатор Суковкин.

Телеграмма графа А. Шереметьева смоленскому губернатору от 21 июня 1906 г.[1].

Со вчерашнего дня у меня, в имении Высоком, Сычевского уезда, бастуют экономические и полевые рабочие, предъявляя всякие требования, прошу содействия вашего.

Граф Александр Шереметьев.

Телеграмма графа А. Шереметьева смоленскому губернатору от 22 июня 1906 г.[2].

В моем имении Высоком, Сычевского уезда, очень возбужденное настроение, агитаторы работают энергично, забастовка рабочих продолжается. Экономические требования служат только предлогом, очень прошу содействия вашего превосходительства к охране моего имения.

Граф Александр Шереметьев.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 23 июня 1906 г., № 916[3].

Во исполнение предписания от 17 сего июня, за № 1833, имею честь донести вашему превосходительству: третьего дня я лично был в с. Высоком графа Шереметьева, причем оказалось, что в означенном имении забастовали все экономические рабочие (некоторые по принуждению), предъявляя требования об увеличении жалованья, улучшении их быта, а главное — увольнении управляющего и садовника за грубое с ними обращение и незаконные действия. Личными убеждениями я добился уговорить рабочих ухаживать за скотом, а управляющего уговорил добавить содержание, но, несмотря на это, они все-таки отказались от исполнения всех экономических работ, кроме ухода за скотом, впредь до расследования их жалобы самим главноуправляющим графа Шереметьева, о чем мною вчерашнего числа послана владельцу телеграмма (в копии при сем прилагаемая), и о забастовке рабочих составлен акт, который будет отправлен, согласно закона 15 апреля сего года по проекту правил против возникновения стачек сельских рабочих, по подсудности, предварительно предъявив таковой графу Шереметьеву, о согласии его на предание их суду, ибо последняя мера весьма опасна и может возбудить все окрестное население к мести за своих однодеревенцев, так как все рабочие, около 33 человек, из окрестных деревень. На всякий случай на месте мною оставлен отряд стражников.

Исправник Баранцев.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 24 июня 1906 г., № 936[4].

В дополнение к рапорту моему от вчерашнего числа, за № 916, имею честь донести вашему превосходительству, что, кроме села Вы-

[1] Фонд канц. смолен. губ. 1906 г., д. № 462, л. 7.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, л. 58.
[4] Там же, 1906 г., д. № 464а, лл. 15—16.

сокого, во вверенном мне уезде было еще несколько случаев аграрного движения, а именно: 1) в селе Александрине, Торбеевской волости, имении князя Лобанова-Ростовского, были предъявлены крестьянами 13 окрестных деревень разные требования об отдаче им за уплату или отработок земли под покосы, пастбища и другие нужды, но контора экономии поступила во многих случаях неосновательно, довела до того, что крестьяне начали предъявлять эти требования с разными угрозами и даже разгромлением имения и все держали себя до невозможности дерзко. По получении о сем телеграммы управляющего (при сем прилагаемой) я прибыл в означенное имение, вызвал крестьян всех деревень и разъяснил им некоторые неуместные их требования и предупредил о последствиях, в случае приведения их угроз в исполнение, а затем лично имел свидание с престарелым князем Лобановым-Ростовским, который разрешил мне поступить с намеченными им участками для отдачи крестьянам, по своему усмотрению, что я и исполнил, и тем удовлетворил все окружные деревни, причем доложил князю о выясненных мною незаконных действиях его конторы, до взятничества включительно, объяснив ему, что причиной могущих произойти в будущем беспорядков в его имении, как я убедился на месте, будет только одна контора, которая своими незаконными действиями озлобляет окрестное население. В настоящее время в этом имении пока все благополучно.

2) Также произошли довольно серьезные осложнения в имении Коптева, Торбеевской волости, наследников землевладельца Коненкова, которому крестьяне деревни Мысова предъявили еще прошлой зимой требование не рубить лес на отрезной земле, прилегающей к их деревне, ввиду того, что, по их мнению, все отрезки должны быть переданы крестьянам, но, несмотря на это, Коненков вырубил часть дров около 25 кубов и начал перевозить их в свое имение. Тогда крестьяне всей деревней отправились 16 сего июня в лес и забрали остающиеся дрова себе. Получив о сем донесение от местного пристава 1-го стана, я выехал с отрядом стражников в означенную деревню, где также начал уговаривать крестьян оставить их незаконные требования и возвратить добровольно дрова. Но в данном случае дело не обошлось благополучно; крестьяне оказали полное недоверие и сопротивление, о чем мною составлен акт (в копии при сем прилагаемый), и дело вчерашнего числа за № 924, передано г. судебному следователю Смоленского окружного суда для привлечения виновных к ответственности по статьям 269 и 269[1] уг. ул.

3) Далее в селе Липецах, имении Николая Алексеевича Хомякова, также в текущем июне месяце крестьянами деревни Карцево, Торбеевской волости, произведен довольно значительный поруб леса, около 300 дерев, с насилием над полесовщиками, которые ими были предварительно изгнаны из дачи, о чем составлен акт и передан тому же судебному следователю. Кроме того, экономическими рабочими с. Липец также были предъявлены к владельцу некоторые незначительные экономические требования, которые г. Хомяковым вполне удовлетворены и при посещении моем на-днях села Липец, где был временно и сам г. Хомяков, последний мне заявил, что в его имении в настоящее время все благополучно. Затем в июне месяце было еще несколько других осложнений в разных имениях, но, благодаря бога, все они окончились миролюбиво, и крестьяне после моих увещеваний успокоились.

В селе Дугине, имении князя Мещерского, где в текущем году крестьянам сделаны значительные послабления, кроме обыкновенных ночных лесных порубов, ничего особенного пока нет, чему отчасти, повидимому, противодействует имеющаяся при имении конная вооруженная стража из казаков. Вообще в данное время, начиная с текущего июня месяца во вверенном мне Сычевском уезде положение довольно шаткое, очень много возвратилось из столицы фабричных рабочих из местных крестьян, которые ведут в своей среде усиленную агитацию, чему вполне подчиняется местное население и не только не выдает их, а напротив всеми силами защищает, так что бороться с этим фактом положительно невозможно. Кроме того, долгом считаю доложить вашему превосходительству, что отряды пеших стражников, как оказалось на практике, совершенно не пригодны в том отношении, что при частых перемещениях их из одного места в другое, они положительно не могут поспевать своевременно в назначенный пункт, и, кроме того, страшно утомляются; подвод же от населения добыть невозможно, ввиду ненавистного к ним отношения населения. Были за это время случаи, что подвод население даже не давало за деньги, которых мною уже истрачено на сей предмет за июнь из собственных средств более 35 рублей, вследствие чего для пользы дела крайне необходимо иметь при каждом отряде не менее двух казенных лошадей с экипажами, или заменить всех пеших стражников конными, хотя бы при условии сокращения их штатов.

Уездный исправник Баранцев.

Постановление сычевского уездного исправника от 30 июня 1906 г.[1].

1906 года июня 30 дня, сычевский уездный исправник, закончив производство дознания по делу о забастовке рабочих в экономии графа Шереметьева с. Высоком, Гривской волости и других, произведенных ими беспорядках, и, руководствуясь циркулярным предложением г. министра внутренних дел от 11 сего июня за № 5643, постановил: все означенное дело, на основании высочайше утвержденного 15 апреля мнения Государственного совета о правилах против стачек сельских рабочих, для привлечения указанных в дознании рабочих и частных лиц, виновных в возбуждении этих рабочих к прекращению и приостановлению работ препроводить на распоряжение г. уездного члена Смоленского окружного суда по Сычевскому уезду; отдельно же от всего, на основании того же циркуляра г. министра за № 5643, с представлением копии со всего дознания, ходатайствовать перед г смоленским губернатором о сделании распоряжения об административной высылке, в порядке 33 ст. положения об охране, всех зачинщиков-агитаторов из рабочих: крестьянина Торбеевской волости деревни Колесников Петра Иванова Амельченкова, деревни Колыгина, Гривской волости, Михаила Дмитриева и дер. Лукина, Вяземского уезда, Соловецкой волости, Бориса Никитина, а также частных лиц: крестьянина дер. Мельников, Гривской волости, Адриана Дроздова, той же деревни Петра Кондратьева, деревни Лукина, Вяземского уезда, Соловецкой волости, Сергея Васильева и сына псаломщика с. Побухо-

[1] Канц. смол. губ., 1906 г., д. № 462, л. 84; заголовок подлинника, воспроизводится по копии.

ва, Вяземского уезда, Василия Михайлова Байкова, подвергнув их аресту при тюрьме, для чего, в виду невозможности местными полицейскими силами произвести этот арест, просить г. губернатора о высылке военной силы и о сделании распоряжения о заключении всех указанных лиц под стражу не в сычевскую, а в смоленскую тюрьму, так как есть основательные данные предполагать, что все соседние деревни могут отправиться в Сычевку для их освобождения.

Уездный исправник Баранцев.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 30 июня 1906 г., № 2875 [1].

С начала мая в северной части Бельского уезда замечается усиленное брожение крестьян и в особенности в Шоптовской волости, на родине члена Государственной думы, бывшего сельского учителя Тимофея Осиповича Волкова. Агентурным путем было дознано, что Волков, поддерживая постоянные сношения с братом, проживающим на родине, и местными сельскими учителями, сплотил крестьян Шоптовской и соседних волостей в организации для поддержки думских притязаний. В начале июня в Шоптовской волости собрался митинг в волостном правлении, на который прибыл пристав; руководители митинга потребовали удаления пристава, так как они собрались обсуждать свои крестьянские дела и пристав стесняет их своим присутствием. После удаления пристава, читались инструкции, полученные от депутата Думы, относительно учреждения местных комитетов и предъявления требований по аграрным и политическим вопросам. Желая добыть документальные данные, в целях парализовать нарождающееся движение, я просил бельского исправника произвести одновременно обыски в деревне Толкачах у Ивана Волкова, в селе Глухове у учителя Голосова и в селе Шоптове у учителя Чуприкова.

22 июня, по распоряжению исправника, был командирован пристав Лебедев с 15 конными стражниками в д. Толкачи, где обыскал Ивана Волкова, забрав переписку его с братом, депутатом Государственной думы, и брошюры у учителя Чуприкова; у учителя Голосова производил обыск подведомственный мне унтер-офицер вместе со старшим урядником и понятыми. В квартире Голосова при обыске был член Государственной думы Т. О. Волков, прибывший вместе с Голосовым из Петербурга. При обыске ничего преступного обнаружено не было. Волков, в присутствии полиции и понятых, доказывал о необходимости искоренить дворянство, упразднить полицию и других властей и добиться осуществления требований, предъявленных Думою; высказывал и другие возмутительные взгляды на современный строй. После обыска у брата Волкова толпа крестьян настигла пристава Лебедева, в имении Зайцево, имевшего в своем распоряжении 15 конных стражников, который без сопротивления возвратил взятую переписку.

25 июня на митинге в селе Шоптове член Думы Тимофей Волков возбуждал крестьян против правительства, доказывал, что только сопротивление высших властей препятствует отчуждению земель, и рекомендовал выжидать до осени, а затем вооружаться и брать все силою.

[1] Фонд. Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 123, л. 28, воспроизводится по черновику.

Того же числа на митинге в село Шоптово прибыл подведомственный мне унтер-офицер Литвинов, которого Волков изгнал оскорбительной бранью и угрозами.

Крестьяне, видя грубое отношение члена Думы к жандарму, намеревались избить унтер-офицера Литвинова, и только его находчивость и такт спасли от побоев.

Волков требовал извинения жандарма в том, что он своим приездом оскорбил его, как члена Думы, приказал содержателю почты не давать лошадей для разъездов чинов администрации.

26 июня состоялся многолюдный митинг в д. Костры; Волков прибыл на тройке с конной охраной, крестьяне встречали его с красными флагами.

Вообще Волков революционизировал четыре волости: Шоптовскую, Глуховскую, Мольнинскую и Егорьевскую, и местные власти утратили всякое значение в глазах населения. В предупреждение открытого бунта и разгромов необходимы крайние меры, иначе смута охватит весь Бельский уезд и заразит соседние уезды.

Губернская администрация ограничивается по мотивам видами, оберегая себя от последствий за решительные меры [1]. Сегодня получены телеграммы о разгроме двух имений в Шоптовской волости. Необходимо побудить местные власти к решительным мерам, так как хотя вожаки преимущественно из сельских учителей, намечены, мятежное движение усилится, но до удаления члена Думы Волкова из пределов губернии бесцельно задерживать его подручных и привлекать к уголовной ответственности. Свидетелей добыть нельзя, благонамеренные люди устрашатся, а потому применение по данному мятежному движению обычного уголовного преследования не обещает благоприятных результатов, но необходимо введение исключительных мер и более решительные меры со стороны губернской администрации.

Генерал-майор Громыко.

Телеграмма сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 31 июня 1906 г. [2].

В Высоком Шереметьева вновь забастовка, присоединились восемь деревень, необходимо арестовать агитаторов, без войск невозможно, требуются не менее пятидесяти казаков, жду распоряжений.

Исправник Баранцев.

Телеграмма сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 1 июля 1906 г. [3].

Рабочие сегодня стали на работу, но успокоение, повидимому, временное, арест агитаторов необходим, ожидаю распоряжений.

Исправник Баранцев.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 462, л. 11.
[3] Там же, л. 16.

Телеграмма смоленского губернатора сычевскому уездному исправнику от 2 июля 1906 г.[1].

Из Вязьмы командирован в Высокое взвод казаков, арестуйте зачинщиков, отправьте в вяземскую тюрьму.

Губернатор Суковкин.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 5 июля 1906 г., № 939[2].

В дополнение к рапорту от 4 сего июля, за № 938, доношу вашему превосходительству, что вчера вечером, окончив производством дознание о забастовке рабочих в с. Высоком, я ввиду экстренного требования прибыл в с. Александрино князя Лобанова-Ростовского, где крестьяне села Торбеева самовольно захватили и скосили 12 десятин луга и делают разные угрозы, до разрушения имения включительно, о чем мною производится дознание, которое будет направлено по подсудности. Вообще в округе между Высоким и Александриным все крестьянское население страшно возбуждено, и требуется внушительная сила, хотя бы для малейшего успокоения. Прибытие по распоряжению вашему в село Высокое двадцати пяти казаков решительно успокоило за эти дни население, а поэтому прошу ваше превосходительство оставить этих казаков в селе Высоком на более продолжительное время, хотя бы до уборки хлебов, дабы я имел возможность пользоваться ими при восстановлении порядка в селе Александрине и других соседних имениях, где во многих местах начинаются аграрные движения. Так, например, по полученному мною сегодня донесению, 2 июля в селе Федькове в имении графа Граббе, в 4 верстах от села Александрина, сожгли сарай с сеном до 200 возов, о чем производится дознание местным приставом 1-го стана. Вообще в районе Гривской, Торбеевской, Хотьковской, Бехтеевской и частью Ивановской в округе больших имений весьма неспокойно, и без казаков, которые действительно наводят известный страх на крестьян, положительно остаться невозможно.

Что касается упомянутых в моем рапорте от 4 июля, подлежащих личному задержанию и скрывшихся агитаторов: Васильева и Байкова, проживающих в пределах Вяземского уезда, то таковых до сих пор вяземской полицией не розыскано, мне же оставаться для розысков их нет возможности, так как завтра я должен выехать в село Липецы, имение г. Хомякова, и с. Дугино князя Мещерского для расследования дел о продолжающихся открытых порубках леса.

Уездный исправник Баранцев.

Рапорт помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления в Рославльском уезде начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 23 июля 1906 г., № 99[3].

Доношу, что в районе 2-го стана Рославльского уезда начинаются брожения среди крестьян на почве аграрных вопросов.

21 и 22 июля крестьяне Радичской волости проявили уже насилия

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г. д. № 462; воспроизводится по отпуску
[2] Там же, лл. 33—34.
[3] Смолен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, лл. 562.

и самоуправства по отношению землевладельцев; так, в имении Анны Александровны фон-Сикстель, по донесению пристава, выгоняют рабочих и заявили владелице, что имение ее принадлежит им; у владелицы Соколовой разобрали загородку и пустили на ее луг свой скот. Ввиду изложенного и принимая во внимание обстановку, крайне желательно было бы немедленно же объехать все эти селения, охваченные брожением, с отрядом казаков человек в 40—50 и конными стражниками. Одни стражники по своей малочисленности, 18—20 человек, не произведут должного внимания, а в данном случае именно и нужно произвести сразу же сильное впечатление, иначе будет то же, что и в Бельском уезде. Казаки потребуются всего лишь на 2—3 дня; доехать же они могут по железной дороге до ст. Сещинской.

Ротмистр барон Тизенгаузен.

Предписание смоленского губернатора рославльскому уездному исправнику от 31 июля 1906 г., № 2278 [1].

На-днях будет командирован в Рославльский уезд отряд казаков, по прибытии которого в г. Рославль, вы вместе с помощником начальника губернского жандармского управления бароном фон-Тизенгаузеном и отрядом уездной конной стражи и прибывшим отрядом казаков отправитесь по тем волостям уезда, где замечается волнение. Поездка значительной военной силы должна произвести известное впечатление на население, потому не следует разбрасывать отряд частями, а надлежит в течение 5—7 дней объехать все охваченные волнением местности, предупреждая население, что, при первых [же] признаках беспорядков, таковые будут подавлены силой. По окончании объезда отряд должен возвратиться в Смоленск.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 31 июля 1906 г., № 2286 [2].

28 текущего июля в селе Рядынь, Духовщинского уезда, принадлежащем помещику Николаю Францевичу Забелло, была ярмарка при большом стечении народа. Когда помещик Забелло вышел из усадьбы, то бывшая на ярмарке толпа народа двинулась к нему и без всякого с его стороны повода начала наносить ему побои и, затем, приблизясь к самой усадьбе, подожгла таковую с двух сторон, с целью произвести погром, но присутствовавший на ярмарке местный пристав с двумя урядниками и отрядом стражников прекратил пожар и требовал от толпы, чтобы последняя разошлась; толпа же в ответ начала осыпать градом камней как пристава, так и всю бывшую полицейскую стражу. Пристав, после троекратного предупреждения, приказал страже стрелять и после первого залпа толпа рассеялась, причем оказался убитым крестьянин деревни Курганово Дорофей Гаврилов. На место выехал уездный исправник для производства дознания по сему пред-

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464-а; воспроизводится по отпуску.
[2] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 52.

мету, которое по окончании немедленно будет передано подлежащей судебной власти для привлечения виновных к законной ответственности.

Об изложенном довожу до сведения департамента полиции.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Рапорт унтер-офицера Смоленского губернского жандармского управления начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 24 августа 1906 г., № 94[1].

Доношу вашему превосходительству, что в Гжатском уезде начинаются аграрные беспорядки. В Самуйлове сожжена шоха хлеба, в Полянинове—трактир и собираются через день митинги в лесу, рабочих снимают с работы, людей на митинги выгоняют под угрозой насильно, как рассказывает крестьянин дер. Барановки, Петропавло-Глинковской волости, Никифор Петров, что у одного мужичка хранятся все бумаги в погребе, где устроена скрытая кладовая. В Корытовской волости и Покровской происходят митинги, в имении Андрея Петрова сожжен скотный двор; у предводителя дворянства Булгакова был поджог дома, но неудачно — усмотрен и т. д. Исправник усиленно набирает стражников, но далеко не соответствующих, разъезды производятся усиленно.

Прошу ваше превосходительство разрешить произвести обыск по указанию Петрова в погребе, где, по его мнению, хранится преступное.

Унтер-офицер Кузяков.

Предписание смоленского губернатора бельскому уездному исправнику от 1 сентября 1906 г., № 2664[2].

Из рапорта вашего высокоблагородия от 26 минувшего августа за № 479, [видно], что на произведенные из толпы крестьян деревни Флорова два выстрела в полицейскую стражу во главе с полицейским урядником Сопотской волости, последняя также сделала выстрел, но только в воздух, между тем министерством внутренних дел, а также и моими циркулярными распоряжениями неоднократно было разъяснено вам о том, что в подобных случаях ни под каким видом не должна быть допускаема стрельба полицейской стражи в воздух, а потому за означенное упущение ставлю вам на вид, а также делаю приставу 2 стана вверенного вам уезда строгий выговор; независимо от сего поручаю вам немедленно уволить от должности упомянутого полицейского урядника и старшего полицейского стражника, бывшего с командой во время производства стрельбы при столкновении с крестьянами деревни Фролова, и о последующем мне донести.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

---

[1] Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 137, л. 406.

[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464; воспроизводится по отпуску.

Предписание смоленского губернатора поречскому уездному исправнику от 23 сентября 1906 г., № 2960 [1].

Благочинный 1 округа Поречского уезда сообщил мне, что в церковной даче села Инькова крестьянами деревень Ходыки, Зилоинки, Костричина и Ковалева производятся массовые порубки церковного строевого леса, в особенности крестьянами деревни Костричина, коими во рву возле деревни поставлена даже лесопилка для разработки уворованного леса на доски. Возбужденные против них дела у местного земского начальника о ранее бывших порубках последним прекращены, почему крестьяне, уверившись и в дальнейшей их безнаказанности, еще с большей энергией принялись за массовое хищение из упомянутой дачи леса, во всякое время, не стесняясь даже и днем, причем сторожа этой дачи не в состоянии уже бороться с дерзким самоуправством крестьян, которые угрожают им избиением и даже смертью.

Давая об изложенном знать, предлагаю вашему высокоблагородию безотлагательно принять меры к дальнейшему прекращению рубки леса с производством розыска и отобрания в окрестных деревнях срубленного леса при помощи полицейской стражи. О последующем мне донести с подробным изложением обстоятельств настоящего дела.

И. д. губернатора вице-губернатор [Ф е р е].

Отношение смоленского губернатора начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 4 октября 1906 г., № 3104 [2].

Из поступающих ко мне жалоб и заявлений от разных лиц, преимущественно землевладельцев Рославльского уезда, мною усмотрено, что в разных пунктах уезда замечается усиленное волнение среди сельского населения. Самовольное открытое хищение леса у частных владельцев составляет обычное явление, и против него не принимается никаких мер. Кроме того, в последнее время имел место целый ряд случаев грабежей и поджогов жилых и нежилых строений, производимых, по слухам, организованною шайкою злоумышленников, причем ни в одном случае не были обнаружены грабители и поджигатели.

Признавая ввиду этого необходимым принятие особых мер к восстановлению порядка и спокойствия в Рославльском уезде, прошу ваше превосходительство поручить проживающему в г. Рославле вашему помощнику, ротмистру барону фон-Тизенгаузену выехать в пределы уезда для проверки правильности и целесообразности деятельности местной полиции по прекращению беспорядков и выработать, совместно с уездным исправником, план мероприятий для прекращения в уезде систематических грабежей и поджогов и обнаружения виновных в совершении этих преступлений, для чего, если понадобится, совместно с чинами местной полиции, а также конными стражниками, сделать объезд тех волостей, где наиболее часты поджоги и вообще замечается тревожное настроение населения, и осуществить на месте выработанные меры к водворению спокойствия.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 392; л. 174.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464-а, л. 32; воспроизводится по отпуску.

Придавая весьма важное значение предстоящей командировке, прошу вас предложить барону фон-Тизенгаузену принять все меры к восстановлению порядка и спокойствия в уезде, для чего необходимо действовать решительно и постараться произвести впечатление на население, что особенно важно ввиду предстоящего призыва новобранцев; лиц, заподозренных в поджогах и грабежах с аграрными целями, а также в распространении противоправительственной пропаганды, необходимо немедленно же заключать под стражу, применяя положение о государственной охране.

При этом присовокупляю, что, по имеющимся у меня сведениям, в Рославльском уезде особенно энергично распространяет призыв к аграрным беспорядкам некий Пашин.

Обо всем обнаруженном ротмистром бароном фон-Тизенгаузеном в пределах уезда, а также о мерах, принятых им для восстановления спокойствия, прошу поручить ему безотлагательно мне донести.

И. д. губернатора, вице-губернатор Фере.

Заявление кн. В. М. Урусова смоленскому губернатору от 9 октября 1906 г.[1].

В имении моем, находящемся в Дорогобужском уезде, селе Овиновщине, крестьяне соседних деревень производят уже продолжительное время целый ряд правонарушений, которые проходят совершенно безнаказанно. Уже с половины минувшего июля крестьяне дер. Билино стали самовольно пасти скот по моим полям, прилегающим к надельной земле. Личные переговоры с ними не привели ни к каким результатам. Примеру крестьян дер. Билино последовали крестьяне дер. Хизов, Суток и Ямище, которые пасут свои стада на моих полях, прогоняя их почти до самой усадьбы.

С половины августа умножились в сильной степени лесные порубки. Порубщики при встречах с лесною стражей нисколько не стесняются произносить угрозы и продолжают рубку, не допускают лесных объездчиков к обыскам в деревнях. Из похищенного леса найдено в разных деревнях до 164 бревен, но крестьяне отказываются возвратить похищенный лес. В сентябре мои полесовщики вместе со стражниками и урядником явились в дер. Хизы для производства обыска и были встречены толпой крестьян, вооруженных кольями и вилами, которые не допустили их до обыска.

При этом моему полесовщику были нанесены побои. Об этом урядником не был составлен акт. Представитель полицейской власти вместе со стражниками, уступая перед угрозами толпы, удалились и до сих пор, насколько мне известно, обыск в дер. Хизах не произведен.

Имею честь просить ваше превосходительство сделать распоряжение о принятии местными властями мер к прекращению изложенных правонарушений, безнаказанность которых влияет развращающим образом на население.

Князь Урусов.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. 391, л. 117

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 13 октября 1906 г., № 3206[1].

За последние месяцы в Бельском уезде возникли беспорядки, носившие, несомненно, аграрный характер и выразившиеся в целом ряде поджогов и самовольных порубках владельческих лесов. Поджоги эти делались систематически в Шоптовской и Глуховской волостях и за последнее время стали появляться и в некоторых соседних с названными волостях. Несмотря на все принятые местной полицией меры к открытию виновных, за редкими исключениями, поджигатели обнаружены не были. Объясняется это, с одной стороны, тем, что поджоги аграрного характера представляют сами по себе один из видов преступлений, наиболее трудно поддающихся обнаружению, в особенности когда часть населения, хотя и незначительная, под влиянием агитаторов, относится сочувственно к поджигателям, другая же часть замалчивает преступников, ей известных, из опасения мести с их стороны. Помимо того, обнаружение виновных в Бельском уезде представлялось крайне затруднительным и благодаря топографическим условиям местности, изобилующей лесами.

Причиной возникновения беспорядков в Бельском уезде является агитационная деятельность бывшего члена Государственной думы Волкова, нашедшего себе энергичных помощников в лице члена бельской уездной земской управы Воробьева, его сына, студента, и некоторых учителей земских и церковно-приходских школ; дальнейшему же распространению аграрного движения и учащению преступных действий по отношению к имуществу помещиков служили как указанная выше трудность раскрытия виновников преступления, так и невозможность ареста в то время главного агитатора Волкова, пользовавшегося, как члена Государственной думы, неприкосновенностью и представлявшего собой в глазах крестьян вершителя их судеб.

Ввиду такого положения вещей бельский уездный предводитель дворянства граф Уваров обратился ко мне с письмом, в котором, указывая на крайне тяжелое положение землевладельцев и на необходимость принятия самых решительных мер к подавлению беспорядков, он, между прочим, обвиняет местную полицию в недостатке энергии и бездеятельности. Вместе с тем граф Уваров обращает внимание на малочисленность состава судебных следователей в уезде и неудовлетворительность некоторых из них, а также на сочувствие движению некоторых лиц духовного ведомства.

По сообщению приведенного письма графа Уварова прокурору Смоленского окружного суда, последний заявил, что в настоящее время состав судебных следователей в Бельском уезде переменился и туда назначены лица, вполне удовлетворяющие тем требованиям, какие должны быть предъявлены к судебным деятелям, ведущим следственную часть.

Из лиц духовного ведомства обратил на себя особое внимание священник села Батурина Мышляев, позволивший брату своему, студенту, говорить в церкви речь по поводу роспуска Государственной думы крайне предосудительного содержания.

---

[1] ДП. о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, лл. 70—71.

Об этом случае было доведено до сведения преосвященного Петра, епископа смоленского и дорогобужского, с просьбой о распоряжении не допускать на будущее время посторонних лиц выступать с церковной кафедры с разъяснениями правительственных распоряжений.

Затем, ввиду возводимых на бельскую полицию обвинений в бездеятельности, был командирован в Бельский уезд помощник начальника губернского жандармского управления ротмистр Аргентов для проверки правильности и целесообразности деятельности местной полиции по прекращению беспорядков, выработки плана мероприятий для прекращения в уезде систематических поджогов и обнаружения виновных в совершении этих преступлений, а также для объезда, совместно с уездным исправником и отрядом конных стражников, тех волостей, где наиболее часты поджоги и вообще замечается тревожное настроение населения. При этом мною поручено ротмистру Аргентову принять самые решительные меры к восстановлению порядка и спокойствия в уезде и не останавливаться перед арестами в порядке положения об охране лиц, заподозренных в поджогах с аграрными целями или распространении противоправительственной пропаганды.

Во исполнение этого поручения ротмистр Аргентов, совместно с полицией, объехал Шоптовскую, Глуховскую и семь других волостей Бельского уезда, причем им собирались сходы крестьян, на которых он выяснял населению обязанность по выдаче правительству преступников и ответственность за укрывательство их, а также знакомился с настроением крестьян, стараясь обнаружить главных подстрекателей и сочувствующих беспорядкам.

Одним из первых действий ротмистра Аргентова был арест, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., бывшего члена Государственной думы Волкова, члена бельской уездной земской управы Воробьева и студента Московского университета Константина Мышляева, брата священника с. Батурина. Кроме того, в порядке положения об охране, арестованы учитель Лобанев, шоптовский волостной писарь Громов и двенадцать крестьян, срок содержания которых под стражею департаментом полиции продлен.

Вместе с тем ротмистром Аргентовым были произведены во многих местах обыски, благодаря которым в г. Белом в квартире мещанина Николая Зимина найдены наборы типографского металлического шрифта, а в квартирах Юркова и Моисеенко была обнаружена нелегальная литература. Все эти лица, изобличенные в противоправительственной агитации, заключены под стражу.

Независимо сего, местной полиции еще до приезда Аргентова удалось обнаружить часть лиц, виновных в поджогах, собрав против них веские данные, свидетельствующие, что поджоги производились организованною шайкою, состоящею из крестьян деревни Смолькова, Глуховской волости. Из этой шайки арестовано по настоящее время 14 лиц, и, кроме того, установлено участие в ней еще 6 лиц, которые скрываются и пока еще нерозысканы.

Указанные меры и, главным образом, арест Волкова и Воробьева дали вполне благоприятные результаты. Настроение населения в настоящее время вполне мирное и покорное; крестьяне относятся к поджигателям несочувственно, а к агитаторам даже враждебно и рады освободиться от их влияния и гнета.

Надо надеяться, что поимка скрывающихся преступников, к кото-

рой приняты самые энергичные меры, и обнаружение других виновных в поджогах крестьян внесут полное спокойствие в уезде.

Доводя об изложенном до сведения департамента полиции, в дополнение к отношению моему от 3 сего октября за № 3079, присовокупляю, что, по заключению ротмистра Аргентова, к коему пришли землевладельцы Бельского уезда во главе с графом Уваровым, упрек полиции в бездеятельности не имеет никаких оснований, и все принятые ею к прекращению беспорядков меры являются достаточно решительными и целесообразными.

Местное общество отнеслось очень сочувственно к аресту члена земской управы Воробьева, и один из уездных земских гласных Михайлов, по закрытии земского собрания, открыто заявил, что преступная деятельность Воробьева послужила главным образом причиной бедствий многих землевладельцев уезда. Заявление Михайлова напечатано в местной «Смоленской газете», номер которой прилагаю.

Ввиду сего, а также доклада ротмистра Аргентова о том, что собранный им против Воробьева обвинительный материал едва ли будет признан прокурорским надзором вполне достаточным для возбуждения против него судебного преследования, я, предлагая возбудить ходатайство об административной высылке Воробьева из пределов губернии и желая предупредить могущее последовать распоряжение прокурорского надзора об освобождении из-под стражи Воробьева, нахожу целесообразным направить дело о нем не в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., а по положению об охране, вследствие чего ходатайствую о разрешении продлить срок содержания под арестом Воробьева до выяснения его преступной деятельности.

Губернатор, двора его величества камергер Н. Суковкин.

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 6 ноября 1906 г., № 3558[1].

Пристав 4 стана вверенного мне уезда рапортом от 5 сего ноября, за № 2029, донес, что в имении Перенка, Кирилловской волости, Владимира Александровича Муравьева произошел пожар, истребивший конный двор с тремя лошадьми, экипажами, сбруей и находившимся в нем ржаным и яровым хлебом в снопах, которого было: ржи до 600 коп. и овса 558 коп., чем причинено убытка на 25 000 руб. Из числа сгоревшего было застраховано в Смоленском губернском земстве хлеб и лошади в 3 780 руб. Пожар, по заявлению управляющего имением Александра Дмитриева Карпычева, произошел от поджога, но виновные не указаны и дознанием не обнаружены, дознание по сему делу приставом препровождено судебному следователю 3 участка Рославльского уезда.

О чем доношу вашему превосходительству.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 306.

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 16 ноября 1906 г., № 1948 [1].

Мною сего числа получено донесение, что в имении вдовы коллежского советника Теофилы Иосифовны Чижовой с. Любестеве, Жарынской волости, произошел 7 сего ноября пожар, уничтоживший задворок с хлебом, кормом и сельскохозяйственными принадлежностями, причинивший убытку 3000 рублей. Произведенным дознанием выяснено, что пожар произошел от поджога, но виновные не обнаружены, и таковое направлено по подсудности.

О чем доношу вашему превосходительству.

За исправника (подпись).

Предписание смоленского губернатора рославльскому уездному исправнику от 16 ноября 1906 г., № 3684 [2].

Орловский губернатор отношением от 13 сего ноября, за № 8612, сообщил мне, что в с. Рогнедине, Рославльского уезда, 19 и 21 ноября с. г. будут произведены торги на продажу движимого имущества крестьян-недоимщиков с. Бунево, Брянского уезда, и этим просит моего распоряжения о назначении усиленного полицейского наряда для поддержания порядка во время означенных торгов в с. Рогнедине.

Давая об изложенном знать, предлагаю вашему высокоблагородию назначить в село Рогнедино достаточный полицейский наряд для поддержания должного порядка во время производства торгов и оказания должного содействия при этом брянской полиции.

Губернатор, двора е. в. камергер [Суковкин].

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 26 ноября 1906 г., № 1992 [3].

12 сего ноября в 7 часов вечера у землевладелицы села Фоминичь, Епишевской волости, Ольги Людвиговны Друцкой-Соколинской произошел, как заявила потерпевшая, пожар — от умышленного поджога. Пожаром уничтожен хлебный двор с необмолоченным хлебом и разными сельскохозяйственными принадлежностями, убытка пожаром причинено на сумму 2500 руб. Сгоревшие постройки и находившееся в них имущество было застраховано в земстве в сумме 890 руб. Произведенное по сему делу дознание препровождено судебному следователю 2 участка Рославльского уезда и сообщено участковому товарищу прокурора. О чем доношу вашему превосходительству.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 319.

Там же, л. 309; воспроизводится по отпуску.

[2] Там же, л. 327

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 26 ноября 1906 г., № 2026 [1].

Доношу вашему превосходительству, что 25 сего ноября в имении Бутырки 2 стана от поджога сгорел сарай с сеном, принадлежащий землевладелице Марии Константиновне Кушлянской. Подозрение в поджоге—на соседних крестьян, у которых, по заявлению Кушлянской, производился приставом обыск порубленного леса в даче Кушлянской.

К обнаружению виновных производится дознание, которое будет передано по подсудности.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 326.

К истории освоения Северного морского пути[1]

В данной от капитана командора Беринга капитану Шпанберху февраля 23 дня 733 году инструкции написано

1.

Понеже мы неизвестны, как в летнее время от Соликамской до Таболска путь надлежит, того ради, когда вы прибудите к Соликамской, уведомится там у воеводы, сколко разстояния сухим путем до реки Туры, которая впадает в реку Табол, и можно ль перевозить матриалы сухим путем летним времянем и каким способом лутче к поклаже матриалов и припасов и удобно ль теми реками в осеннее время дойти до Таболска, чтоб то исправить без потеряния время и без убытка государственного. А ежели того невозможно летним путем исправить, то приготовить (л. 138 об.) подводы и что к тому надлежит для перевозу матриалов и служителей к первому зимнему пути.

Что по оной инструкции исполнено.

На 1.

По оному пункту какое исполнение было ль, о том от капитана Шпанберха х капитану командору Берингу не репортовано (л. 138 об.).

2.

Когда прибудете в Тоболск, требовать от губернской канцелярии лесу на строение одной дубель шлюпа, которая будет строитца при Таболске, которой чертеж имеет подмастерья, определенной с вами, и к тому строению плотников и кузнецов с их инструменты, железа, конопати, уголья, смолы, красок, точил и протчаго, что надлежит, и на то судно приготовить правиант сухопутной и морской против сообщенного при сем регестра, також фалканетов, ядер, картечь, пороху и протчих артилериских припасов против данной вам росписи, и иметь (л. 139) вам старание, чтоб от Табольской губернской канцелярии к прибытию нашему приуготовлено было, что по указу правителствующаго сената повелено делать на заводах Демидовых — якори и пушки и протчия железныя вещи, которыя надлежат в нашу экспедицию сверх вышеобъявленного судна, а смолы и пенки на конопать и железа, что к тому дубель шлюпу надобно, то взяв известие от мастера, обретающагося с вами, заготовить. Також требовать купоров и чтоб

[1] См. «Красный архив», тт. LXXI, LXXII, LXXIII.

приготовили лес на делание водяных бочек величиною по 10 или по 12 ведр и велеть оныя делать, а при строени того дубель шлюпа оставить вам в Табольске шлюпочного подмастерья (л. 139 об.).

На 2.

Капитан Шпанберх прибыл в Тобольск апреля 2 дня 733 году и требовал от Тобольской губернской канцелярии о приуготовлении матриалов и протчаго, касающагося до экспедиции; чего ради и сообщены от него в тое канцелярию з данных инструкцей точныя копии, на что от оной канцелярии и ответствовано о приуготовлении де сухопутного и морского правианта, что касается к экспедиции в Енисейскую и в Ыркутскую правинцию и в Якуцк тамошним камандиром указы посланы; к строению дубель шлюпки мастеровые и работные люди и с их инструментами от оной Сибирской губернской канцелярии (л. 139) присланы; и посланы для рубки лесу и копания кокор 90 человек, а железо, и укладь, и уголья велено от той канцелярии отпускать, смолу и краски определено купить в Таболску, а о деле и о присылке в Таболск пушек и протчей артилерии, котлов и якорей от сибирского берхъамта им, капитаном, апреля от 20 дня требовано. А к строению пакет ботов и дубель шлюпок, которыя будут строитца в Якуцке, в Охоцке и в Камчатке, железо от губернской канцелярии отпущено в каманду его, капитана Шпанберха, 200 пуд. А сверх того к строению оных судов железа, сколко понадобитца, велено отпускать из Якуцкого и из Ыркуцкого присутствия с новозаведенных железных заводов от камисара Бурцова; смолу и уголье заготовлять и отправлять из Якуцка; для дела водяных бочек купоры и с их (л. 139 об.) инструментами от губернской канцелярии к каманде присланы; а для строения дубель шлюпки в Таболску оставил он, капитан Шпанберх, подмастерья Коротаева, и оная дубель шлюпка строением окончилась в 734 году генваря 26 дня.

3.

Уведомитца в Тоболске подлинно при Охоцком и Якуцке, какие ныне вещи тамо есть, а имянно: пушки, порох и протчее, какие вещи, которые к нашему делу могут быть надобны ис привозу нашего или от полководца Шестакова отсталых, дабы двойного перевозу не имели, а ежели в Таболску о охоцких и якуцких наличных оных вещах известия не имеетца (л. 140), а хотя и есть, да малое число, то требовать, чтоб приготовить; також приготовить смолы, пенки, железа, уголья, краски на то строение судов, которое будет строитца при Якуцке, Охоцке и на Камчатке, а где сколко определено построить судов, о том вы известны.

На 3.

Апреля 13 дня требовал он, капитан Шпанберх, от Сибирской губернской канцелярии, коликое число имеетца при Охоцку и при Якуцку пушек, пороху и протчаго, что принадлежит к нашему делу, и на оное требование, коликое число имеетца в Якуцку артилерии и артилерных припасов, тому прислана от губернской канцелярии к нему, капитану, ведомость, с которой от него, капитана, к капитану

командору сообщена точная копия; о присылке пенки от оной же канцелярии в городы (л. 140) и дистрикты к воеводам и управителем указы посланы, а краски, какия сысканы в Таболску в продаже, те, купя от Сибирской губернской канцелярии, отданы ему, капитану Шпанберху.

4.

Понеже при прежней экспедиции Камчацкой сумы сыромятныя для перевозу правианта скоро не были изготовлены и дорого при Якуцке становились, а имянно около 90 копеек пара, и для того из Таболской губернской канцелярии требовать, чтоб подрядить или купить оных сум, в которых бы можно положить по 2½ пуда муки, и оныя сумы приготовить одну часть в Таболске, другую часть (л. 140 об.) — в Енисейске и в Иркуцке, третью — в Якуцке или где за благо разсудят в тамошних ближних местах, чтоб в прибытие наше в том не было остановки и в цене лишней передачи, а надлежит тех сум 4 497 пар.

На 4.

По требованию его, капитана Шпанберха, велено сумы делать подрядом — в Таболску 1 499 пар, в Енисейске и Иркуцке — 1 499 пар, в Якутске — 1 499 пар и о деле де тех сум в те городы указы от Сибирской губернской канцелярии посланы и от Сибирской губернской канцелярии приняты к каманде капитана Чирикова в 734 году 1 998 пар да по репорту его ж, капитана (л. 140 об.) Чирикова, показано, прислано в Ылимск из Енисейской правинцыалной канцелярии 275 пар от Иркуцкой правинцыалной канцелярии, по силе указа отпуску сумам не было, а ответствовано к капитану Шпанберху — о заготовлении сум в Якуцке указ послан, а при Якуцком принято капитаном Шпанберхом от Якуцкой воеводской канцелярии 1 140 пар, да принято ж ко экспедиции в бытность капитана командора Беринга в Якуцку от Якуцкой воевоцкой канцелярии 867 пар.

5.

Правиант морской и сухопутной требовать, чтоб приготовить на реке Лене на те два судна, которыя будут строитца при Якуцке против сообщенного при сем регестра и довозить оной до Якуцка и при Якуцку чтоб приготовлено (л. 141) было лесу на один дубель шлюп и на один бот с палубою. А какой величиною, о том вам известно, а смолы и пенки на конопать приготовить, взяв справку от мастера, которой с вами отправляетца, також для варения смолы при Охоцком и на Камчатке, чтоб от Таболской губернской канцелярии повелено послать напредь таких людей, которые умеют приготовить и варить смолу (л. 141).

На 5.

Оным капитаном Шпанберхом от Иркуцкой правинции к отпуску в Камчацкую экспедицию морского и сухопутного правиантов, коликое число имеетца в готовности, требовано: и на то ответствовано: тот правиант велено изготовить и собрать в Ылимску и в Верхоленску

(л. 141), о чем к тамошним командиром и указы посланы, муки и на сухари мукою 31 387 пуд, а соль, сухари, рыбу, вино и под то вино и под масло фляги велено изготовить в Якуцку; а масло, крупы и горох велено ж изготовить в Ылимском, а о заготовлении на строение при Якуцку 2 судов лесу репортом марта от 13 дня 734 году от егож, капитана Шпанберха, объявлено при Сполошном селе вытесано и из вываленного лиственишного лесу досок в разныя дюйма до 1 500; а кили и штивни, банкштоки и копоры на оба судна тесаны все по лекалом, да на магазеин 1 000 бревен. А смолы де, уголья и фляг приуготовил своею ж командою доволно, ис которого лесу при Якуцку 2 морския судна и построены; а для варения смолы на Камчатке о посылке умеющих людей хотя им, капитаном Шпанберхом, и не требовано, однакож в числе мастеровых людей такия знающия люди находились (л. 141 об.), а о смоле, хотя он Шпанберх и показал, что приготовил доволно, токмо оной на помянутыя морския 2 судна, которыя при Якуцку строились, не доволно было: чего ради прибавок к той смолу сидели командою капитана командора при Якуцку.

6.

При Таболске, чтоб изготовить суда дощаники для перевозу матриалов и людей в реке Иртышу, Оби и Кете до Маковского острога или, ежели за благо разсуждено будет от Таболской губернской канцелярии, чтоб чрез Барабу в зимнее время на лошадях перевозить часть из адмиралтейских мастеровых людей до реки Лены и оттуда с первоскрытием воды рекою Леною плыть до Якуцка и потому могут прибыть в Якуцк в 1734 году около июля (л. 142) месяца, а ежели по рекам, то прежде не могут быть как в 1735 году в июле ж месяце, отчего потеряеца целой год и для перевоски матриалов при Енисейске и Ылимске дощеники и мелкия суда изготовить (л. 142 об.).

На 6.

Капитан Шпанберх репортами объявил, что для перевозу матриалов и людей по рекам Иртышу, Обью и Кетью по требованию ево, капитана Шпанберха, определено от Сибирской губернской канцелярии 3 дощеника и с надлежащими припасами, да работных людей 72 человека; а от Енисейской правинцыалной канцелярии определено для перевозу от Енисейска до Ылимска служителей и матриалов по требованию ево ж, капитана Шпанберха, 4 дощеника с малыми лотками и припасами и работных людей и с вожами 33 человека, на которых дощениках он, Шпанберх, из Енисейска и отправился, а к прибытию де капитана (л. 142) командора для перевозу матриалов и служителей при Енисейске дощаники приготовлятца будут, о чем де Енисейская правинцыалная канцелярия ведением к нему сообщила. А по прибытии в Ылимск требовал он, капитан Шпанберх, от тамошней канцелярии, сколко построено при Лене реке для сплавки матриалов до Якуцка судов, и на оное Илимская канцелярия к нему ответствовала: имеетца де построенных подрядом казенных пять дощеников, и те де дощеники крепки ль и к поклаже годны ль, о том де неизвестно, а к 734 году велено де построить 14 дощеников. А репортом, писанным марта от 13 числа того 734 году от него, Шпанберха, показано: постро-

енные де от Илимской канцелярии 9 дощеников явились по свидетельству негодны, и для того построено при команде его барок 7, дощеник один, лодок с палубами 8, приплавлено в 734 году в каманде его, капитана Шпанберха, от Верхоленских мест (л. 142 об.) в Якуцк на 4 барках да на 7 палубных лотках и на плотах муки 32 164 пуда, круп 2 556 пуд, соли 716 пуд, масла коровья 102 пуда, и прибыл оной капитан Шпанберх в Якуцк с мастеровыми людьми и с правиантом мая 26 числа 734 году.

7.

Об отправлении правианта из Ыркуцкой правинци к Охоцкому острогу требовать, чтоб отправлен был таким порядком, как бы мог поставлен быть скорее и безубытошнее и в строени судов под правиант и матриалы положить на разсуждение тамошних командиров, на каких судах без остановки мог быть довезен до Юдомского креста, а сколко на те суда надобно людей, требовать определения, чтоб даны были из Ыркуцкой правинции (л. 143) или откуда Таболская канцелярия лутче разсудит. (л. 144 об.)

На 7.

От капитана Шпанберха репортом, писанным ноября от 6 дня 733 году, объявлено об отправлении из Ыркуцкой правинцы морского и сухопутного правианта к Охоцкому острогу, как скоряе и безубыточнее без остановки и о строении под те матриалы и под правиант судов и об определении на те суда работных людей Иркуцкой канцелярии он, капитан Шпанберх, предлагал, и на оное Иркуцкая канцелярия ответствовала: о строени де судов, в какову меру и сколко числом и коликое число работных людей на каждое судно определить и о тамошнем водяном пути канцелярия де неизвестна, и для того от него, капитана, паки в тое канцелярию предложено, (л. 143) чтоб зделано при Якуцку 15 судов, в которые тягости можно положить по 200 или по 250 пуд, а работных людей определено б было на каждое судно по 10 человек. И в то число Якуцкою воеводскою канцеляриею построено 10 судов, о которых капитан командор объявил, что те суда за неудобностию ко экспедиции не взяты. Понеже весма коротки и валки, к тому ж и шиты прутьями, а хотя бы и все 15 судов построены и для сплаву правианта годны были: и положить в каждое судно по двести по пятидесят пуд, итого положено б было правианта токмо 3 750 пуд, а ему, капитану Шпанберху, в приложенной при сей инструкции в росписи написано: на 2 пакет бота и на бот с палубою и на 2 дубель шлюпки в отпуск к Охоцку на год сухопутного правианта 15 138 пуд, да на оные ж суда морского правианта, кроме рыбы, вина, нива и уксусу, 8 012 пуд, всего морского и сухопутного правианта 23 150 пуд. К тому ж и сам он, капитан, отправился из Якуцка в 734 году июня 16 числа всеми судами, а правианта взял с собою 2 389 пуд, но и тот правиант до Юдомского креста не довезен, а остановились те (л. 143 об.) суда в Юдоме реке в урочищах Щеках сентября 4 числа, а он, капитан Шпанберх, с малые числом людми отправился в Охоцк. А по прибытии в Ыркуцк капитана командора Беринга прошлого 734 году Иркуцкая канцелярия в августе месяце промемориею объявила, по си-

ле де вашего императорского величества и с правительствующего сената указу и по проэкту, что касаетца до нее, то де ныне исполняетца и впредь исполнятца будет, и требовала для наилучшаго надсмотрения в строении судов, которыя строитца будут по проэкту, чтоб определен был мастер, которой бы мог построить суда удобныя и впредь способныя. Того ради посланы от капитана командора Беринга х капитану Чирикову 2 ордера в том же августе месяце, по которым велено — по первому при Верхоленских местах строить лехкие суда; по второму, дабы имел старание об отправлении экспедичного правианта. И по тем ордерам капитаном Чириковым весною 735 года построено при Верхоленских местах 24 дощеника, 3 барки, 43 судна малых для отправления правианта от Якуцка вверх (л. 144) по рекам до Юдомского креста; всего построено 70 судов и к ним перевозных малых лодок 51, на которыя по требованию его, Чирикова, от Якуцкой правинцыи дано в работу служилых людей и разночинцов и ссылных 731 человек. А в Якутск приплавлено на означенных судах в маие — июне месяцах тогож 735 году муки, круп и протчаго правианту 41 521 пуд да матриалов экспедичных 4 000 пуд с ылишеством и из Якуцка тогож лета июля в 5 день в Охоцкой путь отправлено вверх по рекам 14 дощаников и на них правианту разного звания 9 001 пуд, да следующия во экспедицию якори, канаты, пушки, протчия припасы, которых было слишком з 2 000 пуд, да перед тем отправлено ж из Якуцка июня в 29 числе из вышепомянутых малых судов 41, погрузя на них правианта разного ж звания 8 227 пуд, на которых чаятелно было тогож лета дойтить до Юдомского креста; точию оныя суда тем летом не дошли, а дошли в лете 736 году. Да при Майском устье построено в том же 735 году 10 судов, на которых оттуда отправлено правианта 2 025 пуд, который правиант того (л. 144 об.) лета не довезен до Юдомского креста только за двадцать пять верст. И те мелкия суда порожжия сплавлены и хранены были чрез зиму до весны при Майской пристани. А работныя люди с них зимовали в Якуцку. А на 14 дощениках до Майскова устья и, тут выгрузя, возвратились в Якуцк. И с того 735 году повсягодно на означенных судах отправлялся правиант и припасы из Якуцка на дощаниках до Майского и Юдомского устий. А на мелких судах от Майского и Юдомского устей и из протчих мест до Юдомского креста, о чем обстоятелнее в сочиненной на проэкт ведомости всеподданейше донесено. Да ис построенных же судов капитаном Чириковым в лете в 735 году послано с правиантом 4 дощеника при морских судах, отправленных от Якутска Леною рекою до Северного моря да 6 дощаников остались тогда не во отправлении за побегом данных работных людей от Иркутской правинции.

8.

Понеже прошедшаго 1732 году повелено по указу правительствующаго (л. 145) сената комерц колегии, чтоб до Якуцка отправлять людей, умеющих из чугуну из криц переделовать в прутовое железо: того ради иметь старание, ежели оные не отправлены, чтоб ис Таболской губерискои канцелярии при Якуцке повелено к прибытию нашему железа изготовить, чтоб нам х нашему делу не было остановки. (к. 145 об.).

На 8.

По требованию его, капитана Шпанберха, от Сибирской губернской канцелярии сколко понадобитца железа велено (л. 145) отпускать из Иркуцкого присудствия с новозаведенных железных заводов от камисара Бурцова, а камисар Бурцов к нему, Шпанберху, ответствовал, к делу де мореходных судов железа чистого имееца к отпуску токмо 300 пуд, а ежели де он удоволствован будет от Иркуцкой правинцыалной канцелярии кузнецами, и он де Бурцов во экспедицию надлежащия потребы железа отправлять будет, и оное наличное число 300 пуд железа к команде его, капитана, принято, да ис Таболска 200 пуд, о чем и против 2 пункта упомянуто, всего приплавлено к Якуцку 500 пуд, точию толикого числа железа на все подлежащия суда весма мало было, а доволствовались с построенного вновь при Якуцку железного завода, которой построен в бытность капитана командора Беринга, да и вышепомянутое принятое от камисара Бурцова железо негодно было, ис которого хотя и держано при строении в Якуцку 2 морских судов, токмо уже по самой нужде; також и на правианския суда, строенныя (л. 145 об.) при Майской пристани несколко употреблялось, и всего ис того железа издержано было толко 115 пуд 25 фунтов, а досталное 184 пуда 15 фунтов за тою негодностию отослано от капитана командора в Якуцкую воеводскую канцелярию в 735 году сентября 12 числа.

9.

Лес на блоки заранее изготовить в принадлежащих местах и чтоб оной мог высохнуть до прибытия отсюда мастеровых людей, також пенки для мелочных веревок приготовить около 400 пуд для отправления при Якуцке. (л. 146.)

На 9.

Строющияся при Якуцку 2 морския судна блоками удоволствованы привезными из Санкт Питербурха и вновь зделанными при Якуцку, а пенки, хотя по требованию его, капитана Шпанберха, и велено от Сибирской губернской канцелярии купить в Томску, в Ыркуцку, в Якуцку и в Ыримску по 100 пуд, точию принято им, капитаном Шпанберхом, от Енисейской правинцыалной канцелярии 44 пуда 19 фунтов, а из Томска, из Ыркуцка, Илимска по требованию его, капитана, пенки отпуску не было. (л. 146)

10.

Мастеровыя люди, которыя нам определяютца по определению правительствующего сената из сибирских городов, чтоб заранее выбраны были, також при Ускуте на реке Лене дощаники для перевозу матриалов и людей до Якуцка приготовить.

На 10.

Мастеровыя люди для строения судов по требованию его, капитана лено от Сибирской губернской канцелярии—26, от Енисейской правинцыалной канцелярии—117 да кузнецов 15 человек. А для перевозу

матриалов и людей до Якуцка оставлено им, капитаном Шпанберхом, барок 3, дощеник 1, лодок с палубою 1.

11.

Правианта где сколко надлежит приготовить, о том при сем сообщается регестр. (л. 146 об.)

На 11.

По прибытии в Таболск капитан Шпанберх, где сколко надлежит приготовить правианта, подал в Сибирскую губернскую канцелярию ведомость, на которое и получено им ответствие, о приуготовлении де морскаго и сухопутного правианта (л. 146 об.) в Енисейск, в Ыркуцк, в Якуцк посланы послушные указы и велено от Енисейской правинцыалной канцелярии отправить до Илимска правианта до 2 000 четвертей, а отправлено токмо 1 200 четвертей, но и тот до Илимска в том 733 году не довезен, також и что о заготовлении оного правианта Иркуцкая правинцыалная канцелярия ответствовала, о том против пункта 5 показано.

12.

Вам же сообщается регестр, сколко в которую экспедицию назначено морских и адмиралтейских служителей, на которых надлежит правиант заготовлять, також и из сибирских городов (л. 147) сколко определено мастеровых людей для строения судов, и всех, как артилерных, так и о протчих припасех и которые надлежат заготовлять на Демидовых сибирских заводах, и в протчих сибирских городех, которых, по объявленной росписи, где пристойнее изволте требовать, дабы все то благовремянно заготовлено было.

На 12.

Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ- Шпанберха, отправлены, а артилерных и протчих припасов откуда надлежит требовал, о чем против 2 и 10 пунктов показано. (л. 147)

13.

Хотя в росписи, данной вам, написано на пакет боты четырех-фунтовых пушек сделать на Демидовых заводах 12 и к ним станков (л. 147 об.) и ядер и протчих припасов по препорции того калибера, а по указу из адмиралтейской колегии определено вместо четырех-фунтовых пушек зделать на пакет боты на оных заводах толикое ж число трех-фунтовыя пушки по настоящей их препорции к ним всяких припасов, что надлежит. (л. 148)

На 13.

По прибытии в Таболек капитан Шпанберх пушек на 2 пакет бота трех-фунтовых требовал (л. 147) от сибирского берхъамта, которые и приняты к команде.

Capitain commandeur Witus Bering.
От флота капитан Алексей Чириков.
Флота лейтенант Иван Чихачеев.
Styrman Swen Waxell Leutenants Rang of flotten.
Штурман в ранге от флота лейтенанта Михайло Плаутин.
Флота мастер Сафрон Хитрово.

Экстракт, учиненной на проэкт, присланной при указе из Сибирского приказу в 733 году, о подлежащем для Камчацкой экспедиции, а имянно, о строении способных по обстоятелству рек судов и о переволоках правианта и протчего в Охоцк и о утверждении в том порядков и что по оному исполнено кроме неподлежащаго потому ж проэкту до экспедиции

1.

В проекте написано.

Понеже до сего времяни в Верхоленских пристанях для сплавки хлеба в Якуцк строивались барки, кои поднимали пудов тысяч по шти, а становились толко рублев по дватцати да плоты, на которых клалось тысячи по две пудов, а становились рублев по десяти и меньше, а илимские воеводы завели дощеники, в которых кладут толко сот по пяти пудов, а подряжают делать рублев по штидесят и больше; того ради надлежит такие дощеники к отпуску в Якуцк конечно запретить, а делать с 734 году барки, в которых бы вмещалось тысяч по шти пудов также и плоты как прежде.

Что исполнено.

Построено было при команде экспедичной барок капитаном Шпанберхом в 734 году семь, капитаном же Чириковым в 735 году — три, ценою стали восемь по двадцати пяти рублев по пятидесяти копеек, две по тридцати шести рублев по 57 копеек. Барка грузу подняла от 4 тысяч до 5 300 пуд и оныя барки хотя и менше 6 тысяч пуд грузом были, как по проэкту показано; однако ж усмотрены, что и такия за тягостию их, понеже очюнь велики и ходят в воде глубоко, весьма неспособны и правиант сплавливать на них опасно, ибо построенныя Шпанберхом многожды становились на мелях, а одна барка, плыучи к Якуцку, на мель так стала, что и стащить не могли и для того принуждены были выгружать и на мелких судах к Якуцку переправлять. И за такою неспособностию капитан командор Беринг с протчими следующими во экспедиции офицерами со общаго согласия. барки отрешили, а велели строить в Верхоленских пристанях для сплавки правианта в Якуцк плоты, на которые можно б было положить пудов тысячи по две и по полтретьи на плот, понеже и впредь в барках способу быть не признаватца, кроме опасности и казеннаго убытку, а плоты в том надежны, что безпрепятственно ходят, а ценою становятся и дорого, рублев по 10, а иногда и менше, и в Якуцку они даром не пропадают, но употребляются на строение и на починку магазеин, и на протчее надобное строение удобны, а когда в таком строении нужды нет (л. 149), то продаются ис казны посторонним людям

рублев по 5 и по шести плот, понеже покупают их и на хоромное строение, потому что такого лесу годного на строение близ Якуцка не имеется. А барки в Якуцку, кроме дров, ни на что не годятца, и для того продаются иногда дешевле и плотов, и о том в Ыркуцкую правинциалную канцелярию от капитана командора Беринга писано в 735 году ноября 3 дня и после того с 736 году и поныне с Верхоленских пристаней в Якуцк сплавливают правиант на плотах.

2.

В проекте.

Для охоцкого отпуску строить лехкие суды, которые подняли б пудов тысячу грузу, опричь служилых людей, правианта, ибо болшими судами Алданом, Маею и Юдомою реками подыматца трудно, а инде и невозможно; к тому ж такие малыя суда лета 4 и болше служить могут, а надобно их хотя б по 5 тысячь четвертей в год к Охоцку отпускать толко сорок судов, и пропускать их, не задерживая, прямо Леною до Алданского устья, а от устья Алданом, Маею и Юдомою реками вверх по тех мест, пока мочно с полным грузом судам иттить, и усмотря место, зделать тут пристань и магазеин, где привезенной хлеб сложить немедленно, а суды, нимало не задерживая, отпускать попрежнему в Якуцк, а из Якуцка не останавливая отпускать в те верховыя места (л. 149 об.), где весною нагружались, кои могут поспеть в сентябре месяце, и так впредь всегда к раннему вешнему отпуску готовы будут без потеряния времени и казенного напрасного росходу; служилых людей в работу надобно на каждое судно по 15 человек.

И такими судами все тягости и припасы для экспедиции удобно до Юдомской пристани отвозить, а от Юдомской пристани Камчацкую зборную казну, також и в Якуцке заранее казну заготовлять и оными ж судами вверх отвозить, а не нарочныя особливыя суды под тое казну с напрасным казенным убытком и с напрасным же служилых людей расходом посылать.

Что исполнено.

Для онаго отпуску построено на Лене при Ускуте и в протчих в Верхоленских местах и при Илге реке дощеников, ими ж капитанами Шпанберхом в 734 — один, Чириковым в 735 годех — 24, ценою обошлись в отделке построенные капитаном Чириковым каждой по 26 рублев по 97 копеек и из оных дощеников один Шпанберхов за великостию неспособен был и затем в Якуцку продан, а ис протчих 24-х в 735 году 14 дощеников по отправлении из Якуцка с лейтенантом Дмитреем Лаптевым едва до Майской пристани, где оной реки имеется устье, дойтить могли за препятствием от мелкой воды; чего ради для облегчения судов принужден был, не дошед до Майской пристани, на Алдане реке (л. 150) на Белской переправе згрузить с них несколко сум с правиантом, понеже без выгруски с полным грузом от той Белской переправы за мелководствием тогда он, Лаптев, иттить опасен был, и те дощеники от Майской пристани назад до Якуцка порожжия возвратились, клади было от 700 до 900 пудов на

судне, кроме провианта, работных людей, грузом шли в воде на 3½ и на 3¼ фута, в работе было людей по 20, по 22 и по 24 человека на судне. А в 736 году ис тех же 24-х 11 дощеников, отправленныя с лейтенантом Свен Вакселем, дошли из Якуцка с полным грузом до того Майского устья, а 4 с штурманом Андрис Эзельберхом, и по Мае до устья Юдомы реки дошли ж и назад до Якуцка возвратились одним же летом, понеже во оном 736 и после в других годах такого маловодствия и препятствия, как в 735 году случилось, уже не было. Клади гружено на оныя дощеники от 700 же до 900 пудов на судно, людей в работе было по 24 человека, по которому числу весма быть надлежит, а 15 человеком судна не толко с таким грузом, как по проэкту показано, чтоб класть по 1 000 пуд, но и дощеника с помянутым грузом, с каким при экспедиции ходили вверх по рекам, тащить не можно. А болше того дощеников в тех годах отправить было не можно за умалением работных людей, что на все суда многова числа недоставало, понеже на мелкоходныя суда для перевоски до Юдомского креста определены были, а иныя разбежались. К тому ж тогда отправлено было из Якуцка на два морския судна на бот да на дубель шлюпку к Ленскому устью с провиантом в 735 — 4 дощеника, в 736 годех — 3 дощеника да одно судно из мелкоходных, и на них для (л. 151 об.) сплаву туда и возврату их в Якуцк немалое число определено было работных людей и с ними и из экспедицких служителей были ж.

Да и после того по отправлениям от Якуцкой канцелярии из вышеписанных дощеников, кои в удобное время отправлены были также до Майской пристани, а иныя до Юдомского устья с провиантом доходили, а которыя поздо отправлялись, те замерзали на Алдане реке.

А зборная ясашная казна, о которой в проэкте показано, на вышеписанных судах в бытность их во экспедичной каманде не отвозилась, понеже о перевоске на них камчацкой казны в Якуцк бывшей охоцкий камандир Писарев не требовал, а перевозил на своих судах, а из Якуцка оная и зборная ж в Якуцку ясашная казна отвозилась вверх от Якуцкой воеводской канцелярии на особливых дощениках, как и прежде бывало, для того, что экспедичныя суды из Якуцка вверх не посыланы были, а зачем — о том предложено ниже в 3 пункте, да и отправление такой зборной казны из Якуцка бывает толко по одному дощенику в год, а и много что два, и то ретко случитца.

3.

В проекте.

Пристань Юдомскую (о которой во втором пункте показано) в таком месте изобрать надлежит, где б можно бы поселению людскому и доволству в скотопастве, ибо по реке Юдоме таких мест доволно, лесу сосноваго и елового отчасти есть, хотя в реке мало рыбы, однако ж имеются озера рыбные.

И от той Юдомской пристани для перевозу до Креста иметь особливыя суда, которые подымали б сот по пяти пудов, кроме служилых людей, провианта ж и теми судами с весны раза по два и по три лехко возвращатца могут, потому что останется разстояние невеликое, верст не з болшим 300, толко мешкают в малую воду в двух местах мелкия пороги, которые со времянем, когда росчистят, то пятью и ше-

стью обратятца суды, а зделаютца они хотя и служилыми людми, однако ж станет например в 60 рублев, служить может лет пять, а годом трижды оборотяца, и тако отвезет 1 500 пуд, служилых людей надобно человек 10.

И для того перевозу суды надлежит зделать тут же на Юдоме реке, потому что лесов доволно и смолу сидеть могут, токмо одна пенка потребуетца с Верхоленских пристаней, а железо из Якуцка, пока там по близости железо ковать станут. (л. 151 об.)

Что исполнено.

Юдомской пристани изобрать негде, понеже к поселению людскому и удоволствию в скотопастве по Юдоме до самого Креста нигде удобных мест не имеется и судов на Юдоме, хотя лес и есть, за далностию и за пустотою строить весма неспособно, а строены для ходу по Юдоме мелкоходные суда сначала в Верхоленских и в протчих тамо местах, а после на Майской пристани и в Якуцку, где весма способнее, да и нужды Юдомской пристани для приставания судов как по опробации перевоски усмотрено уже не было, для того, что болшими судами, которыя по проэкту показаны, по Юдоме ходить не можно, понеже и дощеники доходили сперва до Майской пристани, а и после толко до Юдомского устья. А мелкоходныя суда отправляемы были от Юдомского устья, а болше от Майской пристани и проходили прямо до Юдомского креста и назад до Майской пристани возвращались, а иныя мелкоходныя суда и из Якуцка на проход до Креста ходили, кроме 735 году, в котором не дошли до Юдомского креста, и те остановились не в удобных местах для пристани, одни только за 25 верст до Юдомского креста, а другия уже весма от Креста далеко, а от Май реки близко, толко с 30 верст по Юдоме шли, где и пристаням быть не надлежит. А понеже хотя дощеники доходили и до Юдомского устья, при котором и магазеин построен, токмо главная пристань как тем дощеникам, как и мелкоходным (л. 152) имелось при устье Май реки, где болшия и магазеины и жилье на первой случай в 735 году построено, понеже сначала перевоски во оном в 735 году те дощеники с трудом великим и до Майской пристани дошли, и потому неизвестно было, что могут ли они и впредь до того Юдомского устья доходить, и до того болшее отправление было провианта и протчего на мелкоходных судах от той Майской пристани, где те суда и зимовали, да к тому ж и места около оной пристани к жилью весма удобныя, чего ради и крестьян 5 семей в 736 году поселено, от которых экспедиции и Охоцкому правлению в подводах нужным посылкам есть способ.

Вышеупоминаемых мелкоходных судов для перевоски до Креста провианта и протчего построено капитаном Шпанберхом в 734 году на Ускупе лодок с палубами — 8, капитаном же Чириковым в 735 годех там же и в верхоленских местах и при Илге реке мелкоходных двух обрасцов с палубами ж остродонных — 43, в том числе 10 судов по посланной от капитана командора Беринга мадели, которую зделал обретающейся во экспедиции лейтенант Валтон, ценою обошлися Чирикова строения каждое по 11 рублев по 7 копеек.

На Майской пристани построено одними экспедицкими плотниками без найму посторонних в 735 году (л. 152 об.) — 10, в 736 — вновь 6, да застроенных в 735 годех достроено 5, в Якуцку в 737 году такими ж плотниками — 3, всего мелкоходных судов построено было 75.

Да для обрасца одно судно куплено в Якуцку, дано 25 рублев, против которого помянутыя суда в 736 на Майской пристани вновь 6, а в 737 годех в Якуцку 3 построены.

Из оных капитана Шпанберха лодки все за великостию их по Юдоме реке ходить не годны: ибо он Шпанберх на 7 судах из Якуцка пошел с камандою в 734 году июня 16 числа с таким намерением, чтоб конечно того лета дойтить до Юдомского креста, токмо не дошел; но остановился сентября 4 числа на Юдоме в урочище, называемом Щеках, разстоянием между Юдомского устья и Креста на половине пути, и в том месте те суда замерзли, и затем болше того они к перевоске не употреблялись.

А ис протчих судов сперва в 735 году отправлено было три партии, первая из Якуцка с лейтенантом Егором Ендогуровым строения капитана Чирикова 41 судно, дошли по Юдоме до зимовья Горбова именуемого по речке Горбей, разстоянием от Юдомского устья верстах в тритцати. А партии от Майской пристани с штурманом Михаилом Щербиным да с шипором Иваном Белого на построенных на той Майской пристани 10 судах, дошли по Юдоме ж до зимовей Сокоревских называемых по речке Сокоревке, разстоянием до Креста за дватцать за пять верст (л. 153) и в тех местах за осенним временем и за мелководием остановились и возвратились порожия к Майской пристани. Клади было в них — у Ендогурова по 180 пуд в грузу, шли на два и с четвертью, на два фута, в работе людей было по 9 и по 10; у Щербинина и у Белого — клади по 200 пуд в грузу, шли на 19 на 20 и 21 дюйм, в работе людей было по 12 человек на судне.

А после того 735 году, как и по той реке водяной путь опробован же и в порядок приведен, то хотя по ней обыкновенныя и всегда имеются людем трудности, а судам в ходу препятствии от подымания их чрез порог и частыя шиверы, також и от маловодствия, однакож те мелкоходныя суда (опричь построенных по маделе) в 736, в 737 и в 738 годех не токмо от Юдомского устья, но и от Майской пристани ко Кресту доходили и от Креста, по выгруске из них клади в магазейны, возвратно к Майской пристани сплавливаны по однажды, а болше и по 2 раза одним летом, а 3 судна, которые строены в Якуцку и прямо из Якуцка в 737 году дошли до Юдомского креста и назад до Майской пристани тем летом сплавлены ж; клади грузили по 200 и по 250 пуд, в работе людей было по 10 и по 12 человек, в том числе на те суда, что в Якуцку куплено и которые против его образцом строены, грузили в 735 и 738 годех около 500 пудов на судно, и оные суда способнее других, кои строены в верхоленских местах, потому что клади поднимают болше вдвое тех судов, а до Юдомского креста они хотя в малую воду на мелких местах и на порогах по несколку правианта и выгружают, однако ж (л. 153 об.) доходят как и протчия малыя суда, кои поднимают по 200 и по 250 пуд, благополучно ж с полным грузом, понеже тот правиант, которой на порогах и на мелких местах для облегчения судов выгружаютца, паки на те суда по прошествии таких мест грузица, токмо работных людей было на них по 20 человек на судне и по толикому числу, а по крайней мере, что по 18 человек конечно быть подлежит. А 10 человеком такого судна, которое поднимает по 500, как по проэкту показано, вверх по Юдоме реке, кроме болшаго порогу да подпорожья за быстротою и за частыми чрез шиверы подъемами, и около кос обводами, також и чрез мели в

малую воду перетаскиванием вести и до Юдомского креста одним летом доходить им весма невозможно, понеже Юдома зело необстоятелна, и судам в ходу препятственна, в летнюю пору, когда дожди великия идут, из берегов выходит и разливаетца на многие протоки и глухия заливы, что и настоящаго речного ходу с трудом ищут, и случаетца иногда, что и в глухия заливы суда заходят, ибо весма островиста, а когда дождей нет, мелка находитца, что в ыных местах воды бывает толко фута на два и на полтора, а весма быстра, а паче где косы; ктому ж имеютца по ней частые шиверы и один порог да подпорожье, и вся оная состоит на мелких каменях и против такой быстроты и понеже суда днем часто по мелким каменьям трутца, а идут по Юдоме немалое время, весьма трудно 10 человеком судно тащить и с малым грузом, а с таким чтоб по 500 пудов и не можно, и опричь порогу и знатных шивер и самых мелких мест, чрез которые одно судно, собрав работных людей з двух и з трех и з 5 судов, смотря по месту, ан ыном и всеми людми сколко их случитца, поднимают и перетаскивают, а бес такого труда обойтитца не можно.

А 10 судов, кои строены по маделе, еще по первой опробации в 735 году, явились по Юдоме реке ходить неспособны и затем оставлены. А что они строены другим образцом, а не тем, которые в Верхоленских же местах протчия 33 судна построены, и то для того, что тогда еще неизвестно было, какия из них по Юдоме ходить будут способнее, и того ради капитан командор, изыскивая лутчих способов, велел и по той сделанной лейтенантом Валтоном моделе суда строить для усмотрения впредь, которые лутче будут, и к тому еще и иным образцом одно судно (о котором выше упоминаетца) в 736 году в Якуцку им, капитаном командором, куплено у купецкого человека, которое строил про себя для сплавки толко Леною до Якутска своего хлеба и протчаго на продажу, а как усмотрено по опробации экспедициею водяного ходу Юдомы реки, что то судно и по Юдоме реке ходить способнее еще и протчих мелкоходных суднов, то приказал он, капитан командор, строить суда обрасцом против того купленого судна, понеже на судах такова обрасца довозят до Юдомского креста и по 500 пудов одним же летом.

А которые суда ж по проэкту показаны строить для Охоцкого отпуску, чтоб поднимали грузу пудов по тысяче, и пропускать прямо Леною рекою до Алданского устья, а от устья Алданом, Маею и Юдомою реками по тех мест, пока можно с полным грузом итить, и такия суда по Алдану и по Мае рекам ходить могут, токмо не всегда с таким грузом, понеже и дощеники, построенныя при экспедиции могли б поднимать по 1 000 пудов, точию такого грузу не полагалось затем, что и оныя реки не всегда в одном состоянии бывают и хотя доволно опробованы, но подлинно на форватере их утвердитца не можно (л. 154 об.), потому что год на год не придет, и грузить по столку опасно было, ибо в 735 году, как лейтенант Лаптев (о котором выше во втором пункте предложено) шел на дощениках, в коих клади было и менше 1 000 пуд, и в грузу шли фута на 3 с половиною и с четвертью, и тем в самую летнюю пору в июле месяце от маловодствия многия по Алдану чинились препятствии, и к такому месту пришли, что в самом судовом ходу глубина была воды на 3 фута, где принужден был выгружать из дощеников грузу по половине, и чрез то место перетягивались, и, шед 3 дни, пришли к двум мелям, ис которых на одной глубины 3½ фута,

и чрез оную також перетянулись, а на другой того ж дни пришед, не успели перетянутца, то чрез ночь менше 2 фут воды стало. И сыскав неширокую косу, перекопали и, выгрузя суда, перетаскивали, а 28 числа того июля прибыло воды в 12 часов фут около 10, и тою водою, хотя во многих местах трудно было от протоков и быстрых кос, однакож шли августа по 2 число, а с 3 по 6 число так воды много прибыло, что отняло весь бечевник, и семь дощеников стояли на одном месте 3 дни. И когда вода от дождей прибывает, тогда великия разливы бывают во многия протоки и, смешавшись с песком, весма быстро течет. И пришед он, Лаптев, к Белской переправе, опасаясь впредь мелких вод, сложил с тех дощаников 1 200 сум с мукою и оттуда пришел к Майской пристани 22 числа того августа месяца, а от Юдомского устья по Юдоме реке такими большими судами ни до которого места за мелкостию и за быстротою итить не можно, понеже для ходу по оной реке (л. 155) и не такия суда экспедициею построены, штоб по 1 000 пуд поднимали, но только и болшия, как уже перевостка устанавилась, нагружали около 500 пуд, и те от самого Юдомского устья с трудом по ней ходят.

А что сочинитель того проэкта показал, что помянутыя суда, кои поднимать будут по 1 000 пуд, могут де от Юдомской пристани в верховыя места, где они весною нагружались, поспеть в сентябре месяце и также впредь всегда к раннему вешнему отпуску готовы будут без потеряния времяни и казенного напрасного расходу, тому статца невозможно, чтоб одним летом и до Майской пристани из Якуцка доходить и оттуда в Верхоленские пристани возвращатца, понеже дощеники по возвращении их от Майской пристани и в Якуцк приходили в сентябре месяце уже в самое осеннее время, в котором месяце и по Лене реке шуга бывает, а в октябре и лдом становитца, а весть надобно вверх бечевыми, а разстояние от Якуцка не ближнее, и до Ускутского острога одною Леною рекою около 1 600 верст, а от оного острога до тех верхоленских мест еще несколко верст останетца вверх же иттить, и ежели б их посылать, то б они на дороге по Лене реке в далном от верхоленских мест разстоянии замерзали, и в другое лето туда доходили б, а к вешней сплавке правианта никогда б не поспевали, ибо по разполении воды (л. 155 об.) рано итить нелзя, затем что полою водою бечевники отнимает. А тех судов как в верхоленских местах для сплавки на них правианта в Якуцк, так и в Якуцку для отправления их с тем правиантом к Майской пристани принуждено б было по всягодно дожидатца, и тако сплавка на них из верхоленских мест и отправление им из Якуцка было б очюнь поздое, всегда б со многим упущением удобнаго времяни, и до Майской пристани они одним летом уже не доходили б и не можно, отчего всегда б терялся целой год напрасно, и для того тех дощеников из Якуцка в верхоленские места и не посылали, а велели для сплавки в Якуцк правианта делать плоты, о чем представлено в первом пункте.

А для перевоски из Якуцка о строении судов от капитана командора в Якуцкую воеводскую в 738 октября 31, в Ыркуцкую правинциальную канцелярии в 739 годах марта 12 чисел и требовано, чтоб вышеписанныя отданныя от экспедиции суда Якуцкой канцелярии осмотрить, ежели из них явица которые в перевоске правианта ненадежны, то б вместо тех строить вновь мелкоходныя суда против купленого в Якуцку, кое поднимает по 500 пудов, також и дощеники таким же обрас-

цом, каковы при экспедиции построены были, и что к тому заготовлять надлежит и где и о содержании при той перевоске надлежащаго числа работных людей и о удоволствии их денежным и хлебным жалованьем и об отправлении правианта в удобное время и о поставке повсягодно к Юдомскому кресту сполна, обстоятелно в Ыркуцкую канцелярию сообщено и требовано ж, чтоб об оном о всем в Якуцкую канцелярию подтверждено было указом, дабы оная Якуцкая канцелярия (л. 156) без оттоворки и без упущения исполняла. Також и ко обретающемуся в Якуцку от флота лейтенанту Ларионову, о том послан экстракт со обстоятелством же, дабы он ведал, что Якуцкой канцелярии до экспедиции исправлять и в чем ему оную понуждать надлежит, и по коликому числу морскаго и сухопутного правианта на команду капитана командора и капитана Шпанберха в Охоцк и на Камчатку ставить надлежит объявлено, а имянно муки и вместо сухарей и на квас мукою ж по 10 000 пудов, круп яшных и за горох за неимением оного крупою ж по 2 600 пуд на каждый год, покаместь экспедиция в здешних местах пробудет, ис которого правианта и отправленного на боту из Ленского устья для проходу на Камчатку лейтенанта Лаптева с командою, ежели сюда будет, удовольствовать можно.

А во ответствии от Якуцкой воеводской канцелярии в 739 году апреля 22 числа показано, что 9 дощеников по осмотру в 738 году явились ветхи и к перевоске ненадежны, и для того де о строении в верхоленских волостях таких же дощеников писано ис той Якуцкой канцелярии в Ыркуцкую правинциалную канцелярию. А для де перевоски до Юдомского креста определила оная Якуцкая канцелярия построить в Якуцку ис приплавленного с правиантом плотоваго лесу вновь 30 мелкоходных судов, которых несколко и построено и отправлено было прямо из Якуцка к Юдомскому кресту, в 739 году — грузу в них было по 500 и по 510 пудов, работных людей на каждом по 18 человек, и ис тех судов 14 до Юдомского креста дошли и оттуда порожжия в Якуцк возвратились в том же году, а 5 судов дошли толко до Майской пристани, понеже они отправлены были из Якуцка позже тех 14 судов, а именно июля 10, а 14—июня 23 (л. 156 об.) чисел, к тому ж и за великою водою також и за побегом многих работных людей, о чем от Якуцкой воеводской канцелярии, промемориею х капитану командору объявлено.

4.

В проекте.

От Юдомского креста для перевозу в Охоцк, которого разстоянием менее 200 верст, надлежит на пути, переехав Урацкой хребет, у реки Ураку в урочищах Горях или где лутчее и ближе найдетца, потому что имеютца и [к] скотопаству травы и к пашне земли и места по Ураке реке хорошия, обселить переведенцев из сылошных несколко дворов по разсмотрению Писарева, наградя при первом случае хлебом и лошадми, о чем и в указе 731 году к нему было писано.

И теми поселеными впредь как обселятца при первом случае служилыми людми, дав им казенных лошадей, перевозить зимою з генваря месяца, как снеги установятца, разве что нужное, то летом вьюками, ибо на телегах и роспусках ныне, затем что еще дорога не зделана, ездить нелзя; к тому ж летом малыми судами и Ураком спускатца до

Охоцка прибылыми дождевыми водами, а весною всегда, и тако останетца между Юдомским крестом и реки Урака сухова перевозу верст с 40.

И понеже до Юдомского креста всякая кладь может доходить последняя в осеннее время, то без далной трудности можно, наделав саней, перевозить на Урак зимним (л. 157) путем к тому месту, где назначено будет селитца, а разстоянием будет до Гарей верст с 60 и можно зимою лехко десятью одной лошади оборотитца, а на лошадь хотя по 15 пуд класть, вести может.

Что исполнено.

Для перевозу от оного Юдомского креста в Охоцк, которого разстоянием летнею дорогою 220, а зимнею 251 верста 150 сажен, по пути у реки Ураку и нигде до самого Охоцка из русских никто не поселены, а поселено было несколько якутов, и те, немного пожив, разбежались. Травы по Ураку реке имеются, а к пашне земли хотя и есть, токмо не во многих местах, да и то ненадежно, чтоб там и в приближних к Охоцку местах хлеб родился за холодным и мокрым воздухом, понеже бывшей Охоцкой командир Писарев х капитану командору Берингу сообщил, что в 733 году для пробы несколко и ярового хлеба посеяно было и рос нарочито, токмо и тот до морозов созреть не мог и побит зеленой морозом, что подлинно статца может, потому что воздух мокрой и студеной, и от Охоцка что далее к Юдомскому кресту, то ранее снеги выпадают, и стужа становитца.

Санной перевоски не учреждено, и дорога не зделана, и бывшей Охоцкой командир Писарев, на которого перевоска от Юдомского креста в Охоцк экспедичного правианта положена, ни в какую перевоску того правианта собою не вступал, а когда и вспоможение в том чинил, и то уже с великими оговорками (о чем на него Писарева от капитана командора в правителствующий сенат и в адмиралтейскую колегию (л. 157 об.) репортовано и в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию писано было), того ради принуждены были и в тое перевоску вступитца и исправлять экспедициею ж, а имянно:

В 735 и 736 годех зимним времянем вышеписанной в третьем пункте завезенной на судах в 735 в Сокоревския зимовья и в 736 годех к Юдомскому кресту правиант перевозили ис тех мест на Урацкое плотбище и в Охоцк служители нартами на себе, тако ж в 736 году и на присланных от Скорнякова — Писарева лошадях вьюками по пяти пуд.

А к 737, 738 и к 739 годам к перевоскам от Юдомского креста завезенного на судах же правианта требовал капитан командор Беринг лошадей от Якуцкой воеводской канцелярии по 200 и по 300 на год, понеже Писарев от лошадей отказал, а к 740 году, понеже определенным в вояж ему капитану командору Берингу судам во оном году построитьца уже надежно было, того ради для поспешения в перевоске от Креста в Охоцк правианта по удоволствию в вояж, чтоб затем еще в Охоцку не остатца, требовал от Якуцкой канцелярии 500 лошадей, и на оных в тех годах правиант от Креста летом вьюками ж, а зимним времянем на оленях, коих капитан командор по многим требованиям своим и посылкам от Писарева едва получить мог, а имянно в 738 году — 25, в 739 да в 740 годех в разных месяцах 128 аленей, також и экспедицкия служители на себе ж нартами на Урац-

кое плодбище (откуда Ураком сплавка была разстоянием от Креста зимнею дорогою 72 верст, о чем ниже предложено) тако ж и прямо в Охоцк для пропитания бывшим у строения морских судов и на карауле и у протчих (л. 158) работ служителем же возили по 5 ж пуд, понеже одними лошадми и аленми без нартеной людми перевоски исправитца неможно было, ибо ис помянутых аленей много худых было, и за тем они не во все зимнее время у перевоски были, но иныя однажды по правиант сходили толко, от Урацкого плодбища до Охоцка посланы обратно к нему Писареву, а тяжелыя припасы и матриалы перевозили от Креста на то Урацкое плодбище все людми, понеже на аленях возить за великостию их неудобно, а и лошадми хотя и зачал было капитан Чириков в 736 году от Креста перевозить зимою на санях на три судна капитана Шпанберха якори да 2 пушки, которые тою зимою и перевезены были до Урацкого плодбища, точию та санная перевоска пересеклась болше за неготовлением Охоцким правлением сен, что лошадей в зиму содержать и прокормить нечем, нежели за неспособностию дороги, и для того лошади отпусканы были из Охоцка осенним времянем обратно в Якуцк.

5.

В проекте.

К весне зимою заготовить на Ураке реке суда на одну вешнюю сплавку и на сплавку ж, когда в летнее время от дождей вода прибывает, и на тех судах всякую кладь сплавливать до Охоцка, а из Охоцка затем что вверх по Ураку подымать нельзя, употреблять на строение, а лесу по Ураку на строение судов доволно.

Что исполнено.

Место на Ураке реке к строению судов и сплавке на них (л. 158 об.) правианта сыскано в 736 году посланным от капитана Шпанберха лейтенантом Валтоном от Юдомского креста разстоянием в 72 верстах и названо то место Урацкое плодбище, где суда и строились, понеже ближе того места от Юдомского креста для сплавки по Ураку не находятца, а судов в построении было в 736—8, в 737—29, в 738—41, в 739—45, да в 740 годех — 47 и на тех судах тою Ураком рекою сплавлены экспедичныя припасы и матриалы и несколко тысяч правианта к устью Урацкому, которое впалю в Пенжинское море, и оттуда те суда обвожены морем подле берега бечевыми в тихое время, когда на море волнения не бывает, и провожены в Охоту реку к Охоцку, где жителство имеетца, разстоянием от того Урацкого устья берегом верст в дватцать. Сплавка тем судам была по дважды летом, как и по проэкту показано, первая весною по полой воде, другая — летом, а иногда осенью по прибылой от дождей, токмо в 738 году одна вешняя, а другой сплавки не было за бездождием. Оныя суда в грузу ходят глубиною фута на полтора, клади поднимают пудов по 150 каждое, а людей на них у сплавки в работе было по 4 человека на судне; в Охоцку они употреблялись на дрова, також из них по нужде один магазеин построен, понеже оныя суда назад не возвращаютца, затем что вверх по Ураку вести невозможно; а строили их и сплавливали одною экспедицкою ж командою, толко в 740 году у сплавки было команды Охоцкого правления людей человек с 30, а при тех при всех сплавках были обер и унтер афицеры экспедицкия ж, для доброго

THIS CHART WI
APPEARING AT

L BE THE FIRST CHART
THE END OF THIS FILM.

смотрения и лутчаго порядку, понеже оная Урак река от безмерной и непримерной (л. 159) к другим рекам быстроты и каменьев, також вешним времянем и ото лдов в великой состоит опасности, и чрез один порог спускают суда с великим страхом, и хотя при сплавках некоторая и утрата была, точию оная сплавка в перевоске от Урацкого плодбища к Охоцку не токмо тяжелых припасов и матриалов, но и правианта великая экспедиции способь, а лошадям и аленям (хотя б их полный комплет содержать, о котором ниже предложено) помощь и отставить ее не можно, понеже лошади и алени того, что водою на судах сплавитца, сухим путем от Урацкого плодбища в Охоцк, которого разстоянием слишком 170 верст, уже не перевозят, а им, и кроме того, в перевоске еще доволно труда останетца.

А что по оному Ураку ото лдов бывает предпятствие и опасность, а плавят, не дожидаясь того, как он ото лдов очиститца, и то для того, что вода после лда скоро збывает, и ежели затем умедливать и дожидатца, как лед очиститца, то за мелководием сплавить судов уже нельзя будет.

И о строении и впредь на том Урацком плодбище судов по 60 повсягодно, и о перевоске сухим путем от Юдомского креста правианта, и о содержании для той перевоски двух или трехсот лошадей и аленей пополам, и о кошении сен, и росчищении дороги (л. 159 об.) и о протчем, что к тому принадлежит, обстоятелно от капитана командора писано в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию марта 12 дня 739 году и требовано, чтоб о том ис той канцелярии к Охоцкому камандиру подтверждено было указом, також и ко обретающемуся в Якуцку от флота лейтенанту Ларионову о том, дабы он ведал, в чем ему того Охоцкого камандира понуждать надлежит, послан экстракт. И по оному требованию к Охоцкому камандиру из Ыркуцкой правинцыалной канцелярии о перевоске правианта и о учреждении к тому подлежащаго с крепким подтверждением указ прислан, також и от лейтенента Ларионова о том же подтверждено.

А прошедшаго 740 году августа 19 дня во ответствии х капитану командору Берингу от Охоцкого камандира Антона Дивиэра объявлено, что в нынешную де зиму при Охоцку для перевоски правианта лошадей более 30 за неготовлением сен содержать невозможно, а впредь будущих де годов в зимы можно содержать (л. 160) лошадей по 50 для летней перевоски, а для зимней — как во оную зиму, так и впредь будущия годы по 300 аленей.

Capit: commandeur Witus Bering.

От флота капитан Алексей Чириков.

Флота лейтенант Иван Чихачев.

Styrman Swen Waxell Leutenants Rang of flotten.

Штурман в ранге от флота лейтенанта Михаил Плаутин.

Флота мастер Сафрон Хитрово.

Примечание:

Для лучшего ознакомления с главнейшими географическими пунктами, которые упоминаются в донесениях Беринга, прилагается снимок с одной из карт XVIII в. (ГАФКЭ, № 10а) разм. 64×68 см. На ней мы находим следующие записи: 1) На левой стороне в нижнем углу: «Сочинял по малому смыслу не-

следней от человек казачей подпрапорной...». Продолжение записи стерто; 2) «Земля усмотрена в 748 году июля 13 дня во время морского путешествия, учиненного из устья реки Анадыря к Берингову острову и Камчатке купцами Новиковым и Баховым, а от партии Анадырской подпрапорным Переваловым».

Итак, перед нами карта, сделанная около 1750 г. Переваловым; следовательно, она была сделана вскоре после Беринга. Ее составитель, как видно из самой карты, хорошо был осведомлен о путешествии Беринга и Чирикова к берегам Америки. Он нанес пунктиром весь морской путь этих мореплавателей и тем самым доказал, насколько важным явлением того времени была вторая Камчатская экспедиция Беринга.

Не лишено интереса и то, что, несмотря на все строгости, принимаемые тогда правительством с целью сохранить в тайне результаты этой экспедиции, они все же стали известны сибирякам. Несмотря на то, что в 1743 г. экспедиция официально была объявлена закрытой и участникам ее «в морские вояжи ездить не велено», сама жизнь настойчиво диктовала необходимость дальнейших разысканий, дальнейших «освоений», мало известных «новых путей».

Во всей колонизаторской политике царизма в то время особую трудность представлял вопрос снабжения, в особенности продовольственный. Уже из опубликованных в «Красном архиве» отчетов Беринга видно, что вопрос о завозе продовольствия в те края, вопрос о путях сообщения, поглощал чуть ли не главное внимание Беринга и его спутников. Официальное прекращение Камчатской экспедиции, конечно, не снимало с очереди продовольственного вопроса. Хлеб нужен был и для Охотска, и для Камчатки, и для всей северо-восточной линии сибирских острогов и поселков.

Весь крайний северо-восточный угол материка, заселенный немирными чукчами, не признававшими власти русского царя и стойко боровшимися за свою самостоятельность, был областью «иностранства», в которой правительству нужно было содержать русские отряды. — Опять возникал вопрос о путях сообщения. Этот военно-феодальный дух того времени находит отражение и в прилагаемой карте, где читатель увидит следующие обозначения: «Тракт майора Павлуцкого на неприятелей чукочь в 745 году». В связи с карательными экспедициями против местного населения вставал вопрос об использовании морских путей и для переброски отрядов. «Охотская канцелярия, — читаем мы в документах той эпохи, — представляет, что по мнению ее за наилучшее признается... на бунтовщиков и изменников наступать походом на судах морем; хотя и с трудом легчае б было против сухопутного походу их искоренить и смирить».

Эти две причины и побуждали продолжать «освоение» морских путей. Кроме того здесь выступают аппетиты купцов, которые с жадностью бросаются на дело, обещавшее им верные и огромные барыши. Одна купеческая кампания была организована купцами Новиковым и Баховым. Вот что говорят об этом официальные документы: «Правящий в Анадырске в партии за подпрапорщика казак Тимофей Перевалов и с ним якутские купцы Семен Новиков с товарищи, по желанию их, отправлены на их собственных судах в 1748 году мая 30 дня для описи и проведывания морем нового пути из устья реки Анадыра до реки Камчатки, и велено ему, Перевалову, по прибытии в Анадырск объявить тому пути описи и чертеж, ибо ежели оный морем путь будет проведен, то из Якутска в Анадырск на партию способнее будет ставить провиант. И оный де казак и купцы в 1749 году августа 14 числа на Камчатку прибыли и объявили, что будучи они от Анадырска к Камчатке в морском вояже и у большого острова, где прежде Берингово судно разбило, от великих ветров судно их разбилось и затем сделали другое судно, на коем и прибыли на Камчатку» («Материалы для истории русского флота», т. X, стр. 165).

Автор прилагаемой карты сам побывал на Командорских островах, подобно Берингу потерпел крушение, подобно спутникам Беринга спасся оттуда; он хорошо знал совокупность местных условий того времени — уже по одному этому карта является любопытным документом, дополняющим показания Беринга и его спутников.

Из дневника Льва Тихомирова

Период столыпинщины[1]
1909 г.

1 января. В новогодних повышениях не забыт и я. Всемилостивейшее повышение в члены совета по штату (я был сверхштатным). Это отблески первой удачи.

О «Московских ведомостях» ни слова. Позвонил к Бельгарду, чтобы поблагодарить его за представление в штат, да мимоходом кстати спросил: «Ничего не знаете о министре?», — ответил, что сведений не имеет.

2 января. Опять был у Бельгарда с разговорами. Он снова [стал] торговаться, чтобы я не брал со Столыпина 20 т., что Столыпин этим крайне огорчен, и начинает худо думать обо мне и пр. Даже сказал, что, ведь, все наши переговоры, вносясь в журнал, составят достояние истории...

Смысл такой, что не худо думать о своей репутации.

Я ответил, что на счет истории я совершенно спокоен и желаю, чтобы в истории было как можно ярче документально засвидетельствовано, что я, Тихомиров, идя в столь ответственное дело, принял или старался принять всевозможные меры для обеспечения своей самостоятельности.

3 января. Министры подписали журнал. Доклад Столыпина отправлен государю. Когда доклад возвратится с утверждением, можно будет печатать объявление. Это будет не раньше вторника. Моя несчастная подписка. Я боюсь погибнуть даже при всех льготах платежей.

6 января. Вторник. Вчера получено высочайшее утверждение. Весь остаток дня формулировали с Бельгардом контракт и послали на просмотр Веберу. Телеграммой известили Нольде. Сегодня отправили мою программную статью.

Сегодня же в $3^3/_4$ дня был у Столыпина, а вечером от $7^1/_2$ до $10^1/_2$ у графа Арс. Арк. Голенищева-Кутузова.

У Столыпина пробыл около $^3/_4$ часа. Он встретил меня сердечно и добродушно, пожелал успехов и т. п. Поторопился объяснить (как бы в некоторое извинение), что он должен был нажимать на всех (т. е. и на меня), ибо с той стороны было давление, и они (мин. фин.) заподозрели меня в корыстолюбии. Он старался достигнуть возможных комбинаций... Потом я ему пояснил, что дело так скверно, что даже и при таких льготных условиях я не уверен (и даже едва надеюсь) свести концы с концами. Я поблагодарил его за энергическое пособие в достижении этих возможных льгот.

---

[1] См. «Красный архив», тт. LXXII и LXXIII.

Он очень искренно говорил далее о своем политическом положении... Очень любопытная часть разговора...

Возвратясь к практике, я спросил: 1) нельзя ли найти элемента действительной службы (а не простого причисления к министерству), и он сказал, что поищет представительства от министерства внутр. дел при какой-нибудь московской комиссии... Мне это нужно для возможности производства; 2) о прощальной аудиенции у государя...; он сказал, что доложит в четверг, и сообщит о результатах в пятницу; 3) о том, чтобы мин. фин. действительно своевременно доставило первую уплату, в виду предстоящих мне 15 янв. платежей. Сказал, что напомнит.

Вообще расстались «кордиально», и должен сказать, что все свои подозрения против него я отбрасываю. Думаю, что он действовал искренне, без задней цели держать меня в руках.

7 января. Был у Александра Николаевича Шварца; очень любезно, хорошо, обещал всякое содействие. Оттуда к Кривошеину, у которого на прием опоздал.

Вечером был Соколов, который рассказал, что Рагозин говорил, что Тихомирова «провели в редакторы» они, монархисты... То же самое говорил Кологривов. Это, очевидно, обычное низкопробное шарлатанство о. Восторгова, который хочет поддержать в своей армии веру в его связи и всемогущество. Все-то наглое вранье. Даже и у Гершельмана — если кто сделал нечто, то гр. Д. А. Олсуфьев.

Мне крайне досадно. Пожалуй, Восторгов будет выставлять и снятие мною его типографии, как расплату за его высокое покровительство. Очень хотелось бы в наказание не печатать у него, но это — ссора с монархистами и особенно с кн. Ширинским.

Удивительно, как Восторгов губит все наши таланты этой «нечаевщиной», которая постепенно всех обращает в его врагов. Я никогда не думал, наприм., что я могу стать его врагом, а теперь чувствую такую злость, что готов побить его...

10 января. Суббота. Сегодня представлялся государю императору. Государь был очень весел и милостив, выразил чрезвычайное довольство тем, что я становлюсь редактором-издателем «Московских ведомостей», и свое убеждение в том, что я подыму их на должную высоту. Одобрил то, что я не вхожу в организации и партии и что я не выхожу в отставку.

Много говорил о своих воззрениях на текущие вопросы, особенно вероисповедный и земельный. С некоторой горячностью выражал досаду, что из его желания укрепить свойственную православию веротерпимость сделали какое-то управление всех вер в ущерб православию.

По этому случаю я заметил, что делал председателю совета министров заключение об этих законопроектах, именно доказывая, что они созидают совершенно не то, что было указано подлинными актами высочайшей воли. Государь пожелал видеть этот доклад. Я также спросил, что он думает относительно созыва собора церковного. Он сказал, что еще подождет. Я попросил позволения представить свои соображения о соборе. Он разрешил и сказал, чтобы я это сделал через Дедюлина, о котором отозвался, как о человеке, безусловно преданном, а также опытном.

О земельном вопросе государь высказал примерно то, что осуществляет А. В. Кривошеин, о котором тоже отозвался очень сердечно, как о прекрасном человеке.

Хорошо отозвался он также о Столыпине, когда речь зашла о правительстве.

Очень тепло отозвался о покойном В. А. Гринмуте, однако все-таки считает наиболее оказавшим услуг союз русского народа. Лично о Дубровине не упоминал.

Высказал государь надежду, что все устроится и, если будут еще вероятные вспышки, то все же восторжествует здравая русская идея.

Эти речи государя императора перемешивались с моими в общем разговоре.

Я высказал государю, что, возвращаясь к публицистике, служу ему не только не меньше, но больше чем на службе, где был более связан дисциплиной ведомства. Я служу ему, потому что служу народу и богу, и не умею различать в своих идеалах разницы между этим, ибо служу богу, который русскому народу[1]... царя. Я в развитие этой мысли высказал, что необходимо некоторое исправление основных законов, которые очень затемнили понятие о верховной власти и о действии в порядке верховного управления. Особенно важно сделать это до воцарения наследника цесаревича, ибо он, государь, может еще изменить и сказать: «Я дал, я и исправляю». Но новому царю скажут: «Не вы дали, не можете вы и отменять». Я высказался о всей необходимости авторитета, которого нам неоде взять, кроме царя. Учреждения, государем введенные, имеют законную силу, но когда верховная власть считает необходимым чем-либо исправить их действие, то это — акт верховного управления.

Точно также я сделал маленькие возражения о земельных законах в том смысле, что необходимо: 1) чтобы земля не уходила из рук крестьян, 2) сохранить достаточное количество казенных земель, 3) культурное землевладение дворянских хозяйств. Государь император впрочем высказал, что это и его мысль

Разговор продолжался, не знаю сколько времени. Прием был назначен в 2½ часа, а ушел я в 3¼. Однако начало было несколько отхвачено Фредериксом, который был у государя, так что мой разговор был менее ¾ часа, но вероятно более ½ часа.

Содержание его здесь не исчерпано. Я очень устал и не могу хорошенько всего формулировать...

По приезде в СПБ, согласно желанию Столыпина, вызвал его по телефону. и передал ему в общих чертах свой прием. По телефону же мы простились со Столыпиным, который сказал, чтобы я в случае письменных сношений посылал прямо на его имя, а по телефону — также прямо на его номер.

Все это хорошо. Но дома ждало меня письмо Нольде с рассказом о том, что московские «монархисты» говорят, что газета отдана им, я же только подставное лицо. Ах, болваны, за которыми кроются мерзавцы... Ну уж и Восторгов. Ведь, придется не давать газету в их типографию.

31 января. Суббота. Почти три недели не раскрывал своего дневника... 12 января я выехал из СПБ в Москву.

2 февраля. Получил уведомление департамента общих дел (от

[1] В подлиннике пропущено одно слово.

30 янв. 1909, № 2315), что 26 янв. я уволен от должности члена совета главного управления по делам печати с причислением к министерству внутренних дел.

8 марта. Не помню времени, когда бы так мало записывал в дневник. Не работа, а каторга, нет секунды свободной... А что толку. Как мало времени, а я уже прошел свою «эволюцию». Сначала всех заинтересовал, а потом, когда стали убеждаться, что я действительно «беспартиен», то все стали охладевать и отходить...

Кажется, факт, что меня ждет провал, и ничего я не сделаю с «Московскими ведомостями». Секрет, кажется, в том, что и нельзя ничего сделать в современной России, нечего делать. Мы, повидимому, идем к новой революции и, кажется, — неизбежно. Народ голодает, партии ожесточены, борются противоположные принципы; все, все даже частные меры власти, — как на подбор ведут к революции. Начинаешь верить в какую-то таинственную силу, играющую Россией и правительством, как мячиком.

14 июня. Воскресенье. Бельгард сообщает, что «начальство» (значит Столыпин) очень недоволен моими вероисповедными статьями. Бельгард настоятельно советует мне приехать «хоть на один день» в СПБ, где он должен со мной говорить «о разных вопросах» и приехать непременно до 24 июня (день отъезда в Полтаву)... Вот и сатана сам дергает! Перебираюсь, дела по горло, болен, — изволь все бросать и ехать в их холеру — «сечься» у начальства.

Холера в СПБ с каждым днем усиливается. В день заболевает свыше 100 человек.

Скотина этот Столыпин. Поступил прямо нечестно с вероисповедными законами, не говоря уже о колоссальной нелепости, и он же имеет бесстыдство сердиться, «гневаться» — все потому, что он — сила, он может меня съесть.

Нехорошо. Съест он меня или не съест, но мне грустно, что нравственно он в моих глазах терпит большой ущерб.

5 июля. Воскресенье. Что-то с рабочими нашими не совсем ладно у Саблина. У них между собой интрига. Союз мутит... Вчера Литвинов сообщил, что наборщик Красовский ушел сам, и неизвестно куда, не желая работать «компанией». Что-то сомнительно! Не сами ли выперли его? Это очень неприятное облачко на небе нашем: может таить в себе грозу.

21 августа. Время проходит в таком труде и суете, что не идет в голову даже побеседовать с самим собой, да и минуты нет свободной... Ясно видно: у меня нехватает сил на эту каторжную работу... Это нечто вечно рассыпающееся, вечно требующее войны настоящей, надзора, вечного вкладывания своей силы, чтобы понудить к действию других. Война с Петербургом, где мошенники не платят денег, война с конторой, с корректорами, с типографией, с сотрудниками, со сторожами, с целым светом. А для чего это? Неизвестно.

Газета не завоевывает публики. Движения подписки нет, а есть колебания: то уменьшится, то прибавится. Публика будто пробует газету и, понюхав, уходит: не нравится ей. Полугодовая моя подписка кончилась скандалом: сразу упала на 75 человек, с 1795 человек упала на 1720... С тех пор колеблется каждый месяц, и хотя возрастает, но доселе не дошла до 1795... Сейчас всего 1774... И какая жалкая цифра. У Будиловича было на тысячу больше.

Все это меня убеждает, что осенью я, вероятно, растеряю и тех подписчиков, которых имею... А уж кажется — куда еще понижаться. Я уже часто думаю, что придется ликвидировать дело или передать кому-нибудь. На мне лежит совершенно каторжная работа — редактора и издателя. Последняя особенно трудна для меня, в материальных делах несведущего. Найти же себе компаниона надежного не могу. Таких людей по заказу не сделаешь. И вот истощаешься в буквальном смысле. Конторское дело особенно тяжко по своей неведомости мне.

Вот как печально теперь мое существование! Уж какого-нибудь смысла оно совсем не имеет. России я, каков есть, не нужен, ну — и что же мне делать? Покориться ей я тоже не могу, и просто не умею...

И вот живу, неизвестно зачем, и живу — в страшном, истощающем труде, который никому не нужен и ничего не достигает. Не весело...

25 октября[1]. Ну вот, почти 1½ месяца прошло, пока я собрался заглянуть в свой дневник. Да и чего писать. День за день в труде, вечно одинаково упорном, постоянно требующем всех сил, и — сверх того, а засим — толку-то никакого.

Подписка на газету не идет, и хотя я начал очень верные статьи, но все это звук пустой. Все это я с одинаковыми последствиями для мира мог бы писать в своем, никому не ведомом дневнике. Можно бы и совсем не писать, а просто думать, лежа с папироской в зубах.

Но вот сейчас — письмо от Бельгарда. Столыпин очень недоволен моими статьями. Значит они не приносят только никому пользы, а вред мне все-таки приносят. Не совсем бесплодны.

Бельгард говорит, что мне необходимо ехать объясниться с разгневанным премьером... А у меня только что уехал в СПБ Нольде — провожать сына в кругосветное плавание. Этот Столыпин мне страшно надоел. Какого же чорта он навязал мне «Московские ведомости»? Чего он мог ожидать от меня, кроме защиты церкви и царя?

1 ноября. Воскресенье. Надо ехать в СПБ. Столыпин успел слетать в Ливадию и возвратиться в СПБ. Пренеприятная история. В сущности даже оскорбительная. Но я еще не стою твердо, очень далек от этого, и вступать в прямую ссору не расчет. Если Столыпин непременно вызывает меня — приходится подчиниться.

Беда в том, что я еще не разочаровался в Столыпине, и не могу перейти с ним на почву неискренности и вранья. А между тем — он делает очень нехорошие вещи. Свои вероисповедные глупости продолжает поддерживать. О восстановлении царской власти даже и не помышляет, а через это ведет ее постепенно к полному упразднению...

А государь? Живет в Ливадии — и о чем он думает? О чем заботится? Все вокруг него подкапывается, а он — неужели он ничего не видит? Вот умудрись тут поддерживать царскую власть!..

Забыл записать, что Бельгард после своего письма приезжал в Москву, и рассказывал мне лично о крайнем неудовольствии Столыпина... Я рассчитывал, что Столыпин сколько-нибудь пробудет в Крыму и 28 октября послал ему в Ливадию письмо, а он что-то 29-го уже оттуда уехал... 24-го я поехал в посад, а Столыпин 25 октября, в воскресенье, проехал через Москву в Ливадию. 30 октября уже был на обратном пути, а 31-го проехал через Москву в СПБ. Значит, он пробыл в Ливадии каких-нибудь два дня...

---

[1] Позднейшая приписка: «Кажется 23 октября, а не 25».

Что такое подписал ему государь столь важное, чтобы скакать столь скоропалительно?

20 декабря. Воскресенье. Вот до какой степени нет у меня времени: почти два месяца не прикасался к дневнику! И какие месяцы: был в Петербурге, а здесь — последние усилия добиться хоть каких-нибудь успехов...

В последнем отношении усилия бесплодны. Подписка идет очень скверно, и вся моя мечта теперь в том, чтобы число подписчиков не уменьшилось сравнительно с Будиловичем... С Будиловичем! Вот как понижен тон моих мечтаний. Объявления тоже еще в ноябре пали, и падение продолжается весь декабрь. Я в лучшем случае могу ожидать, что декабрь сбалансируется без убытка, но всего вероятнее, что будет не менее тысячи рублей убытка.

Несомненно, что я оказываюсь плохим хозяином, очень плохим и все у меня идет бестолково и убыточно. Не умею заставить работать, не умею присмотреть. Себя буквально замучил, да и окружающих, пожалуй, а толку нет, и все скверно идет.

31 декабря. До нового 1910 года осталось около трех часов. По просьбе наборщиков мы заготовили № 1 и сдали его около 7—8 часов вечера, так что они (да и мы) можем встретить новый год спокойно, не на работе.

Моя передовая в этом № 1 такова, что, вероятно, Столыпин рассорится со мной, ибо я начистоту подвожу итоги его политики.

1910 г.

1 января. Пятница. Встретил новый год строго по-семейному. Работу редакционную закончил часов в 8 вечера, по просьбе наборщиков, так что я уже в 11 часов имел № 1 «Московских ведомостей» за 1910 г.

Днем были кой-какие визитеры, хоть и мало, ну, конечно — карточки, телеграммы, в том числе от Столыпина, Кривошеина, Щегловитова, Бельгарда, митрополита Владимира... Я накануне разослал семь десятков телеграмм. Никто из этих гражданских светил однако не может быть доволен моим новогодним №, и когда получат его, то еще неизвестно, какую баталию учинят мне... А я слаб. Слаб я денежно, по добытому в 1909 г.; я слаб также и состоянием издания, так что не могу рассчитывать, чтобы оно имело даже прошлогоднюю устойчивость. Платежей в 1910 г. прибавится 20 тысяч (аренда), а доходов едва ли не убавляется. Странно: в ноябре и декабре совершенно ненормальное падение объявлений. Это удивительно тревожное обстоятельство, угрожающее 1910 году...

Читателей у меня тоже немного. Подписчиков платных к концу 1909 года было 1811 человек. А к 1 январю 1910 подписалось только 1170. Прибавятся ли хоть недостающие 700 чел. за январь. Об увеличении подписки теперь уже немыслимо и думать, и все надежды могут состоять в сохранении полученного за 1909 г. status quo...

Конечно, положение моих «Московских ведомостей» очень сложно: против меня и левые и правые. Между правыми газетами нет ни одной, которая бы меня сколько-нибудь поддерживала, и нет ни одной, которая бы мне не сделал какого-нибудь свинства («Колокол», «Русское знамя», «Вече»). Это дело конкуренции. Но самое главное отсутствие в России читателей, несколько серьезных... Сегодня Савенко (киевский)

пишет мне, что я создал «первостепенную политическую газету», и «очень жаль», что «в СПБ нет ни одной такой»... Да, это на мерку людей его развития. Но их нельзя считать и десятками. Остальным нужна только лубочная мазня, ругань, в лучшем случае «высмеивание» противников.

При таких условиях нельзя иметь подписчиков. Конечно, в «Московских ведомостях» масса недостатков, я это лучше всех знаю..., но газету не читают не вследствие ее недостатков, а вследствие той доли достоинств, которые я успел ей привить.

Если я мог (или могу) держаться, то исключительно благорасположением начальства и верховной власти. Но... вот приходится весь год возбуждать неудовольствие Столыпина, а № 1 за 1910 год, в корне отрицающий его политику, может его и совсем взорвать, и тогда — me miserum! Государь же император, вероятно, и совсем забыл меня. Уже очень, очень давно нет никаких признаков его какой-либо благосклонности...

Итак, вообще говоря, я не сделал за прошлый год никаких успехов. Когда я ехал на редакционное дело, меня провожали наградами, от меня чего-то ожидали важного, крупного. Но ничего ни важного, ни крупного я не сделал, никому не угодил, никого не привлек, не объединил, никого не устрашил... словом, потерпел — хладнокровно рассуждая — полную во всем неудачу...

Сам я лучше понимал дело и не ждал особых успехов. Но действительность оказалась, должен сознаться, еще хуже, чем я ожидал. Я все же думал, что сумею привлечь хоть тысячи три подписчиков... Какое тебе! Теперь чуть не прыгал от радости, когда их число дошло до 1000. Конечно, самое страшное то, что объявления изменяют, уходят. Будь деньги, можно бы было бороться «с равнодушием публики», и постепенно прошибить ее, усталую, поглупевшую, разочарованную... Но когда изменяют деньги — тут уже ничего немыслимо сделать.

Вот тут и спрашивай себя: что год наставший нам готовит?

Мне-то, пожалуй, не страшен никакой провал и даже никакая участь. Не только не гонюсь за славой, а подчас равнодушен и к жизни. Страшно только за семью. Как бы их не увлечь за собой в гибель! А Россия? Что же мне с ней делать, если она хочет покинуть богом благословенные пути, или если даже она просто глупа и изгадилась? Она, эта Россия, мне всю душу вывернула, лишила всякой охоты жить и работать... Что я могу сделать с десятками миллионов? Я не Моисей. Меня, вижу, не бог призывает, а только царь да Столыпин, думавший, может быть, купить и держать в руках... У меня нет силы, ничего не могу я сделать с этой Россией. Моя совесть чиста. Я заморил себя на работе, и ничего не мог сделать.

На нет — суда нет!

Dixi, sed animam non levavi...

Patria perdita spes nulla vivit...

9 января. Ну, подписка моя окончательно определилась. Убыло свыше 400 платных[1] подписчиков. Бесплатных увеличилось на много, но это уже другое дело.

Итак, в результате всех моих усилий публика, посмотревши на меня целый год, отшатнулась. Объявления за январь тоже весьма не блестя-

[1] Было в декабре — 1811. Теперь — 1402 (примечание в подлиннике).

щи. Наконец, и со стороны казенных платежей явились очень нахальные произвольные вычеты.

Повидимому, 1910 год будет для меня годом каких-то переворотов. Я или оставлю газету или обанкрочусь. Хотелось бы хоть маленький базис обеспечить для спасения семьи. Уж не знаю, удастся ли.

Собственно говоря, престранны мои приключения с 1907 года! Совсем не уловишь их смысла. Конечно, я прожил и семья прожила... Но прожили те же годы без всяких приключений и Нольде, и Преображенский и т. д., вообще все. У меня же — что-то странное, заманивающее, будто обещающее, а в результате — ничего ровно, и даже хуже: перспектива таких же приключений, да еще с опасностью гибели. Странно! Смысла ни малейшего нельзя уловить! А ведь живешь только смыслом жизни.

Кстати сказать, и здоровье довольно мерзкое.

17 января. Я не то что нездоров, но совершенно расслаблен. На днях смотрел меня доктор Казанский и грозит, что если я пропущу месяца три без энергичного лечения, то пропаду... Что делать?

За эти дни был кое-кто из политического мира: Саблер, преосв. Серафим. Все смотрят мрачно на будущее, и все не видят никакого исхода. Конечно, все это уныние касается собственно старой России, царской, православной. Россия столыпинская, всеверная, интеллигентно-конституционная, бесцветная и безыдейная — та, может быть, и «образуется»... Да что в ней толку? Ни богу свечка, ни чорту кочерга, если только в конце концов не выйдет действительно чортовой кочергой...

7 марта. Ночь... Много воды утекло с последней записи... Я был в СПБ, вернулся, заболел, и по сей час еще не выхожу.

В СПБ я пробыл с 14 февраля по 21 февр. включительно, т. е. 8 дней. Был там у Столыпина, Кривошеина, Тимашева, Шварца, Щегловитова, Коковцова, Курлова. Разумеется, у Бельгарда, еще у Пихно, митроп. Владимира, еп. Никона, Замысловского, Богдановича, Плеве, Голенищева-Кутузова, ген. Симанского, кн. Ширинского, графини Игнатьевой. Видел у себя или у людей — Савенко, Крупенского, Шечкова, Садовского, Макаревского, депут. Клочкова, сен. Чаплина, адм. Зеленого, Киреева, нового предс. Союза русского народа Римского-Корсакова, Ник. Ник. Ладыженского, Владимира Львова, Пиве, Ламкерта, Панкратьева.

Исходатайствовать для меня аудиенцию у государя Столыпин не нашел способов. Но господь с ним. Я и без того простудился, и по возвращении в Москву (прибыл 22 февраля) — уже со вторника, 23 февраля, заболел. Не оправился и до сих пор. Инфлуенца отразилась на кишках и почках.

Крупнейшее дело, которое я, казалось, устроил в СПБ, — это чтение В. Львова об опасностях церкви от Госуд. думы. Он обещал прочесть его у меня в Москве. Я, несмотря на болезнь, с помощью добрых людей, начал собирать публику, и уже имею 44 человека, изъявивших горячее желание быть на чтении. Епископы, профессора, разные именитые люди, предводители, всякого рода интеллигенция, и это число — стоит продолжить приглашение — в 2—3 дня дойдет до 80.

Но увы! Львов не едет, не отвечает на мой запрос. Боюсь, что остыл и раздумал. Как и из всего, что ни начинаешь, не выходит ни малейшего толка.

Дела издательские — препоганые. Февраль дал убытку 800 р. Начальство не высылает денег (еле-еле старые выслало). Подписка, оказывается, к февралю и марту упала против прошлого года. Tempus et laborem perdidi.

11 марта. Четверг. Состоялось сообщение В. Н. Львова. Было 50 человек. Львов говорил превосходно и, между прочим, вдребезги разбил Ф. Самарина. Вечер был оживленный, и последние гости разошлись в третьем часу.

Архиереи держали себя позорно трусливо. Из шести приглашенных пришли всего два, да и то удрали немедленно по окончании чтения, избегая прений.

14 марта. А денежные дела мои скверны. Издание идет мерзко. Объявлений мало, страшно упали, особенно частные, что составляет опасный признак падения газеты. Да и те не платят, и сумма неоплаченных возросла уже свыше 10 тысяч рублей. Казенные тоже неаккуратно платят. Впрочем сегодня Комитет получил из СПБ извещение о высылке 15 т. р.

Что-то из этого выйдет? Вообще мое издание ни с политической, ни с финансовой стороны не имеет успеха. С политической — особенно. Достопримечательно гробовое молчание, которое хранит вся печать о «Московских ведомостях». Не знаю даже, кто упорнее молчит: правые или левые? Один только Балашов в «Голосе русского» не прекращает ругани, а в последнем № и «Русский вестник» сделал преподлый донос на меня Столыпину. Замечательно, что ни одна «правая» газета не осталась без подложения мне какой-либо свиньи. Если бы у меня было много времени, жизни и денег, то, конечно, я бы пересидел их всех и добился бы своей читающей публики. Но... при наличных условиях они, т. е. главнейшие «правые», конечно, задушат меня и хода не дадут.

Положим, мне, как говорится, наплевать. Русская жизнь так непривлекательна и безнадежна, что ничто не побуждает дорожить успехом или огорчаться разгромом. Не все ли равно? Все равно толку нет.

16 марта. Среда. В субботу, кажется, Восторгов со штатом представлялся государю (подносили икону). Только штат рискованный: архим. Макарий, Орлов — зачем только таскать таких людей? Остальные — ничего (Б. Назаревский, Айвазов, Рагозин), но те двое очень сомнительны. А мне Петр Аркадьевич все не выхлопочет аудиенции!.. Не хочет, значит. Положим, мне это отчасти приятно. Во-первых, здоровье плохо, во-вторых, если сказать правду, — о чем говорить? И для чего говорить? Государь, повидимому, доволен положением, и не расположен к каким-либо шагам, способным его изменить. А тогда и говорить не о чем. Я видел достаточно людей, которые воображали, будто бы им суждено провидением что-то важное, и однако они умерли, абсолютно ничего не сделавши. Поэтому я не доверяю ничуть этим воображаемым «миссиям». Думаю, что и у меня нет никакой (кроме внутренней, как у каждого человека). А тогда стоит ли тратить последнее здоровье, да и деньги, чтобы бесцельно и без последствий тревожить государя? Можеть быть, Столыпин «не пускает» меня по нехорошим побуждениям, но вероятно мне этим приносит скорее пользу.

Уже жить-то, конечно, осталось немного, и беспокоить себя и других не из чего...

У меня вот другая мечта: думаю — попробовать завтра начать говенье... Но допустит ли господь? Это было бы поважнее.

25 марта. Благовещение. Я что-то опять расклеился. Кишки скверны.

Рассказывал М. А. (Новоселову), что статья «Духовный гастролер», о Григории Распутине, где изображено его гнусное распутство, далеко не произвела впечатления в высших сферах. Видел ли ее государь и как отнесся к ней — неизвестно. Но вряд ли хорошо[1], если правда, что обличительное письмо против Гришки, присланное епископом Ф[еофаном] возбудило его гнев, так что будто бы он его бросил на пол...

Этот Григорий Распутин — развратный и жадный «блаженный старец» (он молод, вряд ли больше 40 лет), но обладает какой-то гипнотической силой чарования, будто бы угадывает мысли и даже «будущее». Вместе с этим он отчаянный «черносотенец», так что сами же «черносотенцы» и рекомендовали его. Это особенно грех епископа Феофана, ректора СПБ академии. Теперь он расчухал, что за штучка Григорий, да уже поздно. Влияние Гришки оказывается сильнее его.

В Петербургском высшем свете—у Танеевых, у Пистолькорс и т. д.— Гришка свой и обожаемый человек. Он действует на чувственность женщин, приучая их к «ангельской чистоте»... Делает мерзости...

Я видел его фотографию: мерзкая рожа с поразительными глазами. Должно быть, в этих глазах страшная сила.

Но какое ужасное время! Какая гниль мистического разврата перемешана с тупым неверием и развратом материалистическим. И вся эта грязная тина обволакивает людей до самых верхов.

Вот что напечатано в № 104 «Утра России» (23 марта):

Новое выступление Илиодора

(по телеграфу от нашего корреспондента)

Царицын, 22 марта. Иеромонах Илиодор прочел в церкви письмо «Московским ведомостям», начинающееся так:

«Рассуждая о нападках стервятников-газетчиков на блаженного старца Григория, собрание православных христиан г. Царицына постановило: пригвоздить тебя блудница-редакция, изменившая Грингмуту, к позорному столбу для всей России, а твоего богомерзкого сотрудника Новоселова — высечь погаными банными вениками».

О впечатлении, произведенном этим новым выступлением Илиодора, говорить, конечно, не приходится.

Я в тот же день послал Илиодору телеграмму с оплаченным ответом, спрашивая, правда ли сообщение «Утра России», но ответа доселе не получил. «Письма», о котором говорит газета, тоже еще не получал.

Вот — «Черносотенная Русь»! Что может сделать такая нелепая темная сила? В лучшем случае дико набушевать, а потом, конечно, их увяжет в тороки конституционная атеистическая интеллигенция.

Уж не знаю, как справится церковь. Но монархия, повидимому, погибла, если не явится чудом сильный разумный спаситель с крепкой рукой и крепкой головой... Как думаешь обо всем этом, начинаешь понимать Столыпина. Что делать в самом деле? На что опереться?

28 марта. С Россией я совсем недоумеваю. Стою на своих бастионах, знамени не опускаю, палю из орудий... но положение такое же, как у Стесселя в Порт-Артуре. Пали, не пали — ничего не получается, родная армия уходит от тебя все дальше, и — по разуму человече-

[1] Позднейшая приписка: «Оказалось, что разгневался».

скому — немыслимо и ждать от нее ничего, кроме «Портсмутского мира»...

10 апреля. У меня все это время какие-то неурядицы. Сегодня пришлось взять нового репортера (Ряхина) вместо совершенно обнаглевшего Барсова. В виду сомнительности Янчака — пришлось взять нового корректора (С. П. Матвеев).

Затем поместил отчаянную антистолыпинскую статью Гофштетера (Ипполита). Соблазнил меня идейным родством, хотя абсолютно бесполезно помещать... Увы, монархию уже зарезали, и почти немыслимо ее восстановить, а между тем статья прямо вызывает разрушить всю политику Столыпина, и может его взорвать. Разве именно полное бессилие статьи может его успокоить и заставить ограничиться словами: «Не ожидал я, чтобы Тихомиров был таким идиотом...»

Узнал я, что государь сказал, что «ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова». В чем причины разочарования — неизвестно, но можно думать (по совпадению времени), что виноваты статьи Новоселова о Григории Распутине... Ну, уж это как угодно! Не могу я не обличать духовного разврата.

Из событий за это время произошло ограбление Успенского собора, что, может быть, рассорит меня с Филиппом Петровичем Степановым, ибо я пишу в газете о слабости охраны кремлевских святынь (что бьет в первую голову Филиппа Петровича).

Так-то все обстоятельства и события, не привлекая ко мне никого, неустанно ссорят меня со всеми. Мучусь без пользы, стою одиноким... Нередко приходит в голову, что не деятель я, не гожусь, и не организатор...

11 апреля. Вера возвратилась, слава богу, благополучно поговела. О. Герман прислал мне просфорку. Спаси, господи... Но только вот что нехорошо: не помогает мне молитва их. Впрочем, это я глупо написал. Вероятно, помогает; быть может, без них вовсе нельзя было бы жить... Но беда в том, что все-таки тяжко, претяжко: хоронишь Россию и все, о чем думал, чем жил... Конечно, не я один, все так, да легче ли? Они все-таки умудряются не думать. Вот Шечков сегодня заходил (думцы разъезжаются на праздники) — ничего себе, весел. А на что надеется?

У них там в СПБ кто-то (кажется, Келеповский) говорит, что теперь Россия лет на 10 застрахована от революции... Глупо, конечно: я и за 10 месяцев не поручился бы. Но дело в том, что разве в революции вопрос? Ну, не будет революции, а будет только превращение России в маленькую пошленькую «Европу». Да, ведь, это еще хуже.

Скука, бессмыслица!

12 апреля. Ну, повидимому, моему редакторству наступает конец. Столыпин прислал мне свою пометку на доложенную ему статью Гофштеттера: «Возмутительно помещение такой статьи в «Московских ведомостях». П. Столыпин. 10 апреля».

Я ему тотчас послал заказное письмо (с которого, к сожалению, не снял копии), где говорю, что ничего возмутительного нет, статья прекрасная, что я помещаю и другие статьи, освещая вопрос, что все это не мешает утверждению законопроекта, ибо поправки можно сделать и после того. Затем говорю, что я охотно совершенно оставил бы издательство, лишающееся смысла. Ибо без основной политической

силы статья бессильна. Такой силой я считал его, думая, что он будет неуклонно изменять наследие революции, возвращая Россию на исторические основы. Но в этом ошибся. Он думает, что законодательство 1905—1906 гг. взяло верный тон, и не хочет его исправлять. Это кончится худо, революцией, горше прежней. Потеряв единство с ним, я не могу помешать опасности, а потому и мой каторжный труд, дающий мне только неприятности, совершенно бесполезен.

Ну, это значит начало развязки. Я и вправду охотно бы все бросил. Жаль только, что нечем будет кормить семью. В лучшем случае могу иметь 1000 рублей.

А издавать — бессмыслица. Все недовольны. Эти «правые» — дурачье. С ними все дальше расхожусь. Ни одного поддерживающего министра. Царь — «разочаровался»... Но и я со своей стороны во всех них разочаровался, так что делать с ними мне нечего.

25 апреля. Освящение памятника Грингмуту. Я поехал, но, по идиотским порядкам от комитета, не пущен на кладбище, и уехал домой.

27 апреля. Дела очень скверны. Объявлений вообще мало, упадок. В прошлом апреле было 29 000 р., а в этом теперь 22 000 р., и значит, дай бог, дотянуть до 23 000 р. Очень скверно. Подписка не идет. Вообще полное поражение. Нечего и говорить о полной идейной неудаче издания. За что я гублю себя сверхсильным трудом — совершенно неизвестно...

Вообще, очень странна и бессмысленна моя судьба. Не видно никакого разумного объяснения ее.

18 июня. Ночь. Немало у меня проходит событий, имеющих для меня важное значение, но вечно живешь в такой сфере, по большей части неприятной и тяжелой, что некогда, да и не хочется беседовать с собой в дневнике.

В делах у меня ровно ничего хорошего. Подписчики медленно убывают... Придется, видно, погибнуть «в борьбе с равнодушием публики», как острили в старину. Объявления это время неслыханно скверны. Сверх того — не платят. Я уж просто грешу, подозреваю, нет ли какой-нибудь нечестности моих служащих. Не умею я вести дела, и через это подозрителен, а в то же время, конечно, обманывать и обворовывать меня очень легко. Вообще — никаких отрадных перспектив. Ну, понятно, что никакого влияния газета не имеет и ни малейшей пользы не приносит. Статьи иногда пишу резкие и положительно хорошие, но никакого толку от них нет. Читают и одобряют меня десяток стариков, постепенно вымирающих. Я — последний могикан. Будущего нет не только у меня, но и у дела моего.

Царя нет, и никто его не хочет, да и сам он не верит ни в себя, ни в свое дело, и притом не хочет ничего делать. Вероятно, чувствует себя в бездействии скорее приятно. Вероятно, совесть немножко тревожит, да что совесть! Зато находит себя безопасным, в чем, вероятно, жестоко ошибается.

Церковь... Да и она падает. Вера-то исчезает. Пожалуй, и вправду песенка старой церкви спета. Положение иерархов сходно с положением царя...

Народ русский!... Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства...

А я — ни такому новому народу, ни конституции не хочу служить,

да и не могу. Мне это не интересно. Я нахожу глупой «новую» Россию... Это не Россия, а что-то иное.

Вот каково положение. Ни я ей не нужен, ни она мне. Конечно, в таком соотношении с данной страной, издавать газету глупо и бесполезно. А как же я могу не издавать ее? Во-первых, меня прямо заставили издавать, а во-вторых, все как-то совестно «дезертировать»... А вдруг окажется на что-нибудь нужно? В-третьих, надо же чем-нибудь «жить», т. е. есть — пить. Иной сапоги шьет, иной газету продает.

Стараюсь урываться (по воскресеньям) в посад. Там все-таки лучше: трава, деревья, птицы, собаки, все это прежнее, то, с чем я свой... Бываю иногда в Лавре, у преподобного. Там — все люди переменились, но святыня прежняя, опять же моя... и даже богомольцы (страшно сократившиеся численно) те же, мои, свои мне. Боже мой, сколько там воспоминаний! Каждый камень что-нибудь напоминает, хотя большею частью то, что было, а теперь уже прошло. Все же это частички моей души, пока и я, подобно прочему, не перестану быть.

Об душе бы надо подумать, на покой нужно бы... А тут издавай ненужную газету, тщетно следи за воровством, умудряйся сколачивать деньги, которые от тебя разбегаются во все стороны, как ртутные шарики...

Сегодня у меня статья «Парламентарная Россия». Написано кровью сердца. Столыпин разозлится, царь даже и не прочтет, а если и прочтет, то махнет рукой и пойдет играть с детьми. Два — три старичка меня похвалят. Остальная публика, правая и левая, ничего не поймет и не обратит внимания. Да она и права: стоит ли внимания то, что уже перестает жить, перестало жить?

14 и ю л я. В газете дела скверные. Подписка падает, на объявления и смотреть тошно...

Вообще я начинаю разделять философию Скотинина: с животными лучше, чем с людьми.

Получено известие: вчера, 13 июля, умер Александр Алексеевич Киреев.

Уходят хорошие люди старой России...

15 и ю л я. Телеграмма: умер в Ялте сегодня Клавдий Петрович Степанов...

Все наши умирают, один за другим. А ведь давно ли казался обеспеченным лет на 20 жизни?

Memento mori. Когда-то моя очередь?

19 и ю л я. ...Этот бедный Александр Алексеевич (Киреев) — для меня воспоминание лучшей половины жизни, так печально заканчивающейся... Я не люблю своей молодости: она полна порывов испорченного сердца, полна нечистоты, полна глупой гордости ума, сознававшего свою силу, но недоразвившегося ни до действительной силы мышлений, ни до самостоятельности. Я начинаю любить свою жизнь только с той эпохи (последние годы Парижа), когда я дозрел до освобождения (хотя бы постепенного) от этой ненужной «la hauteur du siècle», стал понимать законы жизни, стал искать и бога... И господь, как будто в помощь мне, послал Александра III, показал, что такое православный царь... Ведь и в личности его не много ярко та-

лантливого, и не сделал многого, что бы должен был сделать гений... Ведь эти нынешние мерзавцы все переврут в истории, все исказят, оклевещут, скроют. Но я-то сам все видел, наблюдал, испытал. Меня нельзя убедить, что не было того, что было, что я видел...

И вот в это время я познакомился с покойным Киреевым. Он тоже не имел никакой остроты ума, искры гения не было. Но какая честная работа мысли!

Он ужасно хорошо подходил к царствованию Александра III, стильно подходил. Я хотя, в первых порывах, заходил немножко далеко в дисциплину (церковную, политическую, семейную), так что Ал. Ал. был «либеральнее» меня, тем не менее был к нему, в сущности, ближе, чем к катковцам. У них эта дисциплина доходила до пренебрежения личностью. Я же всегда выше всего ставил личность, как и Киреев. С ним чувствовал себя легко и приятно. Он же, кстати, открывал мне и в личности своей и в рассказах таинственную для меня область верхней, барской, придворной жизни, так что интересовал.

Мы виделись не часто. Он жил в Павловске, я — в Москве. Но виделись. Навещал и он меня. Мы постепенно вошли в переписку, которая не прекращалась до самой смерти. Иногда она становилась очень оживленной, особенно в худые минуты России.

Ах, они очень скоро наступили! Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего и, конечно, даже не понимал этого, т. е., значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого, «прекраснодушного» типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого «просвещения», с полным незнанием, что такое просвещение.

И вот началась чепуха за чепухой. Начало все распадаться то внутри, то извне...

Общее горе, общая апатия стали меня сближать с Киреевым все более. Я, по незнанию действия центральной пружины, бодрился. Он — стал скоро совсем унывать. Пошла японская война... О, не дай бог никому переживать таких дней... Тюренчен просто убил Киреева: «С Бородина мы не теряли пушек»... Но позор рос. Что такое пушки! Скоро все, все малейшие признаки чести пропали...

И этот гнусный сифилитик душой и телом, этот тип мерзейшего интеллигента, не помнящего духовного родства, — Витте, как отвратительнейший из бесов, возвысился, властвовал, насиловал Россию своим чиновничьим, растлевающим либерализмом и был, как он сам выражался, «престолоначальником»...

Как было русскому, Кирееву, пережить эту постыднейшую из революций, между революциями такую же позорную, как японская война между войнами?

На одну минуту он было ожил духом при третьей Думе. Повторяю,

он не был острым умом, да вероятно уж очень исстрадался и имел потребность поверить во что-нибудь хорошее... Одну минуту он поверил в «русскую» Думу, особенно из-за Н. Хомякова.

Но и эта иллюзия исчезла. Он было воспрянул духом при надежде на церковный собор... Но и это исчезло. Тут мы с ним действовали до последней минуты вместе, ничего не успевая, упорно требуя, стараясь, получая систематически нос ото всех — от царя, Столыпина, архиереев — и все-таки не бросая дела... Так он, наконец, ослеп, а потом и умер.

Боже, боже, сколько ты послал испытаний и страданий, и безнадежность всем, чающим служить твоему делу!

Широкая панорама воспоминаний проходит у меня с Киреевым. Начало — светлая, благоуханная заря возрождения, и потом все хуже, хуже, хуже, все дальше, все глубже вонючее болото, и, наконец, смерть.

11 сентября. Дела у меня мерзки. Издание прямо падает и падает. В довершение я привлекаюсь к суду, по 1034 статье (8 месяцев тюрьмы)...

Это — подлая интрига истинной сволочи комитета по делам печати Истомина (Владимира Аввакумовича), Слепцова и Вознесенского. Эти господа злятся, что я их не печатаю, а что мне делать, когда их статьи — дрянь. Они злятся, что у меня имеет хороший заработок Сидоров, которого ненавидят Истомин и Слепцов. Слепцов — потому что он дрянный чиновник и имеет много неприятностей от Сидорова. А Истомин — потому что Сидоров председатель... Как же: Истомин уже старый дурак, действ. статский, а Сидоров — «мальчишка», коллежский, и вдруг — председатель...

Они тщательно следят, нельзя ли «поймать» «Московские ведомости», и вот нашли глупейшую придирку (якобы нарушение предписания), тайком составили большинство голосов, выбрали такое заседание, когда не было Сидорова и Языкова, и составили «постановление» о привлечении меня к суду. Довольны, радостны, точно сокрушили врага отечества. «Насолили» мне и моему «приятелю», Сидорову... Ужасная дрянь. Но мне-то не легче.

Думаю, что прокурор тоже будет непрочь «насолить» «Московским ведомостям», да и судейские тоже. Люди «либеральные» едва ли воздержатся от удовольствия «закатить» консерватора.

Написал Бельгарду, да он уже и ничего не может сделать, да и вряд ли захочет. Я ведь возбудил гнев самого премьера, и, быть может, не худо меня «проучить»...

Ведь вот курьез мне с этими «Ведомостями». Зачем господь меня кинул в эту каторгу? Не пойму. Пользы — никакой, никому. Мне — одна мука. Какой смысл всего этого?

13 сентября. Сидоров справлялся у прокурора (Брюин де Сент Илер) — о судьбе постановления комитета по привлечению меня к суду. Прокурор ответил, что еще не разобрался в этом деле.

14 сентября. Письмо А. Бельгарда ответное 13. IX 1910 г.

«Глубокоуважаемый Лев Александрович.

И меня привлечение к ответственности «Московских ведомостей» не мало смутило. Сознаюсь, что я был бы гораздо более доволен, если бы комитет занялся другим делом и не поднимал бесцельного скандала из-за «Московских ведомостей», хотя не скрою от вас — я в первую голову предъявляю претензию к вашим сотрудникам,

со стороны которых совершенно непростительно допускать еще более бесцельное нарушение существующего распоряжения и тем вводить в соблазн комитет.

И на старуху бывает проруха — несомненно они проглядели, ибо, если этим прибывшим полкам стоянки назначены по дислокации, значит идет речь о передвижении войск. Сомнение едва ли возможно, что комитет формально мог иметь основание возбудить преследование. Повторяю, что я считаю это бесцельным, и думаю, что было бы гораздо правильнее и полезнее для дела не поднимать шума из-за этой несомненной ошибки «Московских ведомостей». Письмо мое, конечно, имеет столь же частный характер, как и ваше.

Искренно вас уважающий А. Бельгард».

Конечно, безусловно справедливо: глуп комитет, но и мы тоже не умны, проворонивши явное нарушение предписания.

15 сентября. Сегодня день расчетов, самый неприятный, хотя 1-е число еще хуже. Ныне приходится большую часть расходов покрывать казенными объявлениями. Частные крайне захудали по количеству, а уплачиваются еще хуже.

Подписка также каждый месяц систематически уменьшается. Признаюсь, никак не ожидал я такой полной неудачи. Я думал постепенно победить читателей, подобрать свою публику. Но очевидно, что у меня своей публики в России нет совсем. Нескольких сот человек не наберется. Да и сотрудников в моем духе нет. Я — человек прошлого, времен Александра III... Собственно неспособностью своей не могу объяснить неудачи. Редакционная неспособность может и, вероятно, есть. Но ею одной не объясняется дело.

Теперь нужна хлесткость на нервы, а я этого не хочу. Теперь нужна односторонность, а я этого не хочу. Теперь совсем не желают приличия, джентельменства и т. д. А я этого не хочу. Теперь не знают идеала, понятия о нем не имеют, а я его хочу... Разногласия на всех пунктах... При самых гениальных способностях я бы не мог ничего сделать при таком полном разрыве между мною и современной Россией.

21 сентября. Прибыла сегодня Верочка благополучно. Маму она оставила вообще бодрою, но иногда на нее находят жестокие припадки печали. Бедная, сколько близких она схоронила, и все более становится одинокою... Последний раз, после разных странствий, возвратились мы в Новороссийск, кажется, в 1862 г. или 1863. С тех пор 47 лет — это мамина резиденция. Тогда все были молоды, мы были дети... И что осталось? Все уже повымерло, и почти не осталось свежих побегов гниющего корня.

А мама не может, и не хочет, оторваться от своего гнезда, своей старческой хозяйственности, от своих теней, своих могил.

А у меня — больше ли смысла? Нет родов, и мой сохнет. Владимир Соловьев говорил, что у каждого человека есть, по крайней мере, два великих предка — отечество и человечество... Но предков недостаточно: нужно потомство. А потомства этого уже нет ни в отечестве, ни в человечестве, они уже не потомки наши, а что-то новое.

И в этом лесу сухих корней отечества и человечества мой собственный корень также высыхает, и не видать из него свежих побегов... Один Коля может еще продолжить род... но продолжит ли? Да, пожалуй, и к чему мне род, если он должен или погибнуть или присоединиться к судьбам гниющего отечества и человечества?

Третьего дня проехал Столыпин. С ним, в величайшей таинствен-

пости, виделся протоиерей Восторгов. Его ввели для приема и спрятали во внутренней комнате, где он просидел до конца приема, и когда все ушли, был введен к Столыпину, с которым и провел более часа.

Что означает сей сон?

23 сентября. Вчера проезжал Евгений Богданович с женой и, конечно, непременно потребовал, чтобы я с Верой у него завтракали в его неизбежном Дрездене, с неизбежными растегаями от Тестова. Ну, пришлось пойти, потешить старика. Он из Крыма, ничего петербургского не знает, так что ничего интересного... Впрочем, где его взять, интересное. Скучная жизнь русская. Пожалуй, Нилус и прав, что антихрист явится чуть не завтра...

А Столыпин учится летать на аэроплане. Это, по крайней мере, веселый человек и всем доволен.

4 октября. Катя уехала в посад. Сегодня внезапно умер (разрыв сердца) Муромцев. Вот и «левые» сердца не выдерживают... Правда, что Муромцев был достаточно умен, чтобы хоть после пуфа выборгского воззвания сказать: «Кажется, я сделал самый глупый шаг в жизни...» Это мне передавал его добрый знакомый Кузнецов.

Однако все «кадеты» тем паче встрепенулись. Говорят, готовят грандиозные демонстрации на похоронах. Хотят хоронить в Донском монастыре. Путь длинный, можно много нашуметь. Тут были перед самой «революцией» похороны Трубецкого. У революционеров смерти происходят очень удачно. Кн. Трубецкой умер со списком 300 студентов, которых на утро должен был предложить министру арестовать и выслать. Он уже понял, каким отребьем захвачено студенческое движение, ему дорогое только в благородных составных частях. Он уже разочаровался и внезапно умер. Революция блестяще эксплоатировала прах человека, уже отшатнувшегося от нее.

То же самое будет с прахом Муромцева, уже отшатнувшегося от революции...

У меня сегодня был А. А. Нейдгардт. Он очень по виду ослабел и смотрит уныло. Надежды, действительно, блекнут все более. Однако все же воюет и меня подстрекает писать письмо государю... Оно, конечно, отчего не попытать, да что толку? Государь, повидимому, тоже стареет, не находит смелости на какие-нибудь шаги, способные вызвать беспорядки. Он никогда не имел воли, а уж теперь и подавно.

Ничего не может выйти... хотя, может быть, я и напишу для очистки совести. Беда в том, что государю нужны не идеи, которых у него самого достаточно, а сила, которая могла бы за него все сделать. На голос такой силы он бы, может быть, отозвался... Но силы этой нет нигде, и уже, конечно, не я же могу быть или даже казаться ею! Я правду сказал Столыпину, что у меня была единственная надежда — это он, Столыпин, надежда на то, что он изменит взгляды. Он бы мог быть или казаться такой силой. А раз он остается при своей политике, я не вижу ни единого подобия опоры.

Была у меня еще надежда на собор... Я и теперь стараюсь его собрать. Но ведь и собор ничего не сделает без искомого «человека». А «человеков»-то и нет нигде.

То глупы, то тряпки... Не видать ниоткуда человека, по крайней мере человека — божья посланника. Вот разве, скорее, антихрист придет, как говорит Нилус...

Экое подлое, истинно антихристово время!

5 октября. По слухам кадеты ведут очень серьезные приготовления к грандиозной демонстрации на похоронах Муромцева. Говорят, в горячих слоях слышны песни на мотив «Вставай, подымайся, рабочий народ». Из административного мира говорят, слухи, что Адрианов, по его словам, не допустит демонстраций. Модль же, говорят, очень смущен. Епископ Анастасий не знает, как и быть: зовут хоронить, отказаться неловко, а попасть на революционную демонстрацию — тоже мало радости.

13 октября. Насчет издательских дел скверновато. Совсем что-то падает газета. «Московские ведомости» разделяют участь «Русских ведомостей», которые также падают. Мы — дети прошлого, мечтаем об органах серьезных, культурных, но на это нет публики. Публика всех партий требует бойкости, хулиганства, знаний не может ценить, невежества не замечает... А «Русские ведомости», видимо, как и я, не хотят понижаться... и гибнут. Мое положение еще хуже, потому что я не хочу и партийной нечестности, которую «Русские ведомости» широко признают и практикуют. У них есть поэтому все-таки более единства с нынешними читателями. Я же не имею уж прямо ни единой точки, общей с публикой. Вероятно, я погибну все же раньше их.

4 ноября. Сегодня я поставил свой «кабинетский вопрос»: отправил В. А. Дедюлину следующее письмо (конечно, заказное): «Ваше превосходительство, многоуважаемый Владимир Александрович. Предполагая, что во время путешествия очень трудно следить за печатью, я прилагаю при сем четыре №№ «Московских ведомостей» с теми статьями, которые весьма бы желал довести до сведения его величества. Три из них мои передовые по предмету реформы народного при верховной власти представительства. Вместе с тремя статьями прошлого года, которые тут же прилагаю в оттиске, они исчерпывают в общем виде преобразования, которые нам необходимы для того, чтобы намерения государя императора, искаженные его советниками (более заслуживающими названия его изменников), были осуществлены в действительности, не потрясая престола и основ российского государства, но их усовершая и утверждая на славу его императорского величества, как преобразователя.

Четвертая статья есть та важнейшая часть речи члена Госуд. думы Львова, которая была замолчана и в Думе и в печати и которая раскрывает смысл прав церкви в русском государстве и сущность прав государя императора в русской церкви. Эта речь выясняет положение церкви, каковое она должна иметь в прежнем и в преобразованном государстве нашем.

По моему глубокому убеждению, посылаемые мною статьи должны быть доведены до высочайшего сведения.

Вы знаете и верите, конечно, многоуважаемый Владимир Александрович, что я и на службу пошел и за редакторство взялся с единственной целью послужить по мере сил восстановлению нашего политического строя, который при надлежащем усовершении мог бы быть образцом для всех народов земных, а вместо того поставлен на путь разрушения. Тяжкий труд ведения порядочного органа в настоящее время надрывает мои силы с каждым днем больше и, конечно, сократил мою жизнь до какой-то чрезвычайной степени. Он так истощает,

что я лично для себя готов ежеминутно с радостью оставить его, как я это заявил в письме П. А. Столыпину. Если дело восстановления действительно усовершенного царства русского не двинется вперед, если вместо того у нас закрепляется шаг за шагом парламентаризм, подрывающий и царскую власть и православную церковь, то мне нечего делать ни в «Московских ведомостях», ни в какой бы то ни было общественной деятельности, а остается удалиться в тишину и позаботиться о спасении своей души, в очень близком будущем имеющей предстать на суд выше человеческого.

Посему мне так и желательно довести до сведения государя императора означенные статьи.

Я очень желал бы испросить у его величества дозволения лично выслушать его решение моей судьбы. На все его воля, он, а не мы, поставлен на царство. Но и самый малый человек может делать лишь то, что ему указывает совесть и сознание долга. Если то, что мне говорит совесть, по высочайшему решению есть ошибка, то не вижу, для чего я должен истощать силы в бесполезном труде.

Я располагаю приехать в СПБ. Так как все мои дела в столице совершенно зависят от коренного вопроса, выше изложенного, то я бы очень желал знать, могу ли рассчитывать иметь счастье увидеть императора. Не полагаю, чтобы этому могло способствовать мое начальство, не хочу итти без надобности и против начальства. Но воля государя одинаково решительна и для начальства и для меня. Если бы его величество пожелал меня вызвать к себе, то никаких разговоров с начальством не могло бы возникнуть.

Я очень прошу вас, многоуважаемый Владимир Александрович, быть столь обязательным осведомить меня до моей поездки, думаете ли вы, что я мог бы достигнуть осуществления указанного желания моего или, вернее сказать, величайшей нравственной потребности моей.

В заключение свидетельствую и т. д.»

Если государь не пожелает меня вызвать, мне, значит, остается одно: бросить «Московские ведомости», выйти в отставку и удалиться на сухоядение «под сень струй». Конец неведомо зачем бывшим приключениям.

Да и пора. Жаль только, что семья не обеспечена достаточно. Но на «сухоядение» хватит.

7 ноября. Умер гр. Лев Толстой. Странный конец жизни... Тут чувствуется какая-то борьба за душу. Ему как будто хотелось примириться с церковью, но сатана крепко держался за него.

8 ноября. Сегодня Толстой буквально замучил. Известия о возможности снятия отлучения по смерти, без раскаяния, меня взволновали. Я рано утром отправил две телеграммы:

1) СПБ — митрополиту Антонию. «Умоляю ваше высокопреосвященство не допускать деяния, угрожающего расколом церкви».

2) Тула — преосвященному Парфению. «Слухи о возможности панихиды удручают. Это грозит расколом».

Преосв. Парфений ответил телеграммой, что он ничего не разрешал, и вызвал меня на вокзал, где должен быть проездом в СПБ.

Я и был у него в вагоне в 7 часов вечера. Вокзал битком набит студентами и барышнями, стремящимися в Ясную Поляну. Почти невозможно протащиться. Это — депутации и добровольцы. Вообще

интеллигенция Москвы, и в том числе жирное купечество, сходят с ума, их разжигает. Да их легко разжигать.

Парфений сообщил тульское административное известие, что Столыпин, под давлением массы требований, полагает разрешить провоз тела через Москву! Это было бы сверхглупостью.

Однако вечером газета получила объявления университета и Городской думы, что похороны будут 9 числа, т. е. завтра.

Изумительно пустая, легкомысленная страна — нынешняя Россия. Прямо ветром подбитые головы.

Парфений же сообщил, что настояния Столыпина истекли из Царского Села. Государь выразил горячее желание, чтобы Толстой (тогда, конечно, еще только заболевший) был принят в лоно церкви. Ну, понятно, Столыпин стал давить на Лукьянова, Лукьянов на архипастырей, а архипастыри уже известно — «рады стараться». Малые, малюсенькие души. Ну, уж и времена!

9 ноября. Ночь. Ну, вероятно, погребение Толстого кончилось. Оказалось, конечно, вздором, что его повезут через Москву. Впрочем, получены лишь первые телеграммы из Ясной Поляны, как его несут на место погребения — очень нехорошее название: Фанфаронова гора... Теперь, конечно, переименуют как-нибудь повеликолепнее.

В Москве было все тихо. Интеллигентные общества посылали телеграммы. Два осла, оба старообрядца, Рахманинов и еще кто-то вывесили на своих двух домах черные знамена, которые были, впрочем, немедленно сняты полицией. В двух местах, около университета и около дома Толстых, кучки молодежи, человек по 150, пытались отслужить какие-то «гражданские панихиды» с пением «вечная память», но полицией были разогнаны и переписаны. «Явное и дерзкое» неповиновение полиции при этом проявили лишь два гимназиста VII гимназии и «регент гражданской панихиды»... Вообще — совершеннейший вздор. Да Дума отсрочила заседание «в знак скорби», и книжные магазины были тоже закрыты...

«Московские ведомости» разошлись в розничной продаже в 2000 экз. вместо обычной 1000. Но думаю, что публика осталась разочарованной. Наверное, ждали какой-нибудь ругани, а я выпустил номер самый «корректный» и даже советую не ругаться и не спорить над могилой.

За одно ныне достаточно возблагодарить господа: что спас церковь от самооплевания. Синод подтвердил свое определение об отлучении Толстого и воспретил служить панихиды и литии по нем.

В первом часу ночи пришли окончательные телеграммы. Толстой предан земле в 4½ часа.

10 ноября. Госуд. совет почтил Толстого вставанием. Завтра будет у меня очень резкая статья по поводу речи Акимова, к этому почти насильно увлекшего совет.

Телефон сообщает о довольно-таки серьезных «толстовских» беспорядках в СПБ. Кричали: «Долой смертную казнь», вывешивали черные, белые (?)[1] и красные флаги. Потребовались атаки конных жандармов, сабли наголо... Здесь, в Москве, градоначальник также расклеивает плакаты с воспрещением толпиться и с угрозами строжайших мер. Наше кисляное правительство, пожалуй, доведет до новой революции скорее, чем я ожидал. Да, повидимому, этот строй не в

[1] Так в подлиннике.

силах ожить и «обречен року и Немезиде», как выражался Карамзин.

Есть за что выступить и Немезиде. Полное забвение каких бы то ни было принципов и исключительно «шкурный» интерес сверху донизу власти. Не пробудишь ни совести, ни разума.

13 ноября. Беспорядки повсюду идут crescendo. Сегодня в университет уже была введена полиция для разогнания самовольной сходки.

На завтра, воскресенье, ждут больших демонстраций. Полиция готовится. В градоначальстве был ночью своего рода «военный совет».

Повидимому, революционные организации начинают снова серьезную работу. Вероятно, нужно набрить по обычаю рекрутов из студенчества... Как это все идет по одному шаблону и однако систематически удается.

Моя статья против Акимова вышла, кажется, убийственной, при полнейшей «корректности» внешней формы. Этот № 261 «Московских ведомостей» я послал в 17 экз. разным лицам в СПБ. Имею порядочно выражений почти восторга. И как всегда при особенно блестящих ударах моих — абсолютное молчание печати. Да и невозможно возразить: уже очень логично я его разнес вдребезги.

Мама выезжает сюда 18 ноября. Не напоролась бы прямо на революцию. Хотя, вероятно, это еще не сразу сфабрикуют. Я, конечно, ждал и жду повторения 1905 г. при Столыпинской размазне, но, вероятно, все же надобен годок, чтобы раскачать публику и главное — подобрать свежие боевые силы, не истрепанные прошлым.

Вчера был у меня проездом Ипполит Гофштеттер с юга в СПБ. Рассказывал, что Гришка Распутин «вполне оправдался» перед царем и царицей, был у них и пользуется «громадным влиянием» и «нежной любовью». Ипполитке это по сердцу, он и сам обожатель Гришки... А мне он всю душу перевернул. Не спастись им. «Мани, факел, фарес». Уж какое тут царство с Гришками Распутиными!

14 ноября. Сегодня были демонстративные шествия, но, повидимому, незначительные. Около нас проходила тоже толпа, которая была прогнана со Страстной площади, и думаю, что она не превосходила человек 300—500, составленных на две трети из студентов университета и трети женщин, 5—6 студентов техников или лазаревцев (золотые вообще), да небольшое количество просто каких-то «штатских». Рабочих не видать.

Часа в 2½ около нас провели человек 20—30 арестованных студентов, под конвоем городовых и трех конных стражников.

Пустячки... Но лиха беда начало: начнет, конечно, разрастаться...

19 ноября. Пятница. Вечер. Через два часа должен двинуться на вокзал. Столыпин назначил мне прием в воскресенье, 12 часов дня. Я собственно не просил его, а только поручил Бельгарду разузнать, расположен ли он видеть меня, когда я приеду? В ответ телеграмма Бельгарда: «Примет в воскресенье, в 12 часов»... Хочешь, не хочешь, поезжай. А от Дедюлина ни звука.

29 ноября. Понедельник. Сегодня в 9¾ утра возвратился из Петербурга. Пробыл там 8 дней, видел немало людей.

Был в Национальном клубе на обеде, потом на концерте.

Наслушался всякой штуки до одурения. Между прочим — сильные интриги против меня...

2 декабря. По приезде сразу погрузился в такой омут дел, что

до сих пор не в состоянии записать своих петербургских впечатлений, вообще отвратительных.

Против меня ведется у Столыпина очевидная интрига, недалеко от которой и мой Бельгард. Столыпину, очевидно, делают самые фальшивые доклады, выбирая отдельные строчки из «Московских ведомостей». Столыпин резко упрекал меня в «революционности» моих статей, в подстрекательстве общества на ниспровержение правительства, в восхвалении силы «кадетов». Слушать тошно...

В подкладке неудовольствия Столыпина лежит однако другое, о чем он не посмел сказать иначе, как мимоходом, а именно мое поведение в отношении нелепых толстовских «увлечений». Оказывается, как я узнал из самых подлинных источников, что во главе этих нелепостей стоял сам Столыпин. Моя же статья против Акимова наделала много шума и подорвала эти глупости, а стало быть, и самого Столыпина. Вот в чем «революция».

Столыпин, воображая, будто бы за Толстого вся Россия, решил «пойти навстречу общественному мнению», чтобы тем предотвратить «увлечения». Чепуха ужасная. Поэтому он опубликовал царскую памятку на докладе о смерти Толстого и подбил Акимова «почтить» Толстого в Госуд. совете. Он же согласился поддержать «национальное чествование» Толстого покупкой на казенный счет Ясной Поляны. На всех этих глупостях он получил поражение. Оказалось, что государь отнюдь не похвалил Акимова, который, конечно, и остался очень недоволен на премьера за внушенную ему глупость. А относительно выкупа Ясной Поляны Коковцов заявил, что не даст 2 миллионов, требуемых Львом Львовичем Толстым. Он отнесся насмешливо к «общественному мнению» и сказал, что, во-первых, никакого «общественного мнения» в данном случае нет, а во-вторых, правительство должно делать свое дело, а вовсе не ходить навстречу общественному мнению. Ясная же Поляна стоит не 2 миллиона, а всего 200 тысяч. Столыпина пугают, будто американский банкир Шифф хочет купить Ясную Поляну и что там устроит народный университет, посредством которого будут бунтовать народ... Все это, сказал Коковцов, просто шантаж. Нет такого дурака, который бы дал за Ясную Поляну 2 миллиона, да и вреда России от этого никто не может делать. Коковцов в том же смысле говорил, очевидно, и с государем и в совете министров начисто отказался давать деньги. И вот Столыпину пришлось, во-первых, скушать это кушанье, а во-вторых, принимать меры, чтобы погасить в Думе им же выдуманное дело. Я слыхал, что в Думе и не будет поднят вопрос о «национальной покупке» Ясной Поляны. Как-нибудь оттянут. Но показано, как нелепо вышло положение Столыпина. Он срезался на Толстом в совете и в Думе.

Понятно, что он не может быть благодарен мне за ту каплю моего «меду», которую я привлек в это дело!

Положение правительства в СПБ самое скверное. Столыпин не умеет объединять министров, и они с ним на ножах, как и между собой. Эта анархия министров отражается и на их чиновниках. Все ждут чего-то скверного, а Столыпин утверждает, будто все обстоит превосходно.

В довершение в Думе значительная часть октябристов согласилась с кадетами, что надо вести Думу к роспуску...

11 декабря. Некогда записывать. Устаю. А между тем масса интересного, хотя на подбор скверного и печального... Ведь вот даже

Петербурга не записал, а теперь уже и не запишу, ибо каждый день приносит новые заботы.

У меня теперь критическое время — подписка. Скверная. Все дни систематически ниже прошлогодней. Сегодня, как бы для того, чтобы бросить мне луч света, сравнялась с прошлогодней, но это какая-то случайность. Несомненно, что в понедельник окажется человек на 40 меньше... Так чуется по общему движению цифр.

12 декабря. А студенческие-то волнения! В Одессе уже дошли до пальбы, кровь городовых уже пролита. Шибко идут. Теперь будут, вероятно, раскачивать рабочих. Ах, Петруша, Петруша, как бы ему не дожить до второй революции.

14 декабря. Ну вот, наконец, мои статистические предвидения начинают осуществляться. Сегодня общая сумма подписчиков уже на 10% ниже прошлогоднего 14 декабря. Завтра жду еще худшего, и, кажется, можно уже почти наверное предвидеть на 20% уменьшение против прошлого года (который в свою очередь дал уменьшение сравнительно с 1909 годом). Умирает газета хронически...

Бельгард говорил мне, что я плохо веду осведомительную часть и оттого, что жалею денег. «Надо, — говорит, — раскошелиться», и сейчас же начал мне навязывать Грибоедова, которого Столыпин приказал уволить из осведомительного бюро за подозрение в причастности к делу Унгерн-Штернберга... Вот они все такие негодяи, эти советчики. Знаю, что каждый желает очень охотно, чтобы я «раскошелился». Да я тоже не дурак...

Осведомление у меня плохо, но беда в том, что это зависит не от денег. Денег бы можно было прибавить. Но людей — не найдешь. Самое же главное, что никаким (доступным мне) осведомлением читателей не привлечешь, пока я держу тон монархический, православный и приличный. Только став на «хулиганскую» почву сплетни и ругани, можно иметь читателей.

А я этого не хочу.

15 декабря. Сегодня вызвал меня Адрианов, «экстренно» и «совершенно доверительно». Оказалось, что в СПБ просят ничего не писать о Распутине-Новых.

Это прямо ужасно. Дело в том, что Столыпин его терпеть не может, так что это идет не от Столыпина... Значит? Значит он опять водворился в Царском Селе. Сведения Гофштеттера значит были верны. Это ужасно. Прямо, полная дегенерация.

25 декабря. Вчера встретили праздник тихо, по-семейному, но впрочем благодушно.

Разговоры-то не очень праздничные. Слухи о «боевых дружинах», о забастовках. Говорят, к февралю готовится возобновление революции. Мудреного нет. Столыпин, кажется, один преисполнен бодрости и уверенности, что все идет к лучшему...

31 декабря. Ну вот и новый год... С 1 часу дня начнется выпуск новогоднего номера. Он очень отрицательного характера в отношении начальства.

Относительно подписки излишне говорить. Вчера она опустилась уже ниже прошлого года, а сегодня, по соображениям, должна еще более опуститься. Как говорилось в старину: погиб в борьбе с равнодушием публики.

Ничего не поделаешь.

1911 г.

1 января. Послал вчера, т. е. 31 дек., поздравительные телеграммы: Столыпину, Щегловитову и Коковцову. Столыпин очень любезно ответил телеграммой же в тот же день около 6 часов. Странная душа! Давно ли мы с ним ругались? Да, он все-таки очень хороший человек, и дай ему господь понятие православное. Это главное, что ему недостает...

15 января. Ну, подписка уменьшилась на 200 человек с хвостом! Дела дрянь. Да и вообще — все нехорошо...

27 января. Сегодня Сидоров возвратился из СПБ и по телефону сообщил, что, по предупреждению Бельгарда, меня скоро должны вызвать в СПБ, именно в Царское Село.

6 февраля. Ну, из СПБ нет никаких приглашений. А я их опять огорчил. Написал статью об о. Илиодоре, начавшем «голодовку» в Царицыне. Статья-то, сам чувствую, хороша, и многие говорят, но в результате я все-таки обвиняю обер-прокурора и говорю, что Илиодора можно оставить на месте. А говорят, будто в Царском Селе очень вооружены против Илиодора, и Столыпин за Лукьянова... Ну, бог с ними, надоели они мне хуже горькой редьки.

3 марта. Третьего дня приехал Бельгард, и хотя ему немедленно написал, прося назначить свидание, до сих пор ни привета, ни ответа, ни звука. А завтра он уже собирается уезжать в СПБ.

Он здесь, кажется, больше из-за «инцидента» графини Толстой. В напечатанном ею томе сочинений мужа (Льва Толстого. есть не допускаемые законом места (крайне дерзкие письма государю). Комитет наложил арест... Бельгард приехал спасти Россию «от европейского скандала», как он выражается. Они прямо помешанные, эти наши власти, в своем холуйстве перед Толстым. Бельгард уже виделся с графиней, ведет какие-то переговоры. Вероятно, спасения России достигнут тем, что из книг вырежут несколько страниц и освободят от ареста, а на экземпляры, уже разошедшиеся, закроют глаза.

Право, кажется, на всем свете нет людей ничтожнее и презреннее современных русских. И подумать, что этим холуйством заражен Петр Аркадьевич Столыпин!.

4 марта. Вечером говорил со мной по телефону Бельгард. Объяснял делами невозможность повидаться, был весьма любезен и звал в СПБ. Неужели там мои шансы не так еще плохи?

7 марта. Часов около 8 получил телеграмму от Тихменева о падении Столыпина. «Несомненный факт: в субботу в Царском Селе премьер вручил прошение об отставке. До сегодня ответа не было, сегодня он выехал опять в Царское Село, где разрешится. Говорят, премьер — Коковцов, внутренних дел — Трепов — Тихменев».

С тех пор и вот до 2 часов ночи не имеем точного подтверждения. По сведениям градоначальника, отставка принята. Но ничего вполне достоверного доселе не получено. О министре внутренних дел слухи разные: говорят о Штюрмере, о Курлове... Есть даже слухи об уходе Кассо, с назначением Платонова...

И все это из-за национальных курий в западном земстве! Ну, Столыпин уходит с честью — за право русского народа.

Получено также известие об убийстве в Пекине русского посла

Коростовца. Деятель был плохой, но событие — крайне усложняющее все дела и отношения [1].

8 марта. Всю ночь не дали спать — телеграммы за телеграммами. Утром установил телефонную связь с СПБ, говорил с Бельгардом. Утверждает, что принятие отставки совершилось. Но не скажу, чтобы я очень доверял Бельгарду. Так он не знал (от меня узнал) о поездке Ширинского в Царское.

Я отправил Столыпину телеграмму:

«СПБ, Петру Аркадьевичу Столыпину. Приношу дань глубокого уважения до конца стойкому защитнику национальных интересов».

Написал даже (завтра явится) передовую, сочувственную Столыпину и порицательную тем, которые из-за желания низвергнуть противника жертвуют национальными интересами. Особенно ругаю Витте.

Вероятно, статья не понравится П. Н. Дурново, но не хочу подличать. Пусть Столыпин увидит, что я сообразуюсь не с успехом, а с правдою. Я не боялся спорить с ним, когда он был всемогущ, и не боюсь защищать его, когда его низвергли.

Был у меня Похвистнев. Он считает возможным, что Коковцова назначат временно до конца Думы, а после того назначат Дурново, который произведет coup d'état, перекроит законы 1906 г. о Думе и совете.

Этому я бы вполне сочувствовал, и тем более рискую, порицая в статье низвержение Столыпина (т. е. Дурново). Но — что делать? Правда обязательнее всего.

9 марта. Ответ Столыпина: «Спасибо на добром слове. — Столыпин».

12 марта. Ф. П. Степанов, возвратясь из СПБ, передал мне, по поручению кн. Ширинского, жесточайшую его ругань за «поддержку» Столыпина и за «клевету» на правых, которые, дескать, и не думали об «интриге» и о низвержении Столыпина... Нехудо! Я отвечаю: «Если они даже об этом не думали, то о чем же они думали?».

Ужасно подумать о страшном разгроме группы Дурново. Сам Дурново и Трепов уволены в отпуск... Это уже даже нехорошо со стороны Столыпина, т. е. глупо. Он начал действовать проскрипциями. Государственный совет унижен. По слухам, Столыпин будет исправлять на будущее время списки членов совета. Это — полное подчинение Столыпину самого монарха. Государственный же совет на-днях должен будет принять законопроект, который он только-что отверг 130 голосами против 23! Возможно ли большее самооплевание?

Можно ли быть такими идиотами, чтобы, имея могущественнейшую фракцию в 71 человек высших «персон», уложить все это в ничто за пять дней? Мыслимо ли было отдавать русских во власть полякам?

И они, дураки, еще меня ругают! Они ругают Столыпина. Но кого можно ругать, как не эту компанию дураков? И, конечно, Дурново (да и Ширинский) рисковали всем, лишь бы свалить Столыпина. Это — единственное оправдание их безумного поведения. Они все поставили на карту, в том числе свое групповое существование, они откололи от себя 48 человек и дали коалиции 20 лишних голосов. История Мазепы... Но карта бита, и они рухнули во прах!

---

[1] «На другой день опровергнуто» (примечание в подлиннике).

Столыпин теперь стал тем престолоначальником, каким называл себя когда-то Витте. Собственно говоря, все-таки непостижимо, почему государь отдал всех на расправу Столыпина и сам ему так беспредельно подчинился?

Говорят, Столыпина поддержала вдовствующая императрица. Но зачем же итти так беспредельно далеко?

Теперь трудно себе представить все последствия неслыханного разгрома правой группы совета. Конечно, наряду с рабским страхом перед проскрипциями, кипит жгучая ненависть. Конечно, Столыпину теперь одна дорога — к левым. А дальше? До чего он дойдет? Видно все, действительно, идет к революции 1812 года[1], и в России нет сил этого избежать. Я теперь не вижу ни малейшей на то надежды.

15 марта. События крутятся, как пыльный вихрь. Столыпин решился взять рекорд глупости, начал проскрипции своих врагов, провел законопроект по 87 статье, распустив для этого законодательные учреждения на три дня! Разумеется, Дума стала на дыбы, а Столыпин в довершение этого «государственного озорства» (как сострил повеселевший Дурново) заявляет, что это он «борется с реакцией». Ерунда несосветная! И ко всему этому Столыпин привязал высочайшее имя...

Ну, уж и государственные люди!

Пришлось мне, хотя избегая задирательного тона, отшлифовать своего Петра Аркадьевича...

Еще страшнее было то, что наш ультиматум Китаю несколько дней всех держал в страхе войны. Но, слава богу, кажется, Китай еще слабее нас и — сдрейфил. Надолго ли? Но мы живем теперь завтрашним днем и довольны, если завтра не грозит гибель.

18 марта. Очень важные сведения из СПБ об доносе Столыпина насчет «реакционного заговора»... Хорош заговор! Но все программы монархических союзов явно и печатно требуют восстановления самодержавия. У меня целый ряд статей посвящен доказательствам безусловной необходимости изменения учреждения Думы и избирательных законов. Сам Столыпин их изменил 3 июня. Какой же тут «заговор»? Множество лиц, при всех аудиенциях, единолично и в депутациях, просили государя изменить учреждения 1906 года. Какие же тут «окольные пути»?

Не ожидал я, чтобы Столыпин в пылу борьбы мог унизиться до явно лживого доноса и целое движение, явное, открытое, представить заговором... Вот тебе и рыцарь! Я удивляюсь только одному: как можно было сказать государю о заговоре, как государь мог слушать и верить? Ведь он превосходно знает, что все «правые» кричат и говорят о необходимости изменить законы 1906 года, так что какой же тут может быть «заговор»? Непонятно.

19 марта. Сегодня абсолютно никаких известий из СПБ. Что у них делается, — неизвестно; вероятно, никто еще не успел окончательно оболгать другого.

22 марта. В СПБ все, видимо, приходит в порядок. Оказывается, что все хороши, все заслуживают доверия, все им пользуются. Вообще все обстоит благополучно.

Противное время, тошно о нем думать. И — нет этому конца. Теперь

[1] Так в подлиннике.

видно уже, что нет конца... Мы осуждены влачить это жалкое существование, пока не явится новый руководитель.

24 марта. Идут телеграммы о запросе в Госуд. совете. Интересно... но не спрашиваю себя «что будет?». Я совершенно убежден, ничего не будет. Немножко побранятся в совете, немножко побранятся в Думе, но все стороны останутся на своих местах, никто не полетит, останется и Дурново с прочими «заговорщиками», и Столыпин и

будет править нами

Попрежнему...

Думается мне, что мы осуждены на гниение в своем болоте на неопределенно долгое время... разве случится революция или война. Тогда опять все полетит вверх тормашками, и можно ли надеяться, чтобы хоть тогда Россия вышла на какой-нибудь определенный путь развития? Пожалуй, все-таки нет...

Никогда не было так ясно видно непостижимое могущество самодержавия, которое, кажется, не может разрушить только самого себя. Разве, если допустить кадетов захватить диктатуру и водворить республику гильотиной...

25 марта. Государственный совет постановил сделать запрос. Правительство обдумывает свой ответ, и в промежутке тихо.

А там, в Царицыне, Илиодор не выходит из алтаря, там сторожат его... Посланные от мира хлопочут в синоде с прошением от 13 000 человек об оставлении его. Я сегодня написал статью в защиту прошения, но она явится уже поздно.

27 марта. Какое странное, почти невероятное происшествие! Вчера я телефонировал с ген. Богдановичем — ехать ли мне в СПБ; он ответил, что нужно ехать. Сегодня телефонировал с Бельгардом о том же. Говорит: «Нужно ехать». Я решил ехать во вторник и поручил Бельгарду сказать об этом Столыпину (у него доклад во вторник же)... И вот сажусь готовиться, собираю здесь статьи, отдал распоряжения Шредеру (он заходил утром)...

И вот среди этих хлопот приносит околоточный вызов на 30 марта к судебному следователю по какому-то примирительному разбирательству дела с какой-то Татьяной Архиповной Окулич! Я никакой Окулич и в глаза не видал и не могу даже припомнить такое имя... Что за умопомраченье?..

Сейчас же бросаюсь к телефону спросить у следователя разъяснения, целое утро звонил — не дозвонился, послал записку с рассыльным, и следователь (Добрынин Ник. Павл.) оказался отсутствующим. Итак, полная неизвестность, и ясно только одно, что все планы разрушены.

Но что это за Татьяна? Шантаж, что ли, какой?

Ночь. Сегодня много раз пытался вызвонить следователя, послал ему с рассыльным письмо, и вот так и остался в неизвестности. Нет его дома до сих пор.

28 марта. Наконец, стелефонировался с судебным следователем утром. Оказывается, учительница, обиженная в № 48 «Московских ведомостей» письмом о ее «толстовском» направлении. Ну, это, по крайней мере, ясно. Только, какое же может быть «примирение»?

Следователь согласился отложить дело до моего возвращения из С.-Петербурга.

3 апреля. Утром возвратился из СПБ, куда выехал 29 марта.

Видели там: 1) Бельгарда, 2) Щегловитова, 3) Коковцова, 4) Григоровича (нового морского министра), 5) Толмачева (одесского градоначальника), 6) Кутузова, 7) Богдановича, 8) митр. Владимира, 9) о. Кронида, 10) Роговича, 11) гр. Головина, 12) Недачина, 13) Чарыкова, 14) Замысловского, 15) Шечкова, 16) Тихменева.

Это были дни запроса в Гос. совете, весь СПБ полон этой единственной заботой. Все это страшно мешало чему-либо деловому. Впрочем, кое-что все же сделал. Что касается перипетий «кризиса», — узнал все досконально, и поведение Столыпина, к несчастью, крайне нечестно. В борьбе за власть он окунулся в интригу, ложные доносы, мщение и полную некорректность в отношении товарищей.

Едва ли он сейчас слетит, но он потерпел нравственное поражение, утратил то, чем был силен, — веру в его благородство.

27 апреля. Был на примирительном разбирательстве у судебного следователя. Окулич не пришла, прислала поверенного — некий Овчинников, помощник знаменитого Ледницкого. Конечно, никакого «примирения» не состоялось. Эти господа, очевидно, хотят какого-то политического скандала, а Окулич просто пешка в их руках.

Будет суд.

8 мая. Завтра собираюсь ехать в СПБ. Уже взят билет. Там у меня не радость. Опять ругаться со Столыпиным.

Сегодня неожиданно приехал Бельгард, был у меня часа $1^1/_2$, и все время спорили.

Вечером был Савенко. Он не идет ко мне, остается в Киеве, подготовляет выборы от националистов, да и сам собирается в 4 Думу.

14 мая. Сегодня возвратился из СПБ.

В СПБ видел многих. Центральный пункт составляет свидание со Столыпиным. Была страшная баталия по поводу моих «нападений» на него. Я тоже разгорячился и доказывал ему необходимость изменения основных законов. Свидание было 13 мая, в $3^3/_4$ часа прервано посещением бухарского эмира, возобновилось и продолжалось до 7 часов.

Расстались все-таки без ссоры, и он обещал даже исхлопотать мне представление государю. Он однако прямо сказал, что и раньше говорил обо мне государю (два раза), но государь на это ничего не выразил, т. е., другими словами, вероятно, ему не угодно меня принять. Это ставится в связь с моими статьями против известного «блаженного старца», которого он считает очень хорошим, чуть не святым... Главное же — он не хочет, чтобы об этой личности говорили. Ну, я-то в чем же виноват? Ведь я не знал этой воли государя императора.

Теперь в СПБ положение до невероятности запутанное. Bellum omnium contra omnes. Против Столыпина и Дума и совет. Относительно значения Саблера говорят, будто его выдвинула государыня императрица Александра Федоровна.

Впрочем, некогда всего записывать. Перевидал так много лиц и наслышался так много рассказов, а теперь уже ночь, надо спать.

3 июля. Вот каков мой дневник: по два почти месяца не записываю. Некогда. О делах общественных и политических тошно не только писать, а даже думать. Совсем запаршивела Россия. Интересно знать: способна ли она еще воскреснуть, если наступит другое царствование? Уж и не верится. Да притом это царствование еще долго протянется.

Ну, а лет десяток еще уже старой России и следов не останется. Finis Russiae. И прежалкий. Казалось бы, мы заслуживали чего-нибудь все-таки более приличного.

Ну, а моя газета? Плохо, очень плохо. Чахнет. Не удовлетворяю публику. Да и права она, как прав и я. Самое бы правильное — оставить издание, да и это не легко.

6 июля. Послал Столыпину длинное письмо, в котором советую ему стать во главе реформы законов 1906 г.

Делаю это для ясности положения и отношений, к сожалению, без малейшей надежды на то, что он поймет и согласится.

25 августа. 21 августа явился ко мне Бельгард и объявил, что 23 августа совет министров будет рассматривать законопроект мин. торговли (Тимашев) об отобрании торгово-промышленных объявлений у нас. Столыпин дал поручение Бельгарду узнать, «не будет ли это нам слишком убыточно?»

Я немедленно телеграфировал Столыпину: «Уменьшение прихода на 100 тысяч, недостает 60 тысяч на расход. Невозможно будет вести дело». Вслед за тем послал Столыпину заказное письмо с объяснением, что я немедленно должен буду подать заявление об отказе от аренды, а также объяснил неосновательность этой меры. Копия письма у меня осталась.

Вчера я говорил с Бельгардом по телефону (в СПБ), и он мне сообщил, что 23 августа в совете министров обсуждение было отложено по неизвестным для него причинам. Но сегодня Бельгард должен быть с докладом у Столыпина, и все узнает и мне сообщит.

2 сентября. [Под этой датой в дневнике наклеена телеграмма о покушении на П. А. Столыпина.]

5 сентября. Ночь. Сегодня, в 10 ч. вечера, Столыпин скончался. Провели два томительных дня, особенно сегодня. 2-го и 3-го известия были очень успокоительны. 4 сентября уже пошло ухудшение. Сегодня с раннего утра — известия все более безнадежные. В 5 часов дня известие, что началась агония... Но только в 11½ ночи явилась телеграмма о кончине в 10 часов ночи...

Я чувствую себя разбитым, усталым, в какой-то внутренней апатии с наружной оживленностью. Я его очень любил. Он — один из лучших людей, каких я знал. И безусловно — самый блестящий, какой-то нравственно изящный в каждом поступке. Я постоянно ссорился с ним, и никогда не разрывал. Я его не только любил, но глубоко уважал. И чувствую какую-то отраду от сознания, что и он меня уважал, верил моей искренности. Последнее свидание, когда мы так жестоко спорили, он все-таки сказал. «Я знаю, что, когда я паду, вы ко мне придете еще охотнее»...

Он был лучше, чище, благороднее всех своих соперников: нельзя даже и сравнивать.

У него в политике, по-моему, много ошибок — коренных. Особенно печальна его церковная политика. Но в общем теперь, когда его уже безвозвратно нет, перед Россией открывается какая-то черная тьма неизвестности и, вероятно, жестоких бедствий... Не справится, вероятно, никто с положением.

Туман неизвестности застлал и мой путь. Столыпин был единственный человек, который меня бы поддержал. Теперь меня ждет несомнен-

ное крушение. Если я выскочу из пучины с возможностью пропитания семье, то буду обязан этим ему... Но не знаю, выскочу ли...

8 сентября. Изморился. Толчея. Завтра в Киеве, наконец, похороны Столыпина. Похороны — царские. Да и царей так не хоронили. Только недостает государя, который, слава богу, уже в Крыму. Без него спокойнее.

Но какой быстрый переворот, господи, прямо не очувствуешься.

Я сначала заподозревал какой-нибудь злодейский умысел в среде правительственных соперников. Но, кажется, простая глупость разных Кулябков и их непростительная небрежность... Однако брат Столыпина, Александр, говорит, что Курлов знал о Богрове, т. е. что его впускают в театр... Непостижимо!

Или это закон судеб Поликратов. Перед отъездом в Курск прот. Восторгов заходил ко мне. Это было 31 августа. Говорили о том, о сем. В конце, понятно, перешли к Столыпину. Ведь это был центр русской жизни, как ни один из царей... Разговорились о его удивительном счастье. Сколько глупостей наделал весной, и все обратилось в его же пользу... Мы оба говорили это с веселым сочувствием к... Столыпину. Но вдруг оба как-то омрачились. Я говорю: «Только уверяют, будто все счастливцы кончают непременно страшным несчастьем...» «Да,— говорит Восторгов, — недаром вечный образ Поликрата Самосского...»

Кто мог подумать, что через 24 часа Петра Аркадьевича уже сразит такой нежданный, непостижимый Поликратов рок?

Интересно, что теперь думает этот несчастный государь[1]. Ведь нет у него ни единого человека, на которого он мог бы опереться. Даже Дурново уже не годится... Да он и не любит Дурново... Разве Кривошеин? Теперь едет в СПБ Гондати. Пожалуй, его бы можно попробовать. Он — столыпинского темперамента и, может быть, умнее. Но во всяком случае — дьявольски мерзкое... положение... Может быть, трагическая смерть Столыпина произведет реакцию в обществе, которая временно сдержит революционеров... Но это, во всяком случае, может быть краткой отсрочкой. Ею умный человек может воспользоваться для более солидного укрепления положения, но где этот умный человек? Уж не Коковцов же!.. Его ум совсем иного сорта. На это не годится. Тут лучше бы всего был Дурново, если бы ему десяток лет снять с плеч...

Скверно!.. Все характеры ушли в революцию. Впрочем, и у них только разбойники, а ни единого умного тоже нет. Вот Нилус пророчил на 1913 год антихриста... Пожалуй, если бы пришел, то могли бы все ему поклониться, как избавителю. Но только все это вздор. Не видать еще исполнения пророчеств. А скверно, а скучно, а бессмысленно жить! Даже и просвета не видно. Ведь и конституция не удержится и не умиротворит.

---

[1] Позднейшая приписка: «Говорят, что он не придает этому значения, т. е. не считает особой потерей».

Из записной книжки архивиста

Бисмарк о положении в Европе в 1868 г.

Реакционеры всех национальностей издавна пытаются своим гнусным замыслам дать высшую санкцию и некое идейное оправдание. В этом отношении от столпов, например, русского панславизма, мечтавших о захватнической политике на Ближнем Востоке и об утверждении господства «третьего Рима», ничем не отличаются идейные вдохновители современного фашистского пангерманизма, мечтающие о захватнической политике на Востоке и о мировом господстве «третьей империи». И они нуждаются в обосновании своей политики грабежа. В поисках оправдания своих преступных планов современные фашистские идеологи приходят к старым понятиям «расовой души».

«Мы верим в расовую душу, которая направляет внутренне здоровую нацию на предначертанный ей путь»,— пишет Альфред Розенберг, прибалтийский немецкий барон и бывший верноподданный русского царя, а ныне фашистский идеолог германского империализма и советник Гитлера по внешнеполитическим делам; ой чувствует себя призванным доподлинно разобраться во всех тонкостях этой «расовой души» и в сложном маршруте определяемого ею движения.

Куда же ведет этот предначертанный путь, распознанный фашистскими господами? Наклонности этих господ к графомании дают возможность раскрыть эту тайну еще до того, как германский фашизм отправился в поход по избранному им пути. «Или Германия будет мировой державой, или ее совершенно не будет, — пишет Гитлер в своей книге «Моя борьба». — Но чтобы стать мировой державой, она должна иметь такую величину, которая в настоящее время придаст ей должное значение». Но для этого, как указывает Николаи в своей книге «Государство в национал-социалистском понимании», Германская империя должна включить в свой государственный организм всех немцев: немцев эльзасских, люксембургских, австро-шлезвигских, данцигских, немцев, живущих в Чехословакии, Западной Пруссии, Польше, Верхней Силезии, Мемельском районе, южных немцев, австрийцев, жителей Лихтенштейна, затем немцев, живущих за границей, и прежде всего в Семиградье, Поволжье (!) и Прибалтике. Как видно, германскому фашизму, влекомому своей «расовой душой» к политике захватов чужих земель, предстоит длинный и тяжелый путь. К этому пути он готовится не только в военном, но и в идейно-политическом отношении. Он воскрешает все традиции германского империализма и прусского милитаризма. Он вызывает на помощь тени Фридриха II и Бисмарка. Он выступает как носитель «духа Потсдама» и незавершенной «немецкой миссии».

«Делить Германию с заграницей...,— указывает Энгельс, — вот в чем состояла немецкая миссия Пруссии, начиная с 1740 г.» [1]. Действительно, история внешней политики Пруссии представляет собою длинную цепь предательств, совершенных правящими классами в отношении немецкого народа. Пруссия неоднократно торговала германской территорией, и в этой торговле Франция выступала как старый клиент. То новое, что внес Бисмарк в выполнение этой «миссии», заключалось в том, что эту торговлю германской территорией он сочетал с делом национального объединения Германии.

При этом порабощение других народов, и прежде всего поляков, всегда являлось одной из основ существования феодальной Пруссии, а затем

---

[1] Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, М., 1923 г., стр. 31.

буржуазно-юнкерской Пруссии — Германии.

Война в 1864 г. с Данией показала, что делу национального объединения немцев великолепно сочеталось с делом национального порабощения датчан. Через два года — в 1866 г. — прусский юнкер Бисмарк, политические традиции которого до сих пор продолжает чтить германский империализм, показал, как он понимает выполнение своей «немецкой миссии». Крепким военным ударом он выгнал Австрию из Германского союза. На полях Богемии, на родине будущего основателя «третьей империи», Бисмарк сделал второй шаг к национальному объединению Германской империи под верховенством Пруссии. Действуя бонапартистскими методами, Бисмарк при этом предварительно договорился с французским Бонапартом, которому, по старому доброму прусскому обычаю, в качестве компенсации за нейтралитет он обещал уступить Рейнскую Баварию и Рейнский Гессен. Но когда пришел час расплаты, Бисмарк, опираясь на вооруженную силу, отложил выполнение своих обещаний и снова возобновил дипломатическую торговлю с Луи-Наполеоном. Последний, чувствуя себя еще не подготовленным к войне и пытаясь выиграть время, вынужден был пойти на переговоры.

Неудивительно, что позиция Наполеона, как об этом свидетельствует публикуемый ниже документ, давала большое удовлетворение Бисмарку. С другой стороны, Бисмарк крайне опасался, что Австрия в лице ее тогдашнего канцлера Бейста воспользуется создавшейся ситуацией и, усвоив его же собственный политический метод, активно использует существующие международно-политические противоречия и сможет «господствовать над ситуацией, стать своего рода арбитром положения». В то время Бисмарк более всего опасался сближения между все еще враждебной Австрией, которую он только что побил, и пока еще дружественной Францией, которую он уже собирался побить, чтобы окончательно завершить свою «немецкую миссию».

Но на пути выполнения этой «миссии» стояли южногерманские страны и прежде всего Бавария, которая не проявляла особенного энтузиазма при мысли о том, что несет с собою победа прусского сапога. Бисмарк в этом видел проявления клерикализма и, что еще опаснее с его точки зрения, республиканства. Его самые главные опасения, однако, заключались в том, что Бавария, расположенная между Австрией и Францией, может оказаться мостом, соединяющим его врагов в Австрии с его друзьями в бонапартистской Франции. Самый примитивный расчет толкал его к тому, чтобы бить своих соперников и врагов поодиночке; теперь эта славная бисмарковская традиция в фашистском политическом лексиконе называется теорией локализованной войны. Для этого на месте баварского моста нужно было вырыть глубокий стратегический ров. Отсюда удивительные проекты «о создании из Баварии подобия нейтральной страны, вроде Швейцарии или Бельгии». Бисмарк не скрывал, что эти комбинации менее всего оправданы идеей о «национальной миссии», но зато полностью могут быть оправданы его военно-политическими и стратегическими замыслаами: «Мы первые выиграли бы от этого, так как ее (Баварии. — *А. Е.*) нейтральность служила бы прикрытием нашего левого фланга».

Так Бисмарк раскрывал свою комбинацию послу царской России, с которым можно было не стесняться: выполняя свою «миссию» национального объединения, Пруссия, как известно, предварительно заручилась поддержкой русского царизма, который трекратно сохранял благоприятный нейтралитет в войнах Пруссии с Данией, Австрией и затем Францией. Общие интересы европейской реакционной политики и борьба с польским движением способствовали созданию общего языка русской и прусской дипломатии. Но в данном случае даже посол царской России, узнав из уст Бисмарка о комбинациях относительно судьбы Баварии, с плохо скрываемым удивлением заявил, что подобного он «до сих пор еще ничего не слышал». И тут Бисмарку пришлось срочно найти своим комбинациям высшее оправдание: носитель политики объединения Германии неожиданно вспомнил, что немцы, населяющие юг Германии, по своей расе «определенно отличны» от остальных немцев. Бисмарк обнаружил поразительное отсутствие дара предвидения: очевидно, основатель германской империи никак не предполагал, что Бавария, народу которой он отказал в принадлежности к немецкой расе, станет тем гнездом, где основатель

«третьей империи» со своими сподвижниками будет вынашивать теории о германской расе, об ее превосходстве над всеми остальными расами.

Расовая теория, которая ныне призвана оправдать стремления германского загнивающего империализма к мировому господству, на заре объединения Германии служила, оказывается, при определенной политической ситуации прусскому юнкеру аргументом в пользу невключения Баварии в германский государственный организм. При другой политической ситуации современные носители прусского милитаризма, выбрасывающие лозунг объединения всех немцев, предупредительно готовы забыть о немцах, проживающих в Польше или к югу от бреннерской границы. Понятие «расовой души» столь широко и необъятно, что в него можно вложить, в зависимости от условий, прямо противоположные политические устремления. Такова та непререкаемая истина «расовой души», границы которой на самом деле слишком подвижны.

Неудивительно, что официальный идеолог захватнических планов германского фашизма Розенберг считает, что «всемирная история должна быть написана заново», но никакая апелляция к прошлому и фальсификация истории не могут, конечно, принести оправдания тем злодеяниям, которые совершаются в настоящем и подготовляются в будущем.

А. Е.

Депеша российского посла в Берлине министру иностранных дел кн. Горчакову от 3 декабря/21 ноября 1868 г. № 189[1].

Господин канцлер,

Кн. Бисмарк только что посетил меня, и мы с ним бегло рассмотрели нынешнее политическое положение. Спешу представить вашему высокопревосходительству содержание нашей беседы.

Франция. Председатель совета [министров] очень доволен как настоящей позицией императора Наполеона, так и образом действий французского правительства. Он находит, что они проникнуты миролюбивыми настроениями.

Австрия. Гораздо менее благоприятно выраженное им мнение относительно австрийской политики и измышлений барона Бейста, вызывающих сожаление даже в Париже, так как они способны поддерживать тревогу в умах и мешать восстановлению серьезной уверенности в прочности политического положения в Европе.

«Австрийский канцлер снедаем тщеславием, — сказал мне между прочим кн. Бисмарк. — Он всегда хочет быть на первом месте, хочет, чтобы все приписывалось ему. Венский кабинет, повидимому, принимает позицию, аналогичную его позиции 1813 года, когда, ведя, с одной стороны, переговоры с Францией, с другой стороны — с Россией и Пруссией, он предоставил свое содействие тому, чьи предложения, по его мнению, были наиболее выгодными для него, однако, с тем условием, чтобы господствовать над ситуацией, стать своего рода арбитром положения. Эта роль, повидимому, улыбается еще и сейчас барону Бейсту, который видит в ней способ выдвинуться и тем удовлетворить свое тщеславие».

Англия. Перемены в английском министерстве не тревожат председателя совета [министров]. Он полагает, что новое министерство — войдет ли в него в качестве министра иностранных дел Кларендон или Вудхауз — будет продолжать, как уже десять лет это делали английские министерства, заботиться главным образом о прессе своей страны и о парламенте. Так что смена системы не вызовет существенных перемен в том направлении политики, которого Англия придерживалась все последнее время.

Испания. События в Испании, по мнению председателя совета [министров] оказывают скорее благотворное влияние на общий ход дел. Это, сказал он, как бы гнойное выделение при хронических болезнях, предохранительный клапан. Этим объясняются выражения тронной речи, произнесенной в Берлине, может быть, необычные в устах прусского короля, но предназначенные главным образом для того, чтобы оказать давление, в некотором роде умиротворяющее, на современные настроения.

Румыния. Что касается Румынии, то кн. Бисмарк полагает, что принц Карл поступит правильно, дав отставку министру Братиану. По его мнению, румынское правительство прежде всего должно заботиться об укреплении положения страны, а не мечтать о

[1] Архив внешней политики, ф. канц. 1868 г., д. № 19. Подлинник на французском языке.

шестимиллионном королевстве, состоящем из дако-румын. Если представится к тому случай, принц Карл может подумать о тех выгодах, которые могли бы ему принести европейские осложнения. Однако сам он не должен становиться источником и объектом этих осложнений. Именно в этом смысле председатель совета [министров] писал еще из Варцина графу Кейзерлингу. Он ему сказал, между прочим, следующую фразу, передающую суть его мысли: «Надо, чтобы Румыния стремилась сделаться как бы второй Бельгией, а принц Карл—вторым Леопольдом». По крайней мере для данного времени это, по его мнению, наилучший пример, на который только он может указать Румынии. Беспорядки же, происходящие последнее время в Румынии, могут быть, частично по крайней мере, приписаны 300 000 австрийских подданных, которых Австрия поддерживает в этих местностях. Возможно, что они не причастны к беспорядкам в этих областях.

Я сказал кн. Бисмарку, что мне еще неизвестно, как отнесется императорский кабинет к последним мероприятиям принца Карла, но я думаю, однако, что мы их будем приветствовать, ввиду реформ во внутренней политике, которые императорское правительство проводит так же настойчиво, как и удачно, и которые к тому же побудят нас стремиться к сохранению мира. Впрочем, добавил я, такое же желание, думается мне, должно быть и у Пруссии.

«Конечно,—заметил председатель совета [министров], — мы не можем желать войны и ничего бы от нее не выиграли».

Ю ж н а я Г е р м а н и я. «Юг Германии является до некоторой степени предметом наших забот вследствие тех республиканских и клерикально ультрамонтанских тенденций, которые там господствуют. К тому же эти расы определенно отличны от наших. И если бы дело шло о создании из Баварии подобия нейтральной страны, вроде Швейцарии или Бельгии, то мы первые выиграли бы от этого, так как ее нейтральность служила бы прикрытием нашего левого фланга, и нам пришлось бы тогда защищать лишь проходы в Силезии и Богемии и линию укреплений на Рейне».

Я спросил у его высокопревосходительства, имелась ли в виду подобного рода комбинация, о которой я до сих пор еще ничего не слышал.

Кн. Бисмарк ответил, что по пути ко мне он прочел об этом в газетных вырезках, которые ему доставляет отдел прессы; что ему неизвестно, будет ли эта комбинация серьезно обсуждаться, но что, со своей стороны, он не будет против нее, даже если кабинеты Парижа и Вены возымеют намерение дать ей ход.

На этом закончился наш разговор. Мы коснулись всех главных интересов данного момента.

Р е з ю м е. Кн. Бисмарк радуется прекрасным отношениям, существующим между Россией и Пруссией, которые еще более укрепили недавние свидания наших августейших государей. Прежде чем расстаться, он резюмировал свою мысль, подчеркнув, что он доволен Францией, но в гораздо меньшей степени доволен Австрией и направлением политики барона Бейста.

С глубочайшим уважением честь имею и т. д.

П. У б р и.

Московский университет в октябрьские дни 1905 г.

При ознакомлении с публикуемыми ниже документами необходимо иметь в виду, что они взяты из архива департамента полиции и потому требуют при своем использовании критического подхода. Документы относятся к осени 1905 г. и характеризуют один из самых острых моментов истории студенческого движения вообще и Московского университета в частности. Студенческое движение 900-х годов под влиянием революционного рабочего движения уже вступило на путь политической борьбы, отказавшись от узко академической платформы 90-х годов.

Следующим неизбежным этапом в развитии студенческого движения была классовая и партийная диференциация. Необходимо отметить, что переход к этому этапу был обусловлен в значительной степени ростом и усилением политической активности рабочего движения. Эти новые особенности

студенческого движения отметил В. И. Ленин в 1903 году в статье «Задачи революционной молодежи»[1].

Наивысшим этапом в революционной борьбе студенчества было объединение революционного студенчества с пролетариатом. В. И. Ленин так оценивает этот момент в статье «Политическая стачка и уличная борьба»: «Соединение пролетариата с революционной демократией, о котором мы не раз говорили, становится фактом. Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех демократических сил, которые гнушаются подлостью «конституционно-демократических» реформистов...»[2].

Печатаемые ниже документы отражают именно этот период наивысшего напряжения борьбы радикального московского студенчества, принявшего лозунги большевиков — свержение самодержавия при посредстве вооруженного восстания — и открывшего университет для широких революционных выступлений.

А. Сыромятников.

Донесение ротмистра, состоящего при ярославском губернском жандармском управлении от 13 сентября 1905 г., № 184[3].

В дополнение к донесению моему от 4 августа за № 150 и телеграмме от 1 сентября[4], имею честь доложить вашему превосходительству, что, по имеющимся агентурным сведениям, на состоявшемся студенческом нелегальном съезде собрались представители от 23 студенческих организаций, из которых шесть было партийных. Съезд, ввиду большого разнообразия элемента его участников, признал себя конференцией с решениями чисто совещательного характера. На съезде от некоторых организаций было по два и даже по три представителя, но, несмотря на это, голосование происходило по организациям, так что каждая организация имела по одному голосу. Съезду приходилось менять места своих собраний, так как участниками его было замечено наблюдение со стороны агентов охранного отделения. Съезд имел три заседания: в 1-м каждый делегат докладывал, от какой студенческой организации является он представителем, во 2-м каждый делегат излагал историю студенческого движения того высшего учебного заведения, представителем которого он является, в 3-м обсуждались вопросы об учреждении студенческого бюро и о тактике политической борьбы. Что касается учреждения постоянного студенческого бюро для сношения со всеми высшими учебными заведениями, то съезд единогласно высказался против этого, признав, что студенчество в политической борьбе должно присоединиться к существующим политическим революционным партиям: социалистов-революционеров и социал-демократов. На съезде не было представителей от высших учебных заведений следующих городов: Юрьева, Томска и Владивостока.

Вторым делегатом[1] от Демидовского юридического лицея на съезде был студент лицея Николай Ильич Подвойский.

Приложение: Полученное агентурным путем гектографированное воззвание: «Резолюция съезда представителей организаций русских и польских высших учебных заведений».

Ротмистр Немчинов.

Просят распространять.

Резолюция съезда представителей организаций русских и польских высших учебных заведений[2]

О тактике студенческой борьбы

Обсудив настоящее положение дел в России и признав:

1) что царское правительство будет всеми силами препятствовать освободительному движению народа;

2) что освободить народ от политического гнета и создать наиболее благоприятные условия для освобождения

---

[1] Ленин, Соч., т. V, стр. 353.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 294.

[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 3, ч. 25, л. 17. Публикуемые документы подготовлены к печати А. Кобяко.

[4] В указанных отношении и телеграмме сообщалось о предполагаемом съезде студентов для выработки программы действий.

[1] Так в подлиннике. Первым делегатом проходил студент Демидовского юридического лицея Степан Степанович Данилов (кличка «Звонарь»).

[2] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 25, л. 18 Печатается с гектографированного подлинника.— Заголовок подлинника, над которым напечатано: «Просят распространять».

от гнета экономического можно лишь путем созыва Учредительного собрания на основании всеобщего, равного голосования при прямой и тайной подаче голосов для лиц обоего пола, начиная с 21-летнего возраста, без различия национальности и вероисповедания [1];

3) что такое Учредительное собрание может быть лишь создано революционным путем;

4) что одним из главных средств к этому является приурочивание общей политической забастовки и вооруженного восстания к моменту созыва Государственной думы —

съезд представителей организаций русских и польских высших учебных заведений считает, что студенчество должно принять непосредственное участие в предстоящей борьбе. Для этого студенчество должно сконцентрировать и мобилизовать свои силы в крупных городах и дать возможность использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации партийных студенческих, боевых отрядов с тем, чтобы в нужный момент студенчество могло примкнуть к общей политической забастовке и к вооруженному восстанию.

Примечание. Если по местным условиям открытие высших учебных заведений может привести только к мирным занятиям студенчества, то съезд рекомендует местным организациям проведение забастовки с начала 1905/6 академического года.

г. Ярославль, 1905 г. 10 сентября

Рапорт пристава 2 уч. Тверской части московскому градоначальнику от 7 сентября 1905 г., № 487 [2].

Сегодня к 10½ ч. утра студенты стали собираться на двор дома университета, выходящий на Моховую улицу, в небольшие группы, а затем подошли к помещению физического института, но там было вывешено объявление, что по случаю ремонта помещение закрыто. Тогда студенты, делая надписи на этом объявлении, собрались в зоологическом музее количеством до 500 человек, но сходка там не состоялась, и к 12 ч. дня все перешли в Новый университет (1 уч. Тверской ч.), где к тому времени собралось до 2 000, а затем студенты группами стали подходить, и в общем их насчитывали свыше 4 000, включая в это число и курсисток до 400. Они заняли все аудитории и коридоры. Особенное скопление было в юридической аудитории № 1, где образовалась такая духота, что студенты снимали верхнее платье и были в рубашках, затем достали ручную небольшую лестницу, подняли ее на руках, и кто-то из студентов по этой лестнице добрался до верхней рамы, отковырял замазку и открыл ее; кроме того, разбили 3 стекла. Между студентами были техники, инженеры сельскохозяйственного института, межевого института и много одетых в штатское платье. Около 4 часов прошли со студентами 10 рабочих. Были и приват-доценты на сходке, а именно: Понятовский и Ярославцев. В аудиториях говорились речи, читались писаные листы и передавались из одной аудитории в другую, говорили и курсистки. В одной аудитории говорило 63 оратора. Кроме того, продавались открытки с изображением нижеследующих картин: река, на берегу стоят царствующие лица всех стран, среди реки плывет льдина, и русский царь, стоя на льдине в разорванной порфире, с короной на голове, в ногах на льдине держава, скатывающаяся в воду, и с другой стороны скипетр — туда же, простирает руки к берегу, как бы прося о помощи. Другая изображает русского царя, замахивающегося огромным мечом на гидру; царю удается отсечь голову гидры, но на ее место вырастает семь голов. — В аудиториях кричали: «Долой царя». «Нельзя приступить к занятиям при самодержавии». «Наследник родился немой и глухой». Говорили, что войска сибирские настолько деморализованы и что пропаганда в них так распространена, что боятся их возвратить сюда и что скоро они сами придут, и тогда будет революция. По рукам ходила родословная дома Романовых, из которой видно, что у нас царствует дом князей Юсуповых, а не Романовых.

Образовались 4 партии:

---

[1] Семью организациями, в том числе депутатами лицея, пункт второй принят в измененной редакции: выражение «для освобождения от гнета экономического» заменено словами «для классовой борьбы» (примечание в подлиннике.)

[2] Московское охранное отделение, 1905 г., д. № 26, 1-а, лл. 79—80.

1) академическая — наука для науки, небольшая;
2) революционно-академическая — наибольшая, к которой примкнули и вновь поступившие, — т. е. можно заниматься науками и принадлежать к революционерам;
3) забастовщики — наименьшая;
4) революционный трибунал — довольно значительная и самая нежелательная, смотрящая на университет, как на источник пропаганды с вооруженным сопротивлением.

Прокламациями буквально засыпали, некоторые образцы при сем представляю[1].

Центральный комитет окончательно провалился, ему выразили на собрании недоверие и порицание за весьма глухой отчет. Отчет центрального комитета читал председатель, весьма энергично руководивший собранием, за неимением звонка громко стучал по столу палкой, водворяя порядок и тишину. Представители печати просили допуска на сходку, но, говорят, это было отклонено. Выбором кн. Трубецкого недовольны и говорили, что при такой автономии никому не следовало из профессоров ставить свою кандидатуру.

Несколько человек высказывали желание устроить манифестацию на улице, но большинство это отклонило, говоря: «Пока мы свободно собираемся и нам не мешают,—для чего тут манифестация?» Председатель собрания доложил, что в манеже казаки и полиция. Говорили, что следующая сходка назначается 9 сентября, в 12 ч. дня, в том же помещении.

Некоторые студенты высказывали после сходки свое мнение, что хотя занятия и начнутся, но партии третья, четвертая и большинство второй объединятся, и тогда трудно будет продолжать занятия.

Никаких уличных беспорядков со стороны студентов проявлено не было.

О чем вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

[1] Распространялись прокламации: «К учащейся молодежи» Московского комитета РСДРП, «К интеллигентной молодежи» Московского комитета партии соц.-рев., от группы студентов-евреев, от группы академистов-филологов, прогрессивно-академической партии, московского центрального университетского органа и других организаций.

Резолюция, принятая на сходке студентов Московского университета 9 сентября 1905 г.[1].

Принимая во внимание:

1) что царское самодержавие в России проявляет твердую решимость удержать свою власть во что бы то ни стало;

2) что для достижения этой цели царское самодержавие между прочим организовало ряд погромов: еврейских, армянских, интеллигентских, распространило усиленную охрану, ввело военное положение, предало смертной казни множество геройских борцов за народную свободу и продолжает военной и полицейской силой подавлять всякое открытое требование свободы;

3) что все собравшиеся правительственные комиссии являются попытками правительства задержать рост освободительного движения;

4) что утверждения «Государственной думы» и издание «временных правил» для университетов является, с одной стороны, наглым издевательством над Россией вообще и над пролетарскими слоями в особенности, а, с другой стороны, представляются лишь проявлениями царской политики «разделяй и властвуй», вносящей глубокий разврат в российскую жизнь;

5) что благодаря самодержавию царя и бюрократии страна доведена до состояния полного экономического истощения и умственного застоя;

6) что лишь учреждение демократической республики способно спасти страну от политического и национального гнета и вывести ее на путь свободного развития ее производительных сил и свободной борьбы за экономическое освобождение;

7) что учреждение демократической республики возможно лишь путем созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, предо-

[1] По сообщению московского градоначальника в департамент полиции 9 сентября 1905 г., состоялась сходка студентов университета, на которой значительным большинством голосов была принята резолюция. Публикуемый документ является копией резолюции, написанной карандашом на небольшом клочке бумаги.

Архив революции, фонд печатных изданий № 18284.

ставленного лицам, достигшим 20-летнего возраста без различия национальностей, вероисповеданий и пола при гарантировании полной свободы предвыборной агитации;

8) что единственным путем для достижения созыва Учредительного собрания на вышеуказанных основах является революция, на каковой путь уже вступил российский пролетариат и трудовое крестьянство,

мы, студенты Московского университета, собравшись на общую сходку 9 сентября 1905 г., постановили:

1) игнорировать существующий политический строй и осуществлять политические и гражданские права, вопреки закону и помимо закона;

2) считать изменой народу всякое участие в правительственных комиссиях и всякое примирение на «Государственной думе» или на другом представительном учреждении, кроме Всенародного учредительного собрания;

3) открыть университет и, по возможности, не препятствуя желающим заниматься, превратить его в революционную трибуну, т. е. вести пропаганду и агитацию среди студентов и привлекаемых в университет широких масс населения и подготовиться к совместному выступлению на путь активных революционных действий с целью:

а) свержения царского самодержавия;

б) созыва революционным временным правительством учредительного собрания на вышеуказанных основах для учреждения в России демократической республики.

Отношение попечителя московского учебного округа московскому генерал-губернатору от 22 сентября 1905 г., № 20078 [1].

Ректор императорского Московского университета от 22 сего сентября, за № 2339, вошел ко мне с представлением следующего содержания:

«Вчера вечером в восьмом часу в университет вошла толпа свыше 3 000 человек и заняла насильственно аудитории юридического корпуса. По показанию швейцаров, студенты Московского университета составляли меньшинство, остальную часть составляли забастовавшие рабочие (до 1000), женщины (свыше 500) и воспитанники других учебных заведений (в том числе гимназисты). Градоначальник поставил в манеж батальон Екатеринославского полка с боевыми патронами, два жандармских эскадрона и 3 сотни казаков, причем он предупредил меня, что будет действовать оружием в случае каких-либо манифестаций на улице. Он лично заезжал в университет и долго совещался со мною и моим помощником во время заседания советской комиссии. Тем временем сходка начала расходиться, и к 12 часам оставалось всего человек 500. Ввиду постоянного вторжения в университет массы посторонних лиц и систематического нарушения советских постановлений, а также ввиду непосредственной опасности кровавого столкновения, я пришел к заключению, что университет необходимо закрыть на несколько дней. Градоначальник указывал на усиливающееся рабочее движение последних дней, которое несомненно должно питать сходки. Я предложил на обсуждение советской комиссии вопрос о закрытии университета, и она единогласно признала эту меру неизбежной при настоящих условиях. Ввиду этого, на основании ст. 17 устава, я сделал распоряжение о временном закрытии университета, о чем, согласно той же статьи, имею честь довести до сведения вашего превосходительства.

Сегодня 22 сентября в 8 часов вечера в старом библиотечном зале я созываю совет для доклада ему о причинах, вызвавших временное закрытие университета и для обсуждения вопроса о мерах к обеспечению академического порядка на будущее время».

Об изложенном честь имею сообщить вашему высокопревосхбдительству.

Управляющий округом

В. Исаенков.

Выдержка из письма без подписи. Москва, 22 сентября 1905 г. [1].

На вчерашней сходке в университете с.-р. не выступали, а говорили все с.-д. о Государственной думе... Все

[1] Фонд канц. москов. ген.-губ., 1905 г., д. № 106, л. 46.

[1] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д, № 26, 1-а, л. 263. Из перлюстрированной переписки.

кончили призывом к восстанию... Говорили все сильно, энергично и, конечно, вполне откровенно. Огромнейшее впечатление произвела речь одного большевика. Вот оратор! Это — огонь это — художник слова, это — истинный народный трибун. Тема его речи: двуличность и трусость либералов. Он так их изобразил, что у каждого из слушателей, вероятно, осталось во рту ощущение какой-то гадости от одного представления о либерале. Аудитория вся тряслась от восторга после его речи, и больше никто не решился взять слово. Поздравляю наших большевиков с появлением у них истинного трибуна. Обстановка в университете необычайная: ни сторожей, ни педелей, ни профессоров. Ты идешь словно в цирк, хочешь раздевайся, хочешь нет, в аудиториях сидят в шапках, коридоры и лестницы полны народа, и никому до этой пестрой публики нет дела.

Телеграмма и. д. ректора Московского университета министерству внутренних дел от 11 октября 1905 г. [1]

Совет Московского университета считает своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что в настоящее время, особенно после оглашения в газетах постановления совещания министров по вопросу о митингах в высших учебных заведениях, высшие школы оказываются единственным местом, где могут беспрепятственно происходить подобные собрания, в которых вся страна ощущает самую настоятельную потребность. Признавая такое положение совершенно ненормальным и организацию политических митингов в стенах высших школ не соответствующей целям и характеру этих заведений, совет имеет честь просить ваше высокопревосходительство поддержать ходатайство, уже раз возбужденное советом через покойного ректора князя Трубецкого, о необходимости совершенно безотлагательно издать закон, разрешающий русским гражданам широкую свободу политических собраний и гарантирующий неприкосновенность личности. Если издание этого закона почему-либо замедлится, то временно следует предоставить для политических собраний не помещения высших школ, а какие-нибудь другие, более подходящие для этой цели, обеспечив участникам происходящих там собраний ту же неприкосновенность, которую они фактически находят в помещениях высших школ.

Исправляющий должность ректора
Мануйлов.

Телеграмма министра народного просвещения попечителю московского учебного округа от 14 октябр .905 г. [1].

Именным высочайшим указом от 12 сего октября установлены особые правила о публичных собраниях по вопросам государственным, экономическим и общественным; этими правилами в точности определяется порядок разрешения сих собраний, и с изданием их не могут быть долее допускаемы в стенах высших учебных заведений так называемые митинги, или сборища, при участии посторонних лиц. Вследствие сего прошу ваше превосходительство безотлагательно предложить советам и учебным комитетам вверенных вам высших учебных заведений принять меры к недопущению отныне в стенах сих учебных заведений каких-либо сборищ при участии посторонних лиц; при невозможности же достигнуть этого мерами совета или учебного комитета, возбудить по телеграфу ходатайство о закрытии соответствующего учебного заведения, согласно пункта Б параграфа 2 указа 27 августа.

Рапорт пристава 2 участка Тверской части московскому градоначальнику от 14 октября 1905 г., № 606 [2].

Вчера слушавших лекции в старом университете было до 1 000 человек. С 7 ч. вечера в физическом институте заняли место делегаты филипповцы [3], 50 человек. В зоологическом музее фармацевты — 800 человек, в гистологическом институте было до 500 человек (публика разнообразная), в филологической аудитории — инженеры, до 800 человек. На всех собраниях постановлено: «общая забастовка», а инженеры, кроме того, опять собираются снять аппараты на телеграфе и для

[1] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 32, лл. 90—94.

[1] КМГГ., 1905 г., д. № 106, л. 7. Печатается с копии.

[2] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, 1-б, л. 277.

[3] Филипповцы — рабочие булочной Филиппова на Тверской улице.

этой цели войти туда под видом частных лиц с телеграммами. На собраниях были телеграфисты и почтальоны, железнодорожные и рабочие винных складов. Рабочим говорили, что между ними будет разделена земля казенная и помещичья, а фабричным говорили, что следует разделить капиталы фабрикантов и раздать их.

Вообще на вечерних митингах в университете проповедуется революция, вооруженное сопротивление, уничтожение властей, делаются сборы исключительно на покупку оружия.

16 октября, в 8 ч. вечера, в юридической аудитории № 2 состоится вечер с участием Н. А. Рожкова, В. М. Фриче, В. В. Симановского, Н. Н. Русова и др. Цена за вход 25 коп., билеты будут продаваться в чайной 14 октября.

Медики 1 курса собираются в субботу 15 октября, в 11 ч. утра, в аудиторию органической химии для производства выборов делегатов в центральный университетский орган.

В субботу 15 октября читает в техническом училище г. Тан о крестьянском движении.

О вышеизложенном вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

Отношение и. д. начальника московского охранного отделения в департамент полиции от 22 октября 1905 г.[1]

15 сего октября, по распоряжению ректора Московского университета Мануйлова, университет был временно закрыт, о чем вывешены объявления у ворот и калиток университета. Упомянутое объявление не помешало, однако, студентам и посторонней публике начать собираться с утра во дворе и здании университета, и около 2 часов дня начался митинг, на который собралось около 4 000 чел. Около 3 часов дня в Охотном ряду появилась толпа около 1 000 человек забастовщиков с участием небольшого количества студентов, приглашавшая хозяев лавок прекратить торговлю, но была рассеяна приказчиками Охотного ряда, причем последние, преследуя бегущих, почти достигли университета, чем вызвали тревогу среди участников митинга, результатом чего было решение студентов, в целях отражения набега «черной сотни», забаррикадировать университет и защищаться. Для приведения в исполнение своего решения студенты сломали чугунные и железные пожарные лестницы, различную мебель, разобрали слесарный инструмент в физических и механических мастерских и закрыли все ворота, укрепив их, кроме того, досками и другими предметами, разделились на десятки и, вооружившись револьверами, несколькими ружьями и шашками, финскими ножами, железными палками, камнями и т. п., расположились у решеток. Кроме того, из химической и медико-химической[1] лабораторий были разобраны все кислоты и взрывчатые вещества (из которых изготовлено несколько бомб).

Вечером того же дня университет, по моему распоряжению, был оцеплен войсками, и допуск к нему посторонней публики прекращен. Всю ночь собравшиеся провели во дворе университета, разложив костры и производя смену караулов у ворот и в других местах. На другой день, 16 октября, в здании нового университета состоялся профессорский совет под председательством ректора, на котором решили послать к администрации делегатов с просьбой выпустить всех собравшихся без обыска. На означенное условие мною было изъявлено согласие, и собравшиеся разошлись без инцидентов. По некоторым сведениям, имевшееся у студентов оружие и патроны в количестве около 20 ящиков, скрыты в помещениях университета... Убытки, причиненные поломкой мебели, лестниц, инструментов и т. п., еще не определены, но должны быть весьма значительны.

Об изложенном представляю вашему высокопревосходительству в дополнение к телеграмме от 16 сего октября за № 8600.

И. д. начальника отделения ротмистр Петерсон.

---

[1] Фонд Московского охранного отделения, 1905 г., д. № 26, 1-в, л. 140. Отношение в департамент полиции не было послано. На подлинном резолюция и. д. начальника охранного отделения: «Посылать уже поздно. К делу. 22/X. Петерсон».

[1] Так в подлиннике.

Рапорт пристава 2 уч. Тверской части московскому градоначальнику от 19 октября 1905 г., № 613[1].

В 3¼ ч. пополудни около Иверской часовни сошлись две партии, одна с национальными флагами, другая с красными. Ожидалось столкновение, кто-то хотел вырвать национальный флаг, но получил удар по лицу. Преобладающей была партия с красными флагами. Скоро партия с национальным флагом отошла к Охотному ряду, а толпа с красными флагами направилась к Манежу и к Александровскому саду. Один студент около Лоскутной гостиницы выстрелил в толпу из револьвера шесть раз и кого-то ранил. Раненого увезли, за студентом погнался городовой и толпа, но он успел скрыться. Войск не выводил, так как войска безусловно вместе с полицейским нарядом примкнули бы к партии с национальным флагом и непременно произошло бы кровавое столкновение, а газеты на другой день писали бы, что черная сотня во главе с полицией стреляла в манифестантов. В 4½ ч. прошла толпа по Большой Никитской с красными флагами по направлению к Манежу. В университет новый приходят и уходят рабочие, учащаяся молодежь. Там много красных флагов, оставленных еще вчера, и есть слух, что собираются устроить манифестацию. Во всех прокламациях, обильно раздаваемых, проповедуется: вооруженное восстание, да здравствует Учредительное собрание, да здравствует демократическая республика.

В прокламациях союза московских типо-литографских рабочих говорится, что только представители всего народа могут учредить новые порядки. — Нам нечего ждать от правительства; мы сами должны взять дело в руки, мы должны через всенародных представителей учредить новый строй — демократическую республику—и готовиться к всеоружейному восстанию. — Типографии Мамонтова, Городская, Троицкого не работают, кроме газетных наборщиков.

В 7½ ч. вечера у Национальной гостиницы собралась толпа до 200 человек, оратор говорил речь, но движение экипажей продолжалось. В это же время у булочной Филиппова собралась толпа до 500 человек; здесь учащиеся, рабочие и крики: «долой полицию». У магазина Брокар по Тверской до 100 рабочих кричат: «долой полицию, бей», свистят, кричат «ура». Вечером положительно опасно стоять на постах городовым. В 8½ ч. вечера прошла небольшая партия мимо дома генерал-губернатора с национальным флагом. Манифестанты подошли к булочной Филиппова, где была большая толпа, и запели: «боже, царя храни». Какой-то телеграфист стал что-то говорить о черной сотне, но был сейчас же удален. Раздаются крики: «царя оставим, а министров всех вон». В 9 ч. вечера толпа небольшая с национальным флагом от булочной Филиппова повернула обратно и у дома генерал-губернатора остановилась и кричала «ура» и пела «боже, царя храни». Прокричав «ура», прошла далее по Тверской. Замечено, что манифестанты в большинстве случаев состоят из подростков. Самая революционная толпа манифестантов, состоящая из учащейся молодежи — евреев, армян — это была вчера у дома генерал-губернатора, выставившая на двух палках белое полотно с надписью «амнистия». В общем замечено, что сегодня число манифестантов уменьшилось. В 10 ч. толпа до 300 человек с национальным флагом шла мимо дома генерал-губернатора, а в это время у Филиппова кого-то качали с красным флагом. Толпы столкнулись, и на этот раз партия с национальным флагом одержала верх, прогнав толпу с красным флагом и вырвав его.

Узнав об этом, боевая дружина, состоящая из студентов, одетых в штатское пальто, под предводительством одетого в студенческую форму студента высокого роста, быстро шла по тротуару (не более 40 человек), а позади шли санитары — трое с сумками. Пройдя Чернышевский переулок, стали сходить с тротуара на мостовую и командир дружины приказал строиться в ряды и когда подошли к Глинищевскому переулку, то боевая дружина сделала 2 залпа по толпе с национальным флагом. Раздались крики, и толпа в разных направлениях стала разбегаться; с Леонтьевского переулка также слышались выстрелы. Говорят, что раненых до 15 человек, санитары боевой дружины перевязывали раненых. Говорят, что двое и из боевой дружины ранены...

В 11 ч. 15 мин. толпа с национальным флагом стояла у дома генерал-губернатора, а затем повернула по направлению булочной Филиппова.

Кончаю рапорт в 12 ч. ночи, так как

[1] Фонд моск. охр. отд., 1905 г., д. № 785, лл 33 — 34.

толпы разошлись, но небольшие группы еще бродят. Толпа с флагом направилась к Трубной площади.

О вышеизложенном вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

Выдержка из письма с подписью «П. К—в», Москва от 21 октября 1905 г. [1].

Теперь у нас организуются боевые дружины, и 19 октября 20 человек вооруженных дружинников опять разогнали толпу «черносотенников» человек в 200. Идет массовый сбор на вооружение. Жертвуют деньгами, серьгами, кольцами, браслетами. Несколько боевых десятков каждый вечер дежурят в университете и по первому требованию выступают на помощь. Университет действительно обратился в революционный очаг, в военную казарму, там же и наш лазарет...

Работал я в одной организации соц.-дем. большевиков, в качестве техника... Всеобщая забастовка здесь прекратилась на время для организации вооруженного восстания... Какая тут масса военных сочувствует революционному движению! Когда, например, я дежурил на баррикаде в университете, подошли два офицера и по нашей просьбе купили два револьвера. В демонстрации несколько офицеров несли красные знамена. Даже казаки были в демонстрации. Я уверен, что к пасхе разнесут все самодержавное стойло! Ты бы посмотрел, как здесь готовятся к вооруженному восстанию! Пиши, скажи и остальным, чтобы строчили. Обмен мнений теперь необходим.

Отношение ректора Московского университета московскому градоначальнику от 22 октября 1905 г., № 2608 [2].

Принимая во внимание опасность вторжения уличной толпы в здания университета, в которых хранятся ценные научные коллекции и приборы, и тревожное настроение лиц, живущих в этих зданиях, совет Московского университета в заседании 21 октября 1905 г. признал необходимым временно, впредь до установления в городе порядка, прибегнуть к военной охране университетских зданий.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не отказать принять надлежащие меры для охраны пехотными войсковыми частями зданий и имущества императорского Московского университета. [1].

Ректор А. Мануйлов.

Секретарь совета

С. Преображенский.

Отношение и. д. начальника московского охранного отделения в департамент полиции от 22 октября 1905 г., № 10383 [2].

Вследствие предложения от 7 сего октября за № 13025 [3] представляю вашему превосходительству, что на митингах, происходивших последнее время в высших учебных заведениях г. Москвы, действительно почти всегда производились сборы на оружие, причем наряду с деньгами жертвовались кольца, браслеты, серьги и другие ценные вещи. На одном из митингов — 2 сего октября в Московском инженерном училище, — в числе других кружек, поставленных для сбора денег, была одна с надписью «на бомбу Трепову» (отношение московского градоначальника в департамент полиции от 6 октября сего года за № 9736); что же касается изготовления бомб в Московском техническом училище, то хотя слух об этом и циркулирует, но вполне достоверных сведений не имеется.

По имеющимся сведениям, студенты и рабочие, забаррикадировавшиеся

---

[1] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, 1-в, л. 147. Из перлюстрированной переписки.

[2] Фонд московского охранного отделения, 1905 г., д. № 785, л. 83.

[1] На документе: резолюция московского градоначальника: «Охранное отделение. По соглашению с военным начальством поставить роту. 22 октября».

[2] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 120, лл. 83—84.

[3] Отношением особого отдела департамента полиции от 7 октября 1905 г. № 13025 предписывалось начальнику московского охранного отделения выяснить поступившие агентурным путем сведения об участии в митингах, устраиваемых ежедневно в Московском техническом училище, значительного числа рабочих, призываемых выступающими ораторами к вооруженному восстанию, и сборам во время митингов денег на оружие и бомбы.

16 сего октября[1] в здании университета, располагали оружием в числе 300 револьверов и 22 ружей одноствольных и двухстволъных. С этого времени следует считать сформирование «боевой дружины», которая за последние дни принимает участие во всех противоправительственных демонстрациях, выступая вперед в случаях столкновений с мирными манифестантами, против которых она и действует оружием. При этом из действий «боевой дружины» 21 октября, во время столкновения на Тверской улице у дома Филиппова, видно, что она в известной степени имеет правильную организацию: по рассказам очевидцев, дружина, выступив против манифестантов, построилась в несколько шеренг и стала расстреливать из револьвера манифестантов, причем, когда первая шеренга израсходовала свои патроны, то вторая заступала ее место, первая же заряжала и т. д., а затем когда манифестанты рассеялись, очевидцы слышали команду: «Дружина, стройся! Дружина, направо!», и т. д. Та же боевая дружина выступала и на похоронах Баумана 20 сего октября, заняв место впереди процессии и по обеим сторонам.

Деятельность боевых дружин, проявляющих крайнюю нетерпимость по отношению к патриотическим манифестантам в связи с нападками периодической печати и на последних, отождествляющих их с хулиганами и клеймящих общим названием «черной сотни», вызывает сильное взаимное раздражение, которое со стороны «черносотенцев» перешло вообще на все студенчество. Последнее обстоятельство привело к тому, что в настоящее время, по просьбе ректора Московского университета, последний со вчерашнего дня охраняется войсками. Та же мера должна была быть применена, по просьбе директора, и к Московскому техническому училищу, но вследствие последовавшего со стороны студентов этого учебного заведения протеста директор от первоначального намерения отказался.

К изложенному присовокупляю, что в некоторых высших учебных заведениях, например, в Московском техническом училище, воспитанниками названных заведений производится практическая стрельба из револьверов-браунинг, а также, что имеются сведения, не вполне еще впрочем проверенные, о том, что в Московском университете имеются два помещения с надписями: «склад оружия» и «склад бомб».

Ротмистр Петерсон.

Н. Г. Чернышевский в Вилюйске

7 июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. 7 апреля 1864 г. Александр II утвердил сенатский приговор, по которому Чернышевский был присужден к 14 годам каторги, но сократил этот срок вдвое. Имелось намерение заточить Чернышевского в Шлиссельбург, но сам шеф жандармов кн. Долгоруков доложил царю 15 апреля, что «заключение в секретном замке (Шлиссельбургской крепости) преступника, лишая его сношений с родными, предоставляемых законом ссыльно-каторжным, возбудит справедливое нарекание на пренебрежение законов самим правительством». В результате 20 мая 1864 г. Чернышевский был отправлен для отбытия наказания в Восточную Сибирь. Когда истек срок каторжных работ (которых Чернышевский, как и его товарищи по каторге, не нес), и он должен был выйти на поселение, правительство, видевшее в Чернышевском опаснейшего врага, решило обезвредить его, уже не считаясь ни с какими законами. 7 декабря 1871 г. Чернышевский был отправлен из Александровского завода в Вилюйск. Здесь он и находился с 11 января 1872 г. по 23 августа 1883 г., когда был отправлен под надзор полиции в Астрахань.

В Вилюйске Чернышевский был помещен в тюремном замке, под денной и нощной охраной, пользуясь, однако, правом отлучаться из тюремной ограды днем. В зависимости от настроений петербургских, краевых и мест-

[1] Выше это событие датировано 15 октября, что более вероятно, так как, по сообщению пристава 2 уч. Басманной части в московское охранное отделение, на происходившем с 10 час. утра 16 октября митинге в Московском техническом училище обсуждался вопрос о том, как «выручить своих товарищей студентов, находящихся запертыми в стенах университета». (Москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, I-б, л. 303).

ных властей суровый режим то несколько смягчался, то становился совершенно невыносимым и возбуждал в Чернышевском подозрение, что его просто-напросто хотят извести.

В дополнение к опубликованным уже в разное время и в разных изданиях статьям и материалам, относящимся к периоду пребывания Чернышевского в Вилюйске, ниже мы печатаем некоторые документы из б. архивов якутского областного управления и вилюйского окружного полицейского управления — предписания якутского губернатора и донесения вилюйского исправника 1878, 1879 и 1882 гг.

Резолюция предписания якутского губернатора от 23 декабря 1878 г. печатается полностью. (В сокращенном виде она была напечатана в т. II «Литературного наследства», стр. 583.) Предписание губернатора от 23 февраля 1879 г. печатается нами как заключение переписки. Оно было опубликовано там же, стр. 584.

Н. А.

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23 декабря 1878 г., № 208[1].

Совершенно секретно

На донесение от 10 декабря № 2383 поручаю окружному полицейскому управлению объявить Чернышевскому, что доходящие до него слухи несомненно есть клевета, происходящая скорее от глупостей и неразвитости, нежели от какого-либо умысла, и всегда позорящая тех, кто ее распускает. И если Чернышевский укажет, от кого он слышал о желании его смерти, то поручаю произвести удостоверение, а в случае подтверждения этих слухов — произвести и формальное следствие, по окончании коего представить ко мне. Относительно желания Чернышевского обжаловать что-либо г. шефу жандармов, или просить его о чем, то я ему разрешаю и не в виде письма г. Терсинскому[2], а адресуя на имя г. шефа жандармов, но при условии: писать строго проверенную правду и в выражениях, подобающих высокопоставленной особе; такую жалобу, или просьбу, я отошлю по адресу.

Доктор Капелло[1], как каждое приезжее лицо в Вилюйск, не имеющее моего разрешения, не мог видеться с Чернышевским.

Если Чернышевский говорит о медикаментах, посланных при предписании от 5 августа 1875 г. за № 3297, то есть тех, о целости которых донесено мне полицейским управлением от 27 января 1877 г. за № 156, то поручаю полицейскому управлению предложить врачу Доброзракову освидетельствовать таковые, и если он признает их безвредными, то выдать оные Чернышевскому, о чем мне и донести.

Якутский губернатор Черняев.

На этом предписании Чернышевский написал:

«Замечу лишь один пункт в этой бумаге. Ни запрещать, ни разрешать мне писать к г. шефу жандармов якутский губернатор не имеет права. Он будет поступать хорошо, если, прежде чем подписывать относящиеся ко мне бумаги, сочиняемые в областном якутском управлении, будет отдавать их на просмотр людям, более сведущим в законах, нежели чиновники этого управления, очевидным образом, плохо знающие законы.

Содержание этой бумаги послужит содержанием письма моего к Терсинскому, которое напишу, когда найду то нужным.

Н. Чернышевский.

P. S. Г. исправник, потрудитесь отослать эту бумагу якутскому губернатору.

Н. Чернышевский».

Донесение вилюйского окружного исправника якутскому губернатору от 16 января 1879 г., № 2[2].

На благоусмотрение вашего превосходительства, представляя при сем в подлиннике отзыв государственного преступника Чернышевского, сделанный на предписании вашего превосходительства от 23 декабря м. г. за № 208, относительно дошедших до

[1] Центральный архив революции, фонд вилюйского окружного полицейского управления (ВОПУ), 1876 г., д. № 3, л. 228.

[2] Терсинский — дальний родственник Чернышевского, служащий синода; на его имя Чернышевский посылал письма жене и сыновьям.

[1] Капелло — и. д. инспектора медицинской части, приезжавший в марте 1878 г. в Вилюйск и отказавшийся навестить Чернышевского.

[2] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 226.

Чернышевского слухов и о пр., а также записку его, адресованную на мое имя 5 сего января, с передачей находившихся у него лекарств, имею честь почтительнейше донести, что: а) с предписания за № 208 к делам полицейского управления оставлена копия; б) полученные мной от Чернышевского лекарства переданы г. вилюйскому окружному врачу Доброзракову, при отношении от 12 сего января, за № 1, и в) если я относился с вопросом к г. Доброзракову о том, что вредны или безвредны для Чернышевского те лекарства, которые он желал получить, то вопрос этот возбужден был мной по смыслу вышеупомянутого предписания вашего превосходительства за № 208, и поэтому я не дал никакого повода, чтобы Чернышевский прекратил свои требования о выдаче ему нужных лекарств.

[Протопопов].

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23/24 января 1879 г., № 10[1].

Надпись на предписании моем от 23 декабря м. г. за № 208 «совершенно секретно» ясно указывала, что подлинное предписание это ни в каком случае не могло быть передаваемо Чернышевскому, т. е. именно тому лицу, о котором делаются секретные распоряжения. Передача Чернышевскому сказанной бумаги и имела последствием неуместную надпись Чернышевским на моем предписании за № 208.

Вследствие сего предписываю полицейскому управлению немедленно доставить мне, в дополнение к представлению окружного исправника от 16 сего января за № 2, объяснения, на каком основании сказанная выше бумага была передана подлинником Чернышевскому, а не объявлено на словах только о содержании ее и именно о том, что Чернышевскому знать следовало.

Независимо сего, донести мне, что сделано по предписанию за № 208, и особо, какой соблюдается порядок по хранению секретных бумаг.

Якутский губернатор Черняев.

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 231.

Донесение вилюйского окружного полицейского управления якутскому губернатору от 2 февраля 1879 г., № 4[1].

Во исполнение предписания от 23/24 января за № 10 окружное полицейское управление имеет честь донести на благоусмотрение вашего превосходительства, что во 1) предписание вашего превосходительства от 23 декабря м. г. за № 208 относительно государственного преступника Чернышевского было объявлено ему подлинником, а не на словах, в камере тюремного замка, по той уважительной причине, что Чернышевский, вызываемый в присутствие полицейского управления для выслушания того предписания, отозвался невозможностью явиться в оное по случаю холодной погоды; почему исправник Протопопов, дабы не отлагать объявления предписания, был для этой надобности в тюремном замке, где при бытности жандармского унтер-офицера, и объявил Чернышевскому подлинником предписание за № 208, вследствие требования Чернышевского, который, как должно было заключить, или не удовольствовался словесным объявлением, или сомневался в сущности переданных ему исправником Пропотоповым слов, и сей последний, если решился объявить предписание подлинником, то применяясь к правилам инструкции, данной относительно надзора за Чернышевским, не желая нарушить спокойствие его духа, а тем еще более могущее последовать негодование со стороны Чернышевского и, наконец, в предупреждение и дальнейших неблаговидных последствий; причем исправник Протопопов имел в виду буквальный смысл предписания: «Объявить Чернышевскому», не полагая, что предписание это должно быть объявлено Чернышевскому непременно изустно, и оно состояло в таком содержании, о котором по всей полноте его, по мнению полицейского управления, следовало поставить в известность Чернышевского; во 2) по неуказанию Чернышевским лиц, от которых он слышал о желании ему смерти, обстоятельство это оставлено без последствий; в 3) предписание вашего превосходительства за № 208 в отношении присланных для Чернышевского в 1875 г. лекарств, в чем подлежало, приведено в надлежащее исполнение, и в 4) секретные дела с особой осторожностью члены по-

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 232.

лицейского управления хранят в присутственном ящике за замком и печатью; производство по оным в черновых отпусках большей частью делается также членами сего управления, а переписка набело сопровождается под строгим их наблюдением в присутствии полицейского управления и переписка бумаг набело доверяется лицам, испытанным уже в верности, от коих ничего не может изойти в гласность; дела никогда не выносятся из присутствия в канцелярию полицейского управления и в руки посторонних не передаются; находящимся в производстве секретным делам имеется особая опись, входящий и исходящий регистры и разносная тетрадь,— и все эти документы хранятся в одинаковом порядке с делами.

Причем полицейское управление долгом считает доложить вашему превосходительству, что 1) члены оного вменили себе в непременную обязанность — секретные бумаги, до кого бы таковые ни касались, на будущее время объявлять словесно, а не подлинником, хотя бы сего и требовали касающиеся до них лица, в числе их и Чернышевский и 2) хотя Чернышевский и не указал тех лиц, от которых он слышал о желании ему смерти, но чтобы по возможности открыть таковые слухи, членами полицейского управления, и, по поручению оного, жандармским унтер-офицером делаются секретные дознания, и, в случае обнаружения, имеет быть немедленно приступлено к производству следствия.

Окружной исправник

Протопопов[1].

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23 февраля 1879 г., № 680[2].

Усмотрев из переписки полицейского управления и объяснения окружного исправника за №№ 2 и 4 с. т., что окружный исправник, вопреки смысла предписания моего за № 208 и надписи на нем «совершенно секретно», передал это предписание в руки государственного преступника Чернышевского, за это мною и сделан исправнику Протопопову строжайший выговор.

Государственного же преступника Чернышевского за то, что осмелился писать на предписании за № 208 и за то, что в писании своем допустил ложные и крайне неприличные выражения, предписываю полицейскому управлению, объявив о сем Чернышевскому, лишить его выхода за ворота тюремного замка в течение трех дней.

Якутский губернатор Черняев.

Рапорт пятидесятника Бродникова атаману якутского казачьего полка от... июня 1882 г.[1].

Имею честь донести вашему высокородию — я был командирован в г. Вилюйск за присмотром государственного преступника Чернышевского, вступил в назначенную обязанность по приказанию господина вилюйского исправника 30 мая сего года. На другой день я пошел из острога, в ретирадном месте снаружи против толчка пониже вырублена капитальная стена в длину полтора аршина и окладное бревно против этого места снаружи шага на два так, что человек может свободно, голову наклонивши, взойти снаружи нужника и потом в острог в большой коридор. А внутри ограды против нужника с ограды поставлены сажен около сорока дров, о которых я господину исправнику докладывал раза четыре в разное время, что это сделано вроде подкопа и кто это сделал просил исследовать — умышленно или неумышленно. Господин исправник не обратил внимания, я даже просил сторожа сменить, так как он полоумный. Печку затопил в кухне и убежал в город; вследствие его недосмотрения может быть пожар; который сторож, кажется, сплетни переносит Чернышевскому и еще кое-что есть, которое при следствии скажу следователю, еще вполне не узнал, о состоянии острога вследствии этих беспорядков лишаюся спокойствия, о чем доношу вам, высокоблагородие, покорнейше прошу вас взойти своим ходатайством, куда следует. При сем еще присовокупляю, ночью комната Чернышевского

---

[1] Протопопов относился к Чернышевскому сравнительно корректно, и Чернышевский порою заходил к нему. См. записку Чернышевского по делу ссыльных Чистоплюевых. (Полн. собр. соч., т. X, стр. 309 — 317.)

[2] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 15.

[1] Из фондов якутского областного архивного управления; дата в подлиннике не проставлена.

не запирается, он ночью ходит в нужник, ночью только запираются большие ворота, калитка и внутренние двери острога на замок.

А другой раз Чернышевский днем прогуливается, уходит в лес версты за четыре, за ним незаметно ему ходим, кто из нас дежурит из двух; таковую прогулку его считаю опасным, о чем покорнейше прошу ваше высокородие куда следует, в сем рапорте подписуюся собственноручно.

Пятидесятник Евтропий Бродников.

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 16 июля 1882 г. за № 291 [1].

Состоящий на службе при Вилюйском тюремном замке за присмотром Чернышевского пятидесятник Бродников в рапорте своем атаману здешнего казачьего полка изложил, что на другой день вступления в замок, т. е. 31 мая, он заметил в ретирадном месте замка, снаружи, против столчака, пониже капитальной стены, отверстие в длину полтора аршина и против этого места снаружи под сортиром окладное бревно шага на два выкопано, так что человек, наклонивши голову, свободно может войти в сортир, через столчак, поднявши таковой, а оттуда может пройти через большой коридор в замок (следовательно, и обратно). Внутри же ограды против ретирадного места поставлено около сорока саженей дров.

О замеченном он, Бродников, раза четыре докладывал исправнику в разное время и просил исследовать, не умышленно ли сделано означенное отверстие; но г. исправник не обратил на это внимания. Кроме того, он, Бродников, просил исправника сменить сторожа, который оказывается каким-то полоумным: затопит печку в кухне и убежит в город, а вследствие такого недосмотра сторожа может случиться пожар. Наконец что Чернышевский, прогуливаясь днем, уходит иной раз в лес версты за четыре, за незаметным для него присмотром.

Поэтому предписываю полицейскому управлению: во 1-х) если по тщательному осмотру действительно окажется в стене против сортира в замке отверстие, то таковое немедленно накрепко заделать и донести мне, отчего и кем сделано отверстие и почему об этом не было донесено мне полицейским управлением; во 2-х) если по удостоверению подтвердится, что сторож, затопив печь, уходит из замка в город, то уволить его от этой должности, наняв в сторожа другое лицо вполне благонадежное и пригодное для такой обязанности; в 3-х) если Чернышевский в прогулках своих выходит за город версты четыре, то такие дальние от города прогулки, как в инструкции вовсе неположенные, и не должны быть вовсе разрешены; и в 4-х), донести мне об исполнении изложенного, а также и о том, почему г. исправником не было обращено внимания на заявление Бродникова в таком важном деле, даже не было мне об этом донесено, а между тем члены полицейского управления должны помнить, что за нарушение известных полиции строжайших инструкций по содержанию Чернышевского в замке они будут подвергнуты строжайшей ответственности.

Якутский губернатор Черняев.

Донесение вилюйского окружного полицейского управления якутскому губернатору от 10 августа 1882 г., № 71 [1].

В исполнение предписания вашего превосходительства от 16 июля с. г., за № 291 вилюйское окружное полицейское управление имеет честь донести:

а) что пятидесятник Бродников действительно в июне месяце заявил окружному исправнику об отверстии, сделанном в ретирадном месте при тюремном замке, которым и было поручено помощнику исправника произвести удостоверение, с какой целью и когда сделано отверстие; последним же обнаружено следующее: что в ретирадном месте между бревном были для пропуска воздуха сделаны два узкие отверстия, и бывшее между этими отверстиями бревно отрублено и судя по тому, что срубленное место от времени почернело можно сказать за достоверное, что бревно срублено в давнем прошедшем (а может быть и при самом еще Бродникове, при первом его нахождении при замке), но кем именно, этого не обнаружено, хотя сильно падает подозрение на якута Николая Александровича, очищавшего

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 194.

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 200.

постоянно сортир в замке, а по всей вероятности вырубившего бревно для более удобного выгребания нечистот, но при спросе из-за боязни не признавшегося в этом. Отверстие это тотчас же было заделано, и обстоятельство это, как не имевшее никакого значения, оставлено без последствий. Бродников же, прежде чем донести г. атаману, обстоятельство это своею рачительностью настолько поставил гласным, что Чернышевский у одного из членов управления спросил, в таких выражениях: «откуда взяли, что я приготовляюсь бежать? Вы сами видите мои приготовления, так к чему же возводить пустяки». Все это и вообще все действия Бродникова приводят членов к тому заключению, что он по легкомыслию своему, при случаях более важных, не токмо не может принести с своей стороны пользу, но напротив, может разрушить все секретные меры, принимаемые для надзора; вообще Бродников видимо не способен сохранить какой-либо секрет, вверенный ему, и управление в будущем не решится доверять Бродникову, исключительно старающемуся выказать свою бесполезную рачительность по службе, выставляя разные беспорядки, тогда как другие чины за присмотром в замке не находят этого.

б) Обстоятельства оставления сторожем затопленной печи и отлучки его из замка не подтверждаются, и унтер-офицер корпуса жандармов Волков никогда не замечал этого и не докладывал, а Бродников питает неудовольствие на сторожа по причине нежелания последнего лично услуживать Бродникову, как это выказалось тем, что Бродников, возвратившись с неводьбы, куда отлучался без всякого разрешения, приказывал сторожу разувать его, но сторож, не исполнив этого, навлек на себя гнев Бродникова, а во устранение на будущее время этих неудовольствий сторож имеет быть ныне же сменен, хотя как человек трезвый и мог бы находиться на этой обязанности.

в) В отношении прогулок Чернышевского управление заверяет, что Чернышевский никогда на расстоянии 4 верст не углубляется в лесу, во-первых, боясь заблудиться и, во-вторых, вероятно, хорошо зная об ограничении его прогулок, а действительно приблизительно за версту от замка ходит в летнее время для собирания грибов, а также по окраине леса гуляет вокруг города в виду оного, незаметный надзор за ним выполняется Бродниковым не согласно инструкции, а совершенно гласно и довольно глупо, ибо при каждом выходе Чернышевского Бродников никогда не следит за ним, как он пишет, а выжидает его возвращения иногда среди улицы, а большею частью выглядывая из-за угла, когда он в городе, и всегда так, что Чернышевский замечает его присутствие и за последнее время видимо весьма тяготится таким надзором; хотя он не высказывает этого, но нельзя не заметить его крайнего нерасположения и раздражения к Бродникову.

Все вышеизложенное, представляя на благоусмотрение вашего превосходительства, вилюйское окружное полицейское управление имеет честь покорнейше просить не отказать сделать распоряжение об увольнении Бродникова от занимаемой им обязанности, как совершенно негодного к несению таковой и вместо его назначить другое лицо, а также неназначении его на будущее время[1].

Помощник исправника
Кокшарский.

Из рапорта пятидесятника Бродникова от 4 августа 1882 г. № 3.

Чернышевский здоров и ни с кем, кроме как с полицейским управлением, переписки не имеет.

Прогулку делает попрежнему по лесу версты за три-четыре в день по два раза, на эту прогулку на случай я от господина исправника Третьякова (находившегося с Чернышевским в плохих отношениях) просил по неаккуратности казачьих пистолетов снабдить из семи ливергеров один снарядом, которые находятся в казарме у казаков. Исправник мне отказал, хотя кремневый пистолет не выпаливает иной раз.

Дыру заглушили весьма непрочно, а дрова не убрали, о чем доложено исправнику. Все известно Чернышевскому, он все знает обо всем, дабы опосля мне не подвергнуть ответственности. В ограде еще дрова, а под дровами до сажени обгорелых головней, откуда они берутся, не знаю. Вследствие сего доношу обо всем вам и прошу взойти куда следует».

„Путешествие из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева и царская цензура.

Александр Николаевич Радищев оставил яркий след в истории русской культуры. За свой смелый протест против самодержавия он подвергся жестокому гонению. Та же участь постигла и его главное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Как известно, «Путешествие» вышло в свет в 1790 г. Резкий протест против крепостного права, самодурства помещиков, угнетения крестьян, юмор, живость и искренность чувства, с которыми описывались картины разнообразных явлений мрачной русской действительности, вызвали «великое любопытство» публики в Петербурге. О книге «говорили по всему городу». Это заставило Радищева насторожиться и, когда арестовали книгопродавца, сжечь все бумаги, относящиеся к этому изданию, и оставшиеся у него экземпляры книги. Поступившие в продажу экземпляры были уничтожены по распоряжению Екатерины II. Однако несколько экземпляров книги уцелело. Не только в столице, но и далеко за ее пределами стали распространяться рукописные копии с нее. По этому поводу А. С. Пушкин писал: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал».

Все же гнет царской цензуры более ста лет продолжал тяготеть над произведением Радищева. Все попытки переиздать «Путешествие» были тщетны. Даже после появления в 1868 г. «высочайшего повеления», разрешавшего печатать «Путешествие» на основании общих цензурных правил, могло выйти в свет лишь только одно издание Шигина с пропуском целых глав и со многими искажениями.

В 1870 г. полный текст «Путешествия», изготовленный по изданию 1790 г., был отпечатан П. А. Ефремовым, но в свет не вышел, был задержан цензурой, а затем весь тираж издания уничтожен. В 1888 г. «Путешествие» было издано А. С. Сувориным, но всего лишь в количестве 99 экземпляров. Только в дни первой русской революции 1905 г. стало возможным выпустить общедоступное издание этого произведения.

Октябрьская резолюция приблизила Радищева к широким массам трудящихся. Включая в свой культурный фонд великое наследство А. С. Пушкина, пролетариат СССР не может забыть и Радищева, о котором гениальный поэт сказал: «вослед Радищеву восславил я свободу...»

Публикуемые ниже документы взяты из дела III отделения царской канцелярии 1859 г., № 215, л. 2, 9—11, они говорят нам о попытке сына Радищева добиться накануне «великой реформы» разрешения выпустить в свет литературное наследство А. Н. Радищева. Александр II не разрешил издания. В том же деле имеются аналогичные документы о вторичной безуспешной попытке сына Радищева в 1861 г. получить разрешение от царя на издание. И только через семь лет после реформы вышеуказанное «высочайшее повеление» сняло с книги запрет многих десятилетий.

Документы поневоле вызывают у читателя и чувство острой досады. Сын А. Н. Радищева, получающий сто рублей «от монарших щедрот» в воздаяние «похвальных чувств преданности престолу и отечеству», очевидно, не унаследовал характера отца, о котором другой его сын, Николай Александрович, писал: «Ал. Ник. был нрава прямого и пылкого, — все горести сносил с стоической твердостью, никогда не изгибался и был враг лести и подобострастия»[1].

В. Далаго.

Прошение П. А. Радищева Александру II от 5 сентября 1859 г.

Всемилостивый государь.

В 1790 году Александр Николаевич Радищев издал книгу под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», где указывал на злоупотребления, замечаемые им дорогою, наиболее вопиял именем угнетенного человечества против крепостного права, под которым стонали миллионы русских, наших братий по вере и по происхождению. Книга эта полезна по многим уверениям: ученый, опытный, гениальный человек, законоведец доводил до правительства неизвестные, может быть, факты, несообразные с

[1] Радищев, Русская классная библиотека, под ред. А. Н. Чудинова, С.-Петербург 1906 г., стр. 206.

веком просвещения. К несчастью, увлеченный сюжетом, он поместил оду, внушенную ему распространившимся в Европе духом революции, бывшей тогда во Франции в самом разгаре, увлекшей самые светлые умы, воображавшие, что золотой век, при светильнике наук и философии, настал для человеческого рода. Эта ода была причиной, что и вся книга почлась опасной, подверглась запрещению, и автор сослан в Илимск. Впоследствии, когда умы успокоились, многие отрывки из этой книги были напечатаны во многих журналах с самого начала этого столетия. Ныне, когда ваше императорское величество осуществили мысль того, кто первый заговорил в России об освобождении крепостных людей, когда уже по одному вашему слову продажа людей прекратилась в России, издание «Путешествия из Петербурга в Москву», за исключением оды, может быть допущено. Я, как товарищ в малолетстве его ссылки, имею право на его духовное наследство и осмеливаюсь просить ваше императорское величество о таковом позволении.

Г. министр народного просвещения Ковалевский запретил поместить в одном журнале портрет Радищева, продававшийся уже более 50-ти лет при его дозволенных сочинениях, стихи Пнина... на его смерть, неоднократно напечатанные, и вид Илимска и его дом, присланные мной в этот журнал, и краткую биографию из напечатанной мной уже прежде. Благоволите, всемилостивейший государь, приказать снять такое запрещение.

Вашего императорского величества верноподданный Павел Радищев. Сентября дня 1859 года.

Жительство имею в Гончарной улице, в доме Безверхова.

Доклад шефа жандармов Долгорукова Александру II от 10 сентября 1859 г.[1].

Коллежский асессор Павел Радищев представил всеподданнейшую просьбу о дозволении ему: 1) напечатать изданную в 1790 г. отцом его, Александром Радищевым, книгу, под названием: «Путешествие из Петербурга в Москву», 2) поместить в журнале «Иллюстрация» портрет его отца, со стихами на его смерть, соч. Пнина, вид города Илимска, дома, где жил отец его, по ссылке в Сибирь, и его биографию.

Присовокупляя к этому, что министр народного просвещения запретил печатание в «Иллюстрации» портрета, стихов Пнина, вида Илимска и биографии, проситель представляет в уважение, что в «Путешествии» отца его, кроме оды, которую он и не предполагает перепечатывать, по нынешнему времени нет ничего запрещенного: ибо прежде казались в этой книге преступными рассуждения против крепостного права, а в наше время подобные рассуждения печатаются во всех журналах; что портрет отца его в продолжении более 50 лет продавался при других дозволенных его сочинениях, что биография отца его также была напечатана.

Сверх того, коллежский асессор Радищев приложил стихи своего сочинения «На заключение мира в Париже 18/30 марта 1856 года» и просит, если эти стихи удостоятся высочайшего воззрения, выдать ему, по крайне недостаточному состоянию и преклонным летам его, вспоможение.

Справка: 1. Отец просителя, Александр Радищев, в 1765 году, по воле императрицы Екатерины II, был послан в числе нескольких других молодых людей за границу слушать лекции в Лейпцигском университете по части правоведения. Возвратившись в отечество, он пользовался общим уважением по службе и как сочинитель и достиг до чина коллежского советника. В 1790 г., когда по случаю французской революции, принимались строгие меры осторожности и в России, Радищев напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву». В этой книге он в преувеличенном виде описал несчастное состояние народа, насилие вельмож, презрение к прошедшему, изумление перед своим веком и слепое пристрастие к новизне. Книга Радищева, не имея литературного достоинства, обратила тогда внимание правительства духом своим, напоминавшим французскую философию XVIII века. В той же книге напечатана была ода, вполне революционного содержания. Сочинитель был предан суду, лишен чинов и дворянства и в 1791 г. сослан в Сибирь. Император Павел I возвратил его из ссылки, а император Александр определил на службу в комиссию составления законов. Здесь он вскоре в одном написанном им проекте обнаружил свой прежний образ

[1] III отд. царск. канц., 1859 г., д. № 215, лл. 9—11.

мыслей и в 1802 году, опасаясь ответственности, отравил себя ядом.

Другие сочинения его, дозволенные цензурой, напечатаны в 1807—1811 гг. в шести частях, с портретом сочинителя. Стихи на смерть его, соч. Пнина, не заключают в себе ничего законопротивного и несколько раз печатались. Биографии его помещены в 4-й части словаря достопамятных людей, изд. Бантыш-Каменского, в 7-м томе сочинений Пушкина, изд. Анненкова, и в 23 № «Русского вестника» за 1858 год.

2. Проситель Павел Радищев воспитывался в морском кадетском корпусе, служил с 1800 по 1805 год во флоте, с 1805 по 1807 г. — в департаменте народного просвещения, из которого уволен с чином коллежского асессора. В Отечественную войну служил в ополчении; имеет аттестат на звание домашнего учителя и занимался в разных домах обучением детей. Состояния он никакого не имеет; семейство его осталось в Екатеринославской губернии.

Соображение. Новое издание «Путешествия» Александра Радищева и портрета его было бы лучше отклонить. Стихотворение просителя «На заключение мира 1856 г.» не заключает в себе никаких литературных достоинств, но исполнено похвальных чувств преданности к престолу и отечеству. В уважение этих чувств и преклонных лет Павла Радищева было бы можно исходатайствовать ему от монарших щедрот единовременное пособие [1].

10 сентября 1859 г.

---

[1] На подлинном надпись: «Высочайше повелено исполнить согласно соображению и выдать Радищеву в единовременное пособие сто руб. (серебром), потребовав эти деньги от государственного казначейства. 21 сентября».

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия В Максаков (зам. редактора), С. Пашуканис, Ф Ротштейн